

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Валерий
Кочик**

**РАЗВЕДЧИКИ
И РЕЗИДЕНТЫ ГРУ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОТЧИЗНЫ**

Валерий Кочик

**Разведчики и резиденты
ГРУ. За пределами отчизны**

«Алисторус»

2022

УДК 323
ББК 63.3

Кочик В. Я.

Разведчики и резиденты ГРУ. За пределами отчизны /
В. Я. Кочик — «Алисторус», 2022

ISBN 978-5-00180-506-9

Историк Валерий Кочик рассказывает о людях, которые свою жизнь связали с советской военной разведкой – ГРУ. Тех, кто в военное и мирное время сражался на невидимом фронте. Начиная от «первого начальника мирного времени» Арвида Зейбота, который в апреле 1921 года возглавил Разведывательное управление Штаба РККА и заканчивая Героем России разведчиком-нелегалом Яном Черняком, который был одним из прототипов полковника Максима Исаева (Штирлица) из фильма «Семнадцать мгновений весны».

УДК 323

ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-506-9

© Кочик В. Я., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

От автора	6
Часть первая	9
Первый начальник мирного времени Арвид Зейбот	9
Ян Берзин: по прозвищу «Старик»	20
Два года во главе разведки: Семён Петрович Урицкий	38
Часть вторая	48
Советские разведчики в жизни одной московской семьи: по следам давней публикации в журнале «Огонёк»	48
«Человек он крепкий... промаху не даст»: советский разведчик и коммерсант Артур Сташевский	57
Иван Винаров и советская разведка его времени	66
Лев Борович: соратник Радека и куратор Зорге	84
Коммунист-эсер-коммунист: Григорий Семёнов как зеркало большевистской политики	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Валерий Кочик
Разведчики и резиденты
ГРУ. За пределами отчизны

Издание второе, дополненное и переработанное

© Кочик В. Я., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

От автора

«Региструпр», «Разведупр», «ГРУ», – для некоторых людей эти слова всё ещё звучит таинственно. Из данных трех основных наименований военной разведки второе и третье замелькали на страницах отечественных газет и журналов довольно давно, начиная с середины 60-х годов прошлого столетия, после того как было названо имя Рихарда Зорге, а затем и руководителей Разведупра – Я. К. Берзина и С. П. Урицкого. А первое из них, как это ни странно, стали упоминать широко лишь в самом конце минувшего века, когда речь зашла о возникновении и первых шагах российской военной разведки в послереволюционный период.

Писали о военной разведке и её сотрудниках разное и по-разному, было немало ошибок и искажений. Рассказывали о них мало, туманно, иногда пафосно, а хотелось бы – просто по-человечески. Разведчики тоже люди. Они появлялись на свет естественным путём – их рожали матери. Они воспитывались в семье, зачастую многодетной, у них были отцы, братья, сёстры, которые иногда становились соратниками. Были детские игры и товарищи по играм, которые, спустя много лет, становились иногда товарищами по партии, но иногда и классовыми врагами. Почти все разведчики, о которых пойдёт речь в этой книге, родились до революции, а, значит, в их семье была вера: православная, католическая, лютеранская, мусульманская, которую будущие герои принимали с детства. Вера в Бога даже у самого пламенного большевика старой закалки могла уживаться в душе с верой в светлое коммунистическое будущее, где всего было в достатке и всё было поровну. Для этого и делали революцию, твёрдо зная, что счастье близко и построить совершенное общество можно своими руками. Ради этого и рисковали, ехали на опасную работу и шли на немыслимые жертвы. И была личная жизнь – любовь, увлечения, пристрастия. Были жёны и дети, бывали романы на стороне и с жёнами сослуживцев. Это влияло на работу и отношения с коллегами, от которых потом нередко зависела судьба. Их деяния уже стали историей – мировой историей, потому что Советская Россия, при активной помощи военной разведки, сразу после своего образования принялась оказывать влияние на ситуацию в мире и судьбы людей.

Разведчики были людьми. В большинстве случаев людьми неординарными, умными, смелыми, энергичными, нередко талантливыми учёными, техническими специалистами, литераторами и военачальниками. Всех их объединяла особая черта характера – авантюрная жилка, толкающая на поиски приключений. Это и привело выходцев из разных стран на покрытую завесой строгой секретности территорию **ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ**.

Работа разведчика трудная, иногда нечеловечески тяжелая. Опасности подстерегают его не только с «фронта» в виде контрразведки противника, но и с «тыла» в виде предателей, непрофессионально сработавших коллег, иной раз и со стороны собственного начальства и родных спецслужб. На одних многолетняя тяжелая работа практически не сказывается, у других меняется, и не в лучшую сторону, характер, третьи внезапно седеют, оказавшись, например, с секретными документами в кювете в зарубежной стране, когда по дороге не спеша идут полицейские, кто-то «ломается» и даже сходит с ума и его срочно нужно выводить из страны, кого-то вывозят из заключения, а кто-то теряется или оказывается забытым в большом мире, умирает на чужбине от болезней и голода, и остается там навсегда. И как это не кажется невероятным, даже тело погибшего разведчика может стать предметом торга и обмена.

Нужно помнить также и о том, что по вполне понятным причинам, приводившиеся конкретные данные о работе отечественных разведывательных служб касались по большей части недостатков и провалов в работе. А достижения и триумфы если и обрисовывались, то как правило, общими словами. То есть, нужно понимать, что многое в работе разведслужб остается неизвестным, что-то из этого останется в тайне навсегда. Исходя из сказанного следует воспринимать и данные о провалах – часто это скудные сведения, которые по большей части

поступают с другой стороны. В то же время общая картина, малой толикой которой является такое происшествие, остается закрытой.

В качестве примера можно сказать следующее: в апреле 1927 г. во Франции произошел известный провал в деятельности советской военной разведки. Арестованы были два иностранца «литовец Стефан Гродницкий» и «русский Абрам Бернштейн» (С. Л. Узданский и А. Л. Немировский), их настоящие имена тогда и долгое время потом оставались неизвестными. Разведчиков и нескольких, связанных с ними французов, обвиняли в сборе сведений о некоторых военных объектах Франции. Кое-кто считал и считает, что данный и последующие эпизоды привели к провалу всей деятельности советской разведки во Франции. Но это совсем не так.

Вот лишь один пример: в том же 1927 году по заданию Разведупра в Париже создается особая группа из французских коммунистов. Перед ними поставлена одна единственная задача – получать и копировать документы, чем они и занимаются три года подряд (и даже без выходных, я думаю). После ареста в 1931 г. «Поля-Оноре Мюрея» (П. В. Стучевского) группа временно прекратила свою деятельность и осталась нераскрытой, как и те, кто ее создавал, курировал ее работу и помогал в ее расформировании. Осталось неизвестным и настоящее имя «Мюрея». Руководитель же данной группы Эдмон Моро, которого разыскивали как коммуниста, покинул страну. В ходе последующих провалов военной разведки Советского Союза в этой стране в 1932–1934 гг. никакие существенные источники информации, если судить по данным прессы, не были раскрыты.

И что же дальше. Ветеран военной разведки, доктор исторических наук В.И. Лота (Бойко) писал в статье «Подвиг резидента» об Анри Робинсоне, разведывательная организация которого работала по Франции, Германии и Англии (1935–1942 гг.): «Резидентура, которой руководил Гарри, была в 30–40-х годах прошлого века одной из наиболее эффективных зарубежных организаций Разведуправления Красной Армии. Гарри длительное время успешно занимался военно-технической разведкой, был исключительно удачливым профессионалом высокого класса... Гарри активно сотрудничал с известными учеными, которые передавали ему результаты своих исследований для последующего направления их в Москву. Несмотря на достаточно преклонный возраст, кое-кто из тех товарищей Гарри до сих пор жив и здоров... О Гарри осталась память. Сегодня можно в общих словах сказать, что некоторые его источники, сведения о которых резидент унес в могилу, после окончания Второй мировой войны продолжали бескорыстно сотрудничать с советской военной разведкой. Резидент Гарри продолжал работу и после казни...».

Как видно из приведенных сведений работа не прекращалась и после провалов, хотя представлена только малая часть общей картины деятельности всей советской разведки. Но и недооценивать провалы в работе все же не следует. И разбираться с ними должны профессионалы – «с чувством, с толком, с расстановкой», не следует устраивать по этому поводу истерик и разборок на не вполне компетентном уровне. Да, молодая советская разведка не всегда срабатывала должным образом, но ведь и молодое советское государство далеко не всегда поступало подобающе по отношению к ней (так, например, очень часто нарушался один из основных принципов – «на разведке нельзя экономить», я уже не говорю о необоснованных репрессиях, обрушившихся на военную разведку начиная с 1935 г., хотя отдельные факты такого рода наблюдались и раньше).

Возможны и иллюзии провала. Резидент в Англии С. В. Жбиковский (1925–1927 гг.) получил задание создать в стране еще одну резидентуру. Начальником ее предполагалось назначить старого опытного сотрудника М. Г. Максимова, а помощника для него – Г. В. Хансена – подобрали в военном аппарате КППГ, где он, помимо всего прочего, сотрудничал с РУ Штаба РККА. Однако, внезапно все изменилось. М. Г. Максимов отбыл в Голландию, откуда ему поручили курировать работу советской военной разведки в Англии. Молодого же сотрудника Хансена в июне 1927 г. отправили в эту самую страну резидентом. Спустя 5 месяцев

он был арестован английской контрразведкой, когда вышел на связь с агентом У. Макартни, находящимся под их контролем. Похоже, что так все и было задумано со стороны Разведупра. Создать иллюзию провала резидентуры, которой на самом деле и не было. Никаких компрометирующих его материалов полиция не нашла, а на суде он «вел себя как стойкий революционер». Георг провел в английской тюрьме семь лет, потом его освободили и с помощью коллег из ИНО НКВД он выехал в СССР². Я. К. Берзин в 1928 г., когда исполнилось 10 лет РККА, назвал С. В. Жбиковского «одним из основных строителей нашей разведки на Западе»³.

Когда-то в наркомате по иностранным делам из конспиративных соображений стали называть советских разведчиков «соседями» – «ближними» для них были сотрудники ГПУ – НКВД (поскольку НКВД располагался тогда на Кузнецком мосту), а «дальними» – военные разведчики. Друг для друга они были просто «соседями». Такое обозначение прижилось и использовалось много лет в разговорах, переписке, иных документах, а может быть используется и теперь. Менее известно, что в ЦК партии тех из разведчиков обоих ведомств, которые работали за рубежом по легальной линии, называли «линейными людьми».

В этой книге рассказано лишь о некоторых людях из большой армии резидентов и разведчиков, работавших в военной разведке в различные периоды её многолетней истории. При этом использованы малоизвестные отечественные и зарубежные источники, отдельные архивные сведения о них сообщаются впервые. За помощь и содействие в работе над книгой автор благодарит М. А. Алексеева, А. И. Колпакиди, Е. А. Горбунова, а также сотрудников библиотек РГБ, РГИБ, ВГБИЛ и архивов РГВА и РГАСПИ.

Особая благодарность дочери Л. А. Боровича Светлане Львовне и внуку Д. А. Коркмасова юристу, полковнику А. Э. Коркмасову, предоставившим в мое распоряжение материалы из личных архивов и помощь в работе над очерками «Лев Борович» и «Сильнее власти денег».

Примечания

¹. Красная звезда. М., 2004. 5 нояб.

². РГАСПИ. Ф.495. Оп.205. Д.10728. Ч.1. Л.54–59, 113, 118.

³. Алексеев М.А. и др. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. М., 2012. С.316.

Часть первая Московские руководители разведки

Первый начальник мирного времени Арвид Зейбот

Арвид Янович Зейбот (1894–1934)

Создание военной разведки молодого Советского государства началось в 1918 году. Но до 1921 года говорить о серьезной, стратегической военной разведке не приходилось. Ведомство выполняло, в основном, оперативные задачи, его лихорадило от постоянных преобразований,

руководители сменялись раньше, чем успевали что-либо сделать. К этому времени практически полностью поменялся и личный состав центрального аппарата.

Только после окончания гражданской войны, 4 апреля 1921 года, было создано Разведывательное управление Штаба РККА (Разведупр), которое стало центральным органом военной разведки. С апреля 1921 года Разведупром руководил Арвид Янович Зейбот, человек, который много сделал для организации эффективной деятельности ведомства. Проблем было много: неопытность, нехватка кадров, недостаток финансирования, параллелизм в работе различных органов военной разведки, голод. Зейбот был всего три года начальником и весной 1924-го ушел из разведки «по собственному желанию», поскольку не чувствовал ни малейшего влечения к этой работе.

Тем не менее, он передал своему преемнику Яну Карловичу Берзину нормально функционирующий аппарат военной разведки. Зейбот не был ни профессиональным разведчиком, ни профессиональным военным, однако обладал другими качествами, позволившими ему успешно выполнить именно эту задачу – организации и становления.

Арвид Янович Зейбот родился 21 августа 1894 года в Риге, в семье рабочего. Рос энергичным, предприимчивым, был вожаком окрестных ребят. Всю жизнь любил петь, хотя совершенно не имел музыкального слуха. Остроумный и начитанный, он учился в школе на «отлично». Новый подъем революционного движения в начале

1910-х годов прошлого века захватил и Арвида, который провел детство в пролетарской, революционной среде. 18 лет от роду, учеником Рижского реального училища он стал в декабре 1912 членом Социал-демократии Латышского края.

Окончив в 1913 году училище, он поступил на механический факультет Рижского политехнического института, но проучился в нем недолго, вскоре уехал в Петербург и поступил на физико-математический факультет университета. Специализировался по профессии математик-статистик. Помимо учебы занимался общим и партийным самообразованием. Чтобы заработать средства на проживание он давал уроки и работал в Статистическом бюро комитета по оказанию помощи беженцам, (родители помогали ему материально только до 1912 года). Но главное его дело – активное участие в революционной работе – не позволило завершить учебу. Из-за угрозы ареста он вынужден был покинуть в 1916 университет, где практически закончил обучение (не сданы были только государственные экзамены), и перейти на нелегальное положение.

После Февральской революции Зейбот вернулся в Ригу, где примкнул к группе меньшевиков-интернационалистов. Вспоминают, что, даже будучи меньшевиком, он нередко занимал большевистскую по сути позицию, а в начале 1918 года окончательно перешел к большевикам. С марта 1917 года он работал в Рижском совете рабочих депутатов, а затем в Видземском совете безземельных, был членом Исполкома латышских стрелков, входил в состав ЦК Союза молодежи Социал-демократии Латвии (СДЛ). Когда немцы оккупировали Латвию, Зейбота, как революционера, отправили в концлагерь – сначала в Даугавпиль, затем в Вентспилс. После заключения Брестского мира его выпустили на свободу, однако, имея все основания опасаться нового ареста, он уехал в Советскую Россию.

Осенью 1918 года, непосредственно перед восстановлением советской власти в Латвии, Арвид Зейбот вернулся на родину с мандатом Российского Бюро ЦК СДЛ. Он снова работает в Совете, в городе Валке, участвует в издании его органа – газеты «Сарканайс карогс», здесь вместе с ним работал будущий советский разведчик-нелегал Ян Биркенфельд (Тропин).

После победы революции и в этом уголке российской империи перед разрушителями старого строя встали задачи создания и управления новым обществом. И Зейбот с лучшей стороны проявил себя в этом качестве, в каковом впоследствии был востребован и Разведупром, где его также оценили как превосходного организатора и руководителя. На первом съезде Советов

Объединенной Советской Латвии он был избран членом ЦИК, а с начала января 1919 года стал комиссаром статистики советского правительства Латвии.

Статистика, как известно должна знать всё, и новой власти для правильной организации народного хозяйства следовало провести учет промышленности, сельского хозяйства, транспорта, запасов продовольствия, численности населения и прочих важных вещей. Организацией этой работы и занялся Зейбот. В феврале в Латвии произвели перепись населения и учет продовольственных и сельскохозяйственных ресурсов, а вскоре начался учет промышленных ресурсов и изучение бюджета рабочих.

«Он, можно сказать, буквально покорял работников Комиссариата и всех, кто с ним встречался, – пишет о Зейботе работавшая с ним в то время М. Крустыньсон. – И не только своей энергией, знанием дела, веселым характером, но и большой простотой, сердечностью и вниманием к людям, выдержкой и самообладанием в трудную минуту. Суеты и нервозности с его стороны никто не видел. Работать с Зейботом было легко. Признаться ему, что „этого я не знаю“, не было ни страшно, ни стыдно. Он всегда приходил на помощь, терпеливо, просто разъяснял непонятное и этим вселял уверенность в своих силах. Он пользовался очень большим авторитетом»¹. А было народному комиссару в ту пору всего 24 года.

Недолго продержалось у власти советское правительство в Латвии. 22 мая 1919 года интервенты захватили Ригу. Вместе с отступающими частями ушел в Россию и Арвид Зейбот. В июне он вступил в Красную Армию, был помощником начальника, начальником политотдела 15-й армии (июнь 1919 – январь 1920). Эта армия, которая до мая 1919 называлась Армией Советской Латвии, известна, в частности, и тем, что дала немало людей для военной разведки, в том числе и двух её начальников – Арвида Зейбота и Яна Берзина. Из армии он был направлен на работу в Псков в Загранбюро Компартии Латвии, занимал должности секретаря бюро и заведующего агитационным отделом. Выступал с лекциями и докладами.

27 сентября 1920 года Арвид Зейбот был назначен помощником начальника Регистрационного управления Полевого штаба РВС Республики – так тогда называлась военная разведка. А 15 апреля 1921 года стал начальником Разведупра Штаба РККА (с ноября 1922 преобразованного в Разведотдел Штаба РККА). О том, чем занимался первый послевоенный начальник этого ведомства, видно из его заявления в ЦК РКРП (б) с просьбой о переводе на другую работу, написанном 9 февраля 1924 года.

«Я нахожусь на разведывательной работе в штабе с 1920 года. Сначала, пока надо было насаждать агентуру и чистить тот аппарат, который создавался в прежние годы и носил весьма случайный характер, требовалась чисто организационная работа, с которой плохо ли, хорошо ли, но все-таки можно было справляться. В последние годы обстановка резко изменилась в том отношении, что после насаждения работающей агентуры центр тяжести работы переносится на систематическое военное изучение иностранных вооруженных сил, а для этого необходимы глубокие военные знания и узкая специализация в этом направлении. Не питая никакой склонности к военной работе, я поднимал в течение последних двух лет несколько раз вопрос о моем освобождении от этой работы, но напрасно, так как иногда этому мешала напряженная международная обстановка, иногда говорилось, что ввиду бедности в людях отпускать работников РВС не согласен. Сейчас, с одной стороны, условия изменились, так как появились новые работники, есть заместитель т. Берзин, с другой стороны, настало самое последнее время заменить меня и для пользы дела, и для пользы меня самого: сидя четвертый год на работе, к которой не чувствуешь никакого влечения, начинаешь терять инициативу, заражаешься косностью, одним словом, видишь, что начинаешь определенно портиться. Поэтому прошу об отозвании меня в распоряжение ЦК РКРП и переводе на какую-нибудь хоз. работу»².

Из этого четкого и ясного, написанного хорошим русским языком заявления можно сделать вывод, что Зейбот был отличным организатором разведывательного дела, но начал тяготиться работой, когда дело наладилось.

Оценка его деятельности была дана 10 марта 1923 года начальником Штаба РККА П. П. Лебедевым и комиссаром С. С. Даниловым в приказе по Штабу № 151, где говорится о «чрезвычайно быстром развитии разведывательного дела в Красной Армии, охватывающего, в сущности говоря, весь мир, характеризующего современное состояние вооруженных сил иностранных государств, следящего за развитием военного дела за границей, учитывающего новейшие изобретения сухопутной, морской и воздушной военной техники. Многочисленные нити связывают Разведывательный Отдел Штаба РККА со всеми военными политическими и гражданскими государственными учреждениями и войсковыми частями, пользующимися результатами трудов этого Отдела, собирающего отовсюду сведения, книги, журналы, образцы и прочие материалы. Периодическая печать почти всех стран мира проходит через горнило центральной разведывательной машины. Разведывательный Отдел зорко следит за всеми событиями и в этом смысле является оком Красной Армии, обеспечивающим ее от неожиданностей. ... По приказанию Главнокомандующего объявляю от его имени, а также от себя глубокую благодарность Начальнику Разведывательного Отдела тов. ЗЕЙБОТУ и всем сотрудникам Разведотдела».

При Арвиде Яновиче работа Управления резко пошла в гору, о чем свидетельствует, в частности, и такой документ: в предисловии к одному из справочников Разведупра отмечается: «Работа по составлению сборника ... была задумана и начата еще в конце 1921 г. при наличии сравнительно скудных материалов, позволявших рассчитывать на выполнение лишь самого сжатого и беглого обзора ... Однако по мере поступления новых, значительно более обширных материалов, явилась возможность расширить рамки труда и приступить к систематическому рассмотрению воздушного флота каждой отдельной страны, а равно и её авиапромышленности и гражданской авиации (последние две области – с военной точки зрения) ... Работа ... была закончена лишь в мае 1923 г., причем в продолжении всего периода работы непрерывно продолжали поступать новые материалы... Благодаря использованию богатой авиационной литературы и печати, изданной сейчас в Западной Европе и САСШ, и собственных материалов, нам удалось по большинству стран дать в значительной степени полное и почти всестороннее (за исключением тактики) освещение состояния воздушного флота»³.

К этому можно добавить, что в этот период в главных европейских государствах и странах Востока появляются первые резиденты военной разведки. Одним из центров разведывательной деятельности в Европе стала Австрия. Резидентами в этой стране (под легальным прикрытием) были Ю. Я. Красный, В. Инков (Ф. Вольф), М. А. Логановский. В альпийской республике в начале 20-х годов работали также: Я. Г. Локкер, А. О. Глезнер, С. А. Губер, Б. К. Ильк, М. Ю. Тылтын, Э. Ф. Мадарас, Б. Ф. Лаго, С. Л. Узданский и другие.

Несколько резидентур Разведотдела, нацеленных, в основном, на борьбу с белой эмиграцией, было создано в Болгарии. Сильная нелегальная организация действовала с 1921-го в Софии под руководством Христо Боева. Легальным прикрытием для резидентур военной и внешней разведки была миссия Советского Красного Креста (военный резидент Борис Николаевич Иванов, работавший под фамилией Краснославский, Шапошников). По Болгарии и Румынии работала варненская резидентура Стояна Джорова и Койчо Касапова. Особняком стоит группа Григора Чочева, созданная в Варне в 1919-м по распоряжению ЦК БКП. Её обширные возможности использовали и болгарские коммунисты и Коминтерн, а также обе советские разведслужбы. Сотрудником военной разведки в составе группы Чочева был, например, Жечо Гюмюшев («Шварц»). Свою группу возглавлял в Болгарии И.Д. Анисимов.

Задания советской военной разведки на Балканах выполнял А.Д. Андреев (Илиеш).

Объединенная резидентура Разведупра Штаба РККА и ИНО (Иностранного отдела) ВЧК формируется в 1921-м в Германии, которая также становится центром работы разведок в Европе. Во главе её стояли А. К. Сташевский и Б. Б. Бортновский – опытные уже разведчики, отличившиеся в период гражданской войны на Западном фронте. В стране работали: С. Г.

Фирин, В. Г. Кривицкий, А. Я. Песс, В. Р. Розе, Ф. Фишер, Б. Ф. Лаго, Я. М. Фишман, Э. Г. Тененбаум. В 1922-м начинается многолетнее тайное военное сотрудничество Германии и СССР, основное участие в котором принимали как раз легальные представители СССР в Берлине. Советская военная разведка активно участвовала в подготовке ряда революционных событий в этой и других странах Европы (1923–1924 гг.).

Первые резидентуры, которые охватывали ряд городов Северной и Южной Италии, были организованы Я. М. Фишманом, Я. Я. Страуяном. Среди многочисленной агентуры, приобретенной ими как среди русских эмигрантов, так и среди итальянцев, были Н. Н. Зедделер (Герберт), работавший впоследствии в Китае; А. Сильва, позднее нелегал в Австрии и Румынии; Р. Л. Бартини, ставший крупным советским авиаконструктором; Б. М. Иофан, впоследствии известный советский архитектор, построивший «Дом на набережной», а также Э. А. Амброджи.

В Китае, по договоренности с правительством Сунь Ятсена, с 1922 года работают десятки советских военных советников, которые оказывают помощь на фронтах гражданской войны и в подготовке кадров военных специалистов. Их оформлением и отправкой занимался Разведотдел Штаба РККА. Среди них были и военные разведчики, некоторые из военных советников пришли на службу в военную разведку уже после китайской командировки. Там действовали: Б. Н. Мельников, Д. Д. Киселев, А. И. Геккер, В. А. Белли, З. В. Мосина, И. Г. Герман, Я. Г. Минский, М. А. Бабичев, М. Р. Аронштам и многие другие. В длительной командировке в Японии побывал востоковед старой школы О. В. Плетнер (1918–1922), на территории оккупированного Японией Северного Сахалина резидентом был В. С. Ощепков (1922–1924).

Немало советских разведчиков работало в пограничной с Советской Россией Персии в период Гилянской революции (май 1920 – сентябрь 1921) и в последующие периоды, как, например, К. А. Батманов, Г. Т. Магерамов, Р. П. Абих, В. П. Рогачев, М. Р. Тагиев, А. П. Аппен, П. А. Вейнер, Х. М. Мугуев, М. С. Свечников, И. Р. Туманов и др.; а также и в Афганистане: Б. Н. Иванов, А. Х. Баратов, Б. П. Постников, Э. М. Рикс, Б. И. Тутолмин, А. С. Шипек и др.

Среди основных объектов деятельности военной разведки в этот период важнейшими были ближайшие западные соседи Советской России, в том числе и Латвия. На нелегальной работе там, в начале 20-х годов были братья Эрнст и Вильгельм Янберги (впоследствии известны как Э. К. Перкон и А. П. Лозовский). Многие годы (1920–1928) проработал в Латвии Я. К. Шиман. Одним из руководителей военной разведки в этой стране был помощник начальника, затем начальник Регистрационного отдела Петроградского военного округа Р. М. Кирхенштейн.

Польша стояла тогда на первом месте в списке государств, которым военная разведка уделяла внимание еще во время гражданской войны. Там работали Р. К. Китаин (1919–1922), З. Линк (1920–1924), И. С. Порецкий (1921–1923), Е. В. Горвиц-Самойлова (1922–1924), В. С. Марищук (1922–1924), Г. К. Богуславский (1923–1927), П. А. Атлас (1923–1925) и др. Среди других успешно действовала в начале 20-х годов нелегальная резидентура в Кракове, созданная С. А. Залесской. Её люди были и в польской политической полиции (дефензиве). Многочисленная разведгруппа «ДАР», сформированная в основном из русских эмигрантов, действовала в 1920–1924 гг. в Гданьске (в то время – «Вольный город Данциг»). Руководили её работой гданьские коммунисты А. Раубе и Б. Гинце, а также бывший белогвардейский капитан И. И. Беланин. В вооруженных силах Польши действовал польский коммунист Б. Я. Овсянко (Овсиенко). Руководили военной разведкой в Польше в основном легальные сотрудники Разведупра – Разведотдела штаба РККА С. Л. Узданский, М. А. Логановский, М. А. Карский.

Разведкой на территории Румынии, как уже упоминалось, занимались резиденты военной разведки и члены революционного комитета «Добруджа» С. Джоров и К. Касапов. Их штаб-квартира находилась в болгарском городе Варна, поскольку они входили также в состав

партийно-разведывательной группы Г. Чочева. В самой стране работали М. Я. Красовский, И. К. Парфелюк, С. Ф. Гаврилюк и др.

Нелегальным резидентом Региструпра Полевого штаба – Разведупра Штаба РККА с 1919 года был Н. Трайчев (Давыд Давыдов), который занимался революционной деятельностью в Константинополе еще с 1908-го. Помогали резиденту присланные Центром болгарские коммунисты Х. Катев и А. Деведжиев. В этот период в Турции работали также разведчики Е.К. Феррари, В.Ф. Воля, И.В. Саблин, М. М. Погорелов, А. И. Готовцев, В. Я. Аболтин, Ф. П. Гайдаров, А.А. Арутюнов, И.Д. Анисимов. Военным атташе и резидентом в 1921–1923-м был К. К. Звонарев.

Резидентом в Хельсинки был военный атташе А. А. Бобрищев, а его помощником – А. Лиллемяги (А. Я. Песс). Одну из разведгрупп резидентуры возглавлял служащий типографии, член Социал-демократической рабочей партии Р. Дроккило. Более года (1921–1922) проработал в Финляндии Р. Д. Венникас (И. И. Бергман), который затем занимался этой страной в качестве начальника Разведотдела штаба Петроградского военного округа. В стране почти год проработали Р. Э. Ахола (1919–1920) и Я. К. Ашневиц (1921–1922). Разведкой в соседней с Финляндией Эстонии занимались А. Я. Песс и А. К. Рандмер.

Деятельностью военной разведки во Франции в 1921–1924 годах руководили Б. Н. Иванов, С. П. Урицкий, Я.-А. М. Тылтынь, которым удалось создать обширную агентурную сеть, поставлявшую информацию о военной промышленности и армии, и о белой эмиграции. Им помогали М. В. Скоковская, Г. О. Зозовский, Е. К. Феррари, М. Ю. Тылтынь, а также М. М. Лещинский, Н. Г. Левинсон, П. М. Арман, А. Стон (Моисеев), В. Г. Ромм, Н. Я. Яблин и другие.

В Чехословакии работали по легальной линии А. Г. Ганзен, М. Ю. Тылтынь, а также разведчики нелегалы В. А. Горвиц-Самойлов, Ш. Б. Горышник. Более 3-х лет в зарубежной командировке находился Л. А. Анулов.

И это лишь малая часть штатных сотрудников и агентуры зарубежных подразделений советской военной разведки того времени.

В этот период налаживается более четкая координация действий между различными разведорганами. Устраняется параллелизм в работе между ними, разграничиваются зоны их деятельности.

Так, например, летом 1921 г. врид начальника РУ штаба РККА А.Я.Зейбот и начальник 2-го отдела РУ Я.К.Берзин распорядились «во избежании параллелизма в агентработе и в целях большей экономии в силах и средствах» перевести «агентуру регистбюро «А» и регистбюро Фин» в полное распоряжение РУ Петроградского военного округа и обозначили «разграничительные линии района разведываемого Разведупром П.В.О.» в Финляндии, Эстонии и Латвии. А агентуру этого РУ в Норвегии, Швеции, а также Эстонии и Финляндии западнее указанных линий приказали передать Агентурному отделу центрального аппарата. Через месяц разведке ПВО разрешили «иметь для информации своих резидентов по одному в г.г. Ревель и Гельсингфорс»⁴.

А в марте следующего года за наведение порядка в этом вопросе взялись на Дальнем Востоке, где тогда ещё существовал Восточный фронт Народно-революционной армии Дальневосточной Республики. Начальник РУ штаба помощника Главкома по Сибири С.Г.Вележев приказал: «В целях избежания наблюдающегося до настоящего времени параллелизма в работе разведорганов изучающих Дальний Восток (Разведупрсиба, Разведупра НРА, Разведотарма 5), а также большей специализации каждого разведоргана по отдельным государствам, полного и всестороннего, при ограниченном наличии работников, использования всех поступающих по иностранным государствам материалов – необходимо провести строгое распределение работы между указанными разведорганами»⁵.

Изучение Монголии было возложено на РО штаба 5-й армии, Китая – на Разведупр НРА ДВР, Японии и Америки – на ведомство Вележева. Изучением внутренних фронтов должен

был заниматься «каждый соответствующий разведорган», а Приморьем – РУ НРА. Подобное распределение обязанностей было весьма важным событием, если учесть, что некоторые приграничные армии (в том числе 5-я) стремились ранее вести разведку не только на сопредельных территориях, но и в дальнем зарубежье.

К середине 1920-х годов приграничные военные округа (и приравненные к ним армии) проводили разведку в следующих сопредельных странах (на глубину своей ответственности и выделенной им зоны): Петроградский – Ленинградский ВО: Финляндия, Эстония, Латвия; Западный фронт – Западный военный округ: Польша, Литва; Отдельная Кавказская армия – Кавказская Краснознаменная армия: Турция, Персия; Туркестанский фронт – Среднеазиатский ВО: частично Персия, Индия, Афганистан, прилегающие к Туркестанскому фронту северо-западные районы Китая; 5-я армия – Сибирский ВО: Китай, Монголия; ОДВА: Япония и Маньчжурия.

В первые годы после окончания Гражданской войны и интервенции военной разведке приходилось решать и некоторые контрразведывательные задачи. Имеется ввиду борьба с зарубежными белогвардейскими организациями и с бандитизмом на своей территории («внутренний фронт»). В 1921–1922 гг. она проделала большую работу по своевременному раскрытию готовившихся на территории сопредельных государств выступлений белогвардейцев против СССР. Отдельным резидентурам вплоть до 1926 г. одновременно с разведывательными ставились и контрразведывательные задачи – выявление агентуры белогвардейцев на территории СССР, разложение белогвардейских отрядов, подрыв авторитета белогвардейских руководителей. По мере укрепления позиций Советской Республики задачи по борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией все в большей мере возлагаются на ВЧК, а затем и на ОГПУ.

В качестве примера можно привести фрагмент доклада об организации и распределении работ в 3-м (информационно-статистическом) отделении Разведотдела 5-й армии Восточного фронта (27.12.1921): «...3) Внутренний фронт: в круг обязанностей заведующего этим сектором входит: а) составление ежедневных сводок по Внутреннему фронту, б) ведение журнала непроверенных сведений и книги заданий, в) в связи с этим составление заданий по указанию Начальника 3-го Отделения, г) систематическое нанесение на карту движения банд и д) всестороннее изучение бандитизма и составление двухнедельных обзоров по Внутреннему фронту. Материалами для оставления сводок и обзоров служат разведсводки частей 5 армии, агентурные, документальные, опросы пленных, перебежчиков и проч., а также сведения имеющиеся в Оперупрарме 5...»⁶.

Дополняет этот материал цитата из рапорта начальника РО штаба 5-й армии И.Н.Репина от 17.01.1922 г.: «...Отмечается, что на внутреннем фронте агентурная разведка, хотя не редко с большими запозданиями, давала больше материала, чем войсковая. Работа же команд юных разведчиков принимавших активное участие на внутреннем фронте заключалась в ведении дальнего и ближнего разведпоиска, проверке сведений добытых агентурой, опросе местных жителей, захвате документов и т. п. Принимая во внимание, что группировки бандитов происходят обычно в районах, где им в той или иной мере симпатизирует население, ведение войсковой разведки, как это предусматривают наши наставления и уставы в известной мере затруднительно и не всегда достигает своей цели – в видах более успешной борьбы с бандитизмом вызывается необходимость особой интенсивной агентурной разведки...»⁷.

Изучением ситуации на внутреннем фронте в центральном аппарате военной разведки в 1921–1922 гг. занимался Ян Петрович Дзенит. Ранее он возглавлял разведывательное отделение (войсковая разведка) Оперативного управления штаба Западного фронта. Сектором внутреннего фронта Информационно-статистического отдела Разведупра он заведовал наряду с учебой в Военной академии РККА.

Примером работы по предотвращению военных акций белогвардейских организаций против СССР могут служить документы РУ штаба Петроградского ВО:

Сов. Секретно

Агентурная сводка № 46

Агентурного Отдела Разведупра Штаба ПВО

контрразведывательного характера

к 28 февраля 1922 года.

Финляндия

По агентурным сведениям от 22/II – 22, в Гельсингфорсе находится главная организация русских контр-революционеров. Подведомственные организации находятся в Выборге и Териокки. Териоккская организация носит название – Комитет БОЙСМАНА – и руководителем таковой состоит русский генерал БОЙСМАН. Функции Комитета следующие: оказывать помощь русским контр-революционерам, желающим перебраться из Советской России в Финляндию, добывание разного рода документов и организация шпионажа в Советской России. Главными деятелями этого Комитета в пограничной полосе являются: указанный уже генерал БОЙСМАН, землевладелец ГОЛИКОВ в Уусикирко, ротмистр БАНКОВ и СОКОЛОВ в Териокки. БАНКОВ ведает допросом прибывающих из Советской России через Келломякский карантин граждан с целью получения необходимых сведений. СОКОЛОВ ведает шпионажем и лично переходит границу: летом на моторной лодке, зимой по льду.

БАНКОВ и СОКОЛОВ имеют тесную связь с представителями Англии и Франции в Финляндии, получая от таковых постоянное жалование. Средства на ведение шпионажа получают от представителей Англии и Франции, а также от Центральной организации русских контр-революционеров из Парижа.

Пом. Начразведупра Штаба ПВО [И.П.] Кудраш

Начоперода [Г.А.] Гофберг

10.03.1922 г. тот же Кудраш направил члену РВС округа А.М.Лиде «копию письма С.Павловского (начальника контр-разведки Савинковской организации) на имя начальника Штаба Информационного Бюро Н.С.З.Р. и С.». Этот материал, по мнению РУ, «заслуживает полного доверия»⁸.

В Разведупре наряду с собственным и зарубежным опытом работы в период руководства Зейбота изучался и использовался опыт российских предшественников. Вот некоторые факты.

Управление издало для внутреннего использования книгу бывшего генерал-майора П. Ф. Рябикова «Разведывательная служба в мирное и военное время» (М., 1922–1923; Впервые опубликована в Томске в 1919 г.). Кстати его книгу переиздала в те годы для себя и чехословацкая военная разведка, ровесница советской.

Бывший штабс-капитан В. М. Цейтлин занимался для Курсов разведки разработкой основного предмета «Агентурная (тайная) разведка», читал на Курсах лекции. В 1922–1924 гг. там же преподавал бывший генерал-майор Н. П. Сапожников, как и на Военно-академических курсах и в Военной академии РККА. Прочитанный им на разведкурсах материал «Задачи разведки» был размножен для слушателей в 1925 г. Позднее (вместе с бывшим штабс-капитаном А. И. Гречаником) он выпустил учебное пособие «Разведывательная служба штаба корпуса, дивизии и полка в боевой обстановке» (М., 1928).

Военная академия РККА напечатала у себя книгу другого генерал-майора П. П. Сытина «Разведывательная служба» (М., 1924), где он касался не только работы собственно разведки (в основном), но и контрразведки. Он писал: «Главная цель разведки мирного времени заключается в стремлении изучить свойства будущего противника и проникнуть в его план войны, определить предел напряжения его военной мощи и выяснить способность его к продолжительной борьбе. Многие из указанных сведений сохраняются в глубокой тайне, а потому могут быть добыты только путем посылки смелых, смекалистых, грамотных и толковых людей, специ-

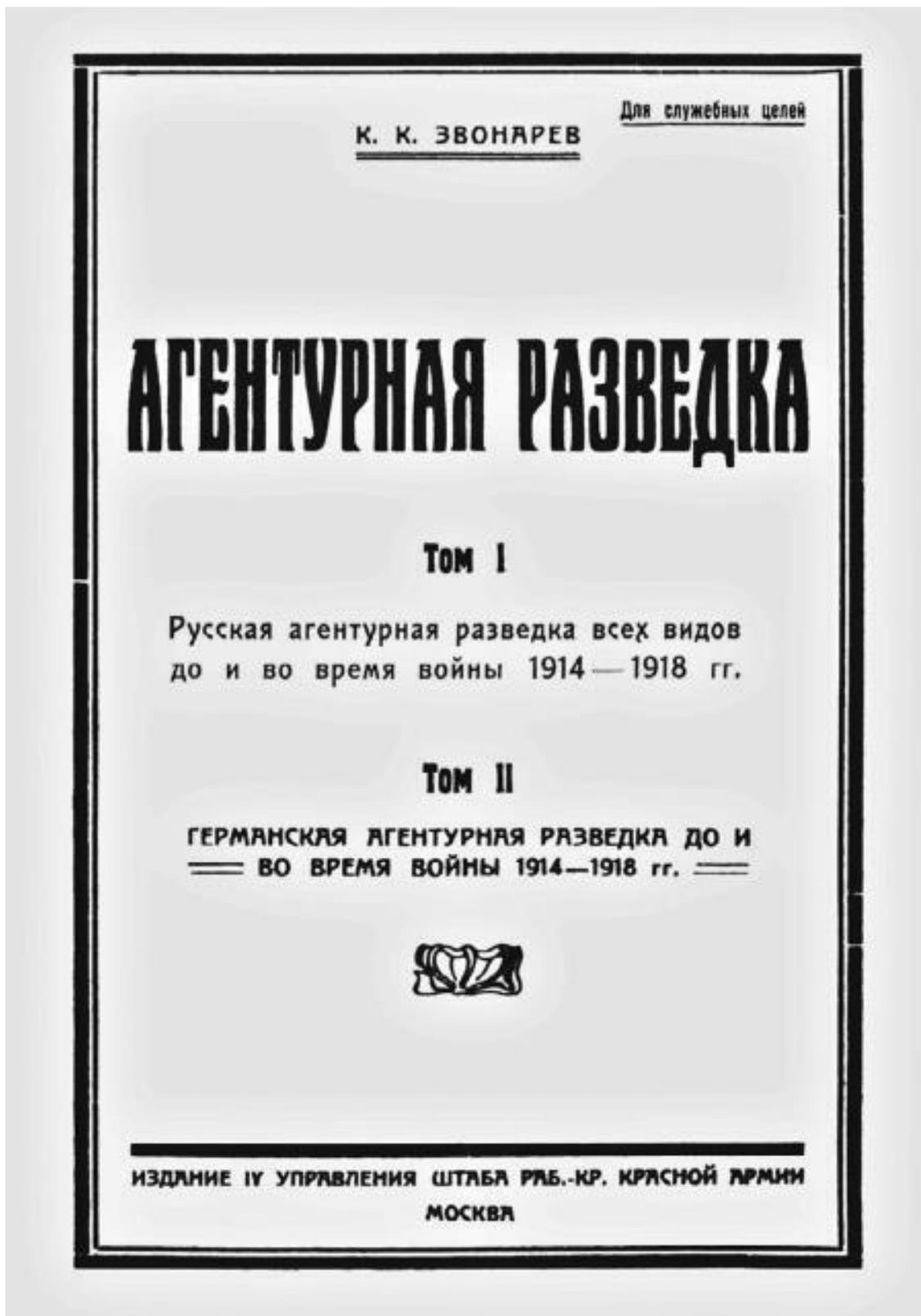
ально подготовленных агентов», получены «только ловкостью, хитростью, путем обмана, подкупа, иначе говоря путем нелегальным, путем тайных агентов или шпионов... Для правильной и систематической работы разведывательной службы в центральном Штабе РККА должен быть организован особый орган разведки, который занимается а) всесторонним и широким изучением иностранных государств и их вооруженных сил и б) устанавливает правильную постановку дела разведки в нашем государстве. Главным таким органом у нас в Штабе РККА является Разведывательное Управление». Ранее, в 1920–1922 гг. Павел Павлович был советским военным атташе в Грузии и состоял в прикомандировании к РУ штаба РККА.

Полковник российской армии А. В. Косматов с февраля 1922 г. состоял в распоряжении начальника Региструпра ПШ РВСР. Служил военным представителем в дипломатической миссии РСФСР при правительстве Латвии (март – май 1921), начальником отдела войсковой разведки РУ штаба РККА (май 1921 – март 1922), затем в прикомандировании к Разведупру и в его резерве (март 1922 – февраль 1923). Одновременно в 1921–1923 гг. был начальником Курсов подготовки начсостава того же Управления.

В аппарате военной разведки, в том числе и зарубежном, служили также: штабс-капитан Ф. Е. Ильяшенко, подполковник А. К. Коленковский, полковники М. С. Свечников и И. А. Троицкий, генерал-майор М. В. Фастыковский.

Разведупр издал «для служебного использования» исторический труд своего ответственного сотрудника К. К. Звонарева «Агентурная разведка» (М., 1929–1931), первый том которого назывался «Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг.».

Ссылки на дореволюционные труды по разведке и добытые российской разведкой материалы встречаются в советских военных публикациях на данную тему, а также в изданиях первых лет Информационно-статистического отдела (части) РУ штаба РККА.

Обложка книги К. К. Звонарева «Агентурная разведка».
Репринт издания 1931 года

Нужно отметить еще одну особенность в деятельности советской разведки в те годы. Не редко партийные руководители требовали от разведчиков-нелегалов участия в коммунистической работе, а для этого они должны были состоять членами местных компартий, в тех стра-

нах где им предстояло действовать. Когда же они возвращались в Москву не исполнив этого задания, то им и их начальникам приходилось оправдываться, что неисполнение связано со спецификой разведработы. Впоследствии партия исправила эту свою ошибку, запретив такие контакты и использование в разведке за рубежом действующих членов местных компартий. Как известно этот запрет соблюдался не всегда.

* * *

ЦК партии удовлетворил просьбу Зейбота.

В июне 1924 года он был уволен из армии в бессрочный отпуск и назначен консулом, а затем генеральным консулом в Харбин, куда отправился под именем Ивана Петровича Грандта.

На этом посту, где он совмещал дипломатическую и разведывательную работу, Арвид Янович пробыл до 1926 года. Вернувшись домой, он последовательно работал в наркомате путей сообщения, наркомате рабоче-крестьянской инспекции и Совнаркоме. С 1928 года – помощник зампреда Совнаркома СССР Яна Рудзутака.

Умер Арвид Янович Зейбот 9 ноября 1934 года и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. На похоронах присутствовали Я. Э. Рудзук, Я. К. Берзин, А. М. Никонов, Д. Бейка и другие. Прощальное слово от РККА произнес заместитель начальника Разведупра А. М. Никонов.

Примечания

¹ Крустыньсон М. Арвид Зейбот // Коммунист Советской Латвии. Рига, 1970. № 2. С. 79–80.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.17974.

³ Вологодцев Л. К. и др. Воздушный флот иностранных государств. М., 1923. Ч.1: Европейские страны. По данным 1922—23 г. С. VII–VIII.

⁴ Приказы по фронтовым и окружным Разведупрам 1921 г.: № 17 от 23.06. и № 18 от 20.07.

⁵ РГВА. Ф.185. Оп.3. Д.1108. Л.17.

⁶ Там же. Л.1об.

⁷ Там же. Д.1162. Л.42.

⁸ РГВА. Ф.25888. Оп.1. Д.103. Л.45, 55.

Ян Берзин: по прозвищу «Старик»

Зейбот был организатором, заложившим основы разведывательного дела, а вывел военную разведку на мировой уровень человек, с которым он четыре года проработал бок о бок и которого рекомендовал на свое место. Именно при Яне Карловиче Берзине создается блестяще показавшая себя разведсеть, в составе которой действовали те, кого позже назовут «великими нелегалами»: Рихард Зорге, Лев Маневич, Анри Робинсон (Арнольд Шнеэ), Артур Адамс, Ян Черняк, Шандор Радо и другие. Она выдержала проверку на прочность при последующей чехарде начальников, после увольнений, арестов и расстрела немалого числа её сотрудников в 1937–1940 годах. Продолжала действовать в предвоенный период и во время войны.

Ян Карлович Берзин (1889–1938)

Ян Берзин руководил Разведупром с 1924 по 1935 год и вернулся туда в 1937 году – очень ненадолго...

Петер Янович Кюзис родился 25 ноября 1889 года на хуторе Клигене Яунпилсской волости Курляндской губернии, в семье батрака. Зимой он учился в начальной школе, летом работал пастухом. Решив учиться дальше, мальчик поступил в 1902 году в учительскую семинарию в городе Гольдингене Курляндской губернии. Позднее он вспоминал: «Это была миниатюрная тюрьма для малолетних, созданная по образу и подобию военной казармы. Муштра, побои, лицемерие, ложь. Годы, проведенные в семинарии, стали для меня школой ненависти»¹. Осе-

нию 1904 года в семинарии вспыхнул «бунт». Учащиеся объявили «забастовку», отказавшись посещать занятия и требуя убрать некоторых особо не нравившихся им преподавателей. «Бунт» был подавлен. А в ноябре 1905 года семинарию закрыли в связи с революционными событиями и учащихся распустили по домам. Заехав по пути в Ригу к брату и получив от него, «кое-какую литературу», Петер приехал в деревню к родителям. Там тоже было неспокойно. Низложив старые волостные правления, крестьяне избирали свои органы самоуправления – распорядительные комитеты. Был создан и социал-демократический кружок «Скригулис» (Цеп), в который незамедлительно вступил и Петер. Вскоре он стал и членом партии большевиков.

Предоставленный самому себе, подросток с головой ушел в революцию. Стал милиционером, участвовал в стычках с казаками. А когда весной 1906 года партия перешла к партизанской войне, Кюзис вступил в отряд «лесных братьев», действовавший в Мадленском районе. Прикрывая отход товарищей, он был ранен, и попал в руки стражников. Потерявшие в бою нескольких человек стражники хотели на месте расстрелять пленного, но его спас подошедший отряд казаков. Петер предстал перед военно-полевым судом, но из-за малолетства и «в целях раскрытия всей организации» казнь не состоялась, и его направили в Венден для продолжения расследования. Новый процесс состоялся в июле 1907 года в Ревеле. Военный суд города приговорил Петера Кюзиса к смертной казни, но через две недели, которые он провел в камере смертников, ему объявили, что, ввиду несовершеннолетия заключенного смертная казнь заменена восемью годами каторжной тюрьмы. По той же причине в тюрьме он провел лишь два года. Работал в тюремной аптеке, научился разбираться в лекарствах, что потом немало пригодилось в жизни.

Может быть, другого человека суровые испытания заставили бы изменить взгляды на жизнь, но с Петером этого не произошло. Более того, общение в заключении с профессиональными революционерами только укрепило его веру. Выйдя осенью 1909 году из тюрьмы, он тут же включается в нелегальную партийную работу. Под несколькими псевдонимами, среди которых и «Павел Иванович», он занимается агитационно-пропагандистской работой в Риге. В августе 1911 году – новый арест, ссылка на поселение в Иркутскую губернию, откуда весной 1914 году он бежал, используя чужие документы на имя Яна Карловича Берзина. С тех пор за Петером Кюзисом закрепилось это имя, хотя иногда его называли и Павлом Ивановичем Берзиным.

Во время войны, в 1915 году, Ян призван в армию и вел партийную работу на Северо-Западном фронте. Спасаясь от преследования, он в 1916 году перебирается в Петроград, и устраивается на завод слесарем, продолжает революционную работу. В Октябрьские дни вместе с латышскими красными стрелками участвовал во взятии Зимнего дворца, входил в состав партийных комитетов Выборгского района и всего Петрограда. После Октября работал в ВЧК у Ф. Э. Дзержинского, участвовал в подавлении выступления эсеров в Москве, в разгроме мятежа в Ярославле. Затем работал в наркомате внутренних дел секретарем местного отдела управления делами, членом редколлегии «Вестника НКВД РСФСР».

В марте 1919 году он вернулся в ставшую советской Латвию на пост товарища наркома внутренних дел. Но здесь ему пришлось поработать лишь два месяца. Уже в мае Ригу захватили интервенты. А в июле начинается служба Берзина в Красной Армии.

Генерал-лейтенант А.И.Черепанов, немногим более месяца в июне-июле 1922 г. проработавший заведующим сектором 3-го отдела Разведупра (в перерыве между занятиями в Военной академии РККА), вспоминая гражданскую войну, писал: «После установления буржуазной диктатуры в Латвии вместе с нашим 13-м Латышским стрелковым полком отходил рабочий Латвийский отряд, в составе которого был Ян Карлович Берзин (Кюзис Петерис). С ним я уже встречался перед началом нашего наступления... Отходили мы с тяжелыми боями, находясь в полуокружении. Мне приходилось в те трудные дни видеть Павла Ивановича, как его

чаще всего называли, в разных ролях: и как командира, и как политработника, и как рядового бойца, и в каждом случае он действовал уверенно, убежденно и беззаветно храбро. Человек из когорты бесстрашных революционеров, Я. К. Берзин в конце июня 1919 г. был назначен начальником политотдела 11-й Петроградской стрелковой дивизии. Вскоре в бою за город Остров полк, которым я командовал (он стал теперь 97-м стрелковым), был подчинен 11-й стрелковой дивизии. Ян Карлович уже в качестве начальника политотдела прибыл к нам и участвовал во встречном бою с наступающими частями генерала Юденича. Своей решимостью и отвагой он вносил в сердца бойцов уверенность в победе»².

Затем Берзина переводят на должность начальника Особого отдела ЧК Армии Советской Латвии, которая стала позднее 15-й армией (август 1919 – ноябрь 1920). С этой армией он участвовал в боях на петроградском направлении, а с весны 1920 в составе Западного фронта, которым командовал М. Н. Тухачевский, дошел почти до Варшавы. При отступлении Красной Армии выполнял задание Дзержинского по эвакуации войск из Белостока. Незадолго до расформирования 15-й армии «Железный Феликс» рекомендует его на работу в Региструп Полевого штаба РВС Республики (потом Разведупр, Разведотдел штаба РККА и вновь Разведупр).

В течение года он возглавляет ключевой – агентурный отдел управления, который назывался тогда оперативным, а в декабре 1921 года становится заместителем начальника советской военной разведки. В этот период, как уже говорилось, начинается становление военной разведки, на работу в центральный аппарат приходят люди имеющие опыт разведывательной работы в период гражданской войны, постепенно стабилизируется личный состав. В отличие от А. Я. Зейбота, новая работа Берзину нравится, и он с энтузиазмом берется за дело. Уже в начале 20-х годов он и сам побывал нелегально за рубежом – в Германии, Чехословакии, Польше, Англии (впоследствии неоднократно выезжал и в эти и другие страны).

1 марта 1924 года, когда Зейбот получил, наконец, долгожданную отставку, его заместитель Ян Берзин становится начальником Разведотдела, преобразованного в апреле в Управление. Свое настоящее имя он, наверное, и сам забыл. По документам он теперь уже навсегда числился Яном Карловичем, называли его и партийной кличкой – Павел Иванович. Для более близких людей он был «Стариком» – так прозвали его за раннюю седину, которая появилась после того, как он мальчишкой попал в руки казаков и просидел две недели в камере смертников. Что интересно – в московской телефонной книге он числился и как П. И. и как Я. К. Берзин при одном и том же адресе и телефоне.

Что можно сказать о работе начальника военной разведки? Период, когда он руководил Разведупром, называют «эпохой великих нелегалов». Но и по легальной линии в 1920 – 1930-е годы действовали выдающиеся разведчики. Имена многих из этих людей стали известны к настоящему времени, но кто-то, возможно, останется неизвестным навсегда. Не только из соображений конспирации. Некоторые документы (особенно в конце 1910 – начале 1920-х годов) отсутствовали изначально, другие, по разным причинам, не сохранились, в том числе и в результате массовых репрессий конца 1930 – начала 1940-х годов.

Некоторое представление о ситуации в военной разведке весной 1924 г. дает доклад «О положении дел и работе Оперативного, Разведывательного и Военно-топографического управлений Штаба РККА за 1923 г., а также краткие практические предложения, которые было бы желательно провести на 13-м съезде РКП(б)». Этот документ был представлен 19 апреля 1924 г. заместителю Председателя РВС СССР и начальнику штаба РККА М.В.Фрунзе («Срочно. Сов. секретно. Лично»). Автор доклада – Б.М.Шапошников, помощник Фрунзе в штабе РККА.

«[...]

Разведка.

Разведывательный Отдел Штаба РККА

Положение дел и работы Разведупра определяется размером отпускаемых Управлению кредитов и качеством работников в центре и на местах.

Ограниченные средства лишают возможности развернуть зарубежные органы в достаточной степени и в достаточном числе стран сообщая работе непланомерный, ударный характер с приёмом сосредоточения всех средств и внимания в каждый данный момент на наиболее интересующей области за счёт других, где работа таким образом суживается.

С другой стороны стесняет издательскую деятельность Управления недостаток типографских средств.

Личный состав работников требует помимо специфических качеств, наличия военного образования, кругозора и знания языков.

Трудность подбора партийных работников такой квалификации определяет размеры продуктивности работы Управления в центре и на местах.

Изучаемые Управлением государства в отношении уделяемого им внимания можно разделить на четыре группы:

I – западные пограничные государства (Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва);

II – великие европейские державы (Франция, Англия, Италия, Германия и Северо-Американские Соединенные Штаты);

III – восточные соседи СССР (Турция, Персия, Афганистан, Китай и Япония).

IV – прочие государства (в первую очередь: Чехо-Словакия, Юго-Славия, Венгрия, Болгария, Греция, Бельгия и проч.).

Кроме того, имеется V группа – зарубежные белогвардейские группы и внутренний бандализм.

Основной задачей Разведупра было информирование РВС СССР, Штаба РККА, центральных военных управлений и учреждений, а также военных округов и частей Красной Армии. Вместе с тем давалась в необходимых случаях информация для НКВД, ГПУ, ЦК РКП и других руководящих органов Республики.

Работа Управления выражалась: в добывании и изучении агентурных материалов и иностранной прессы, составлении докладов, периодических сводок и обзоров, в даче устных и письменных справок по отдельным срочным вопросам, в составлении и издании описаний вооруженных сил, экономического и политического положения различных государств, а также военно-географических описаний внешних театров военных действий, наконец, в инструктировании местных разведывательных органов округов и отдельных армий и подготовке руководителей разведывательной работой в корпусах, дивизиях и полках.

Результаты информационно-статистической работы в 1923 г. были следующие:

В Разведывательное Управление за год поступило – заданий 80, материала 8.000 листов, газет 164, периодических сводок 200 листов и письменных докладов 30 листов.

Из Разведывательного Управления за год выпущено – описаний и обзоров 19 на 3.743 страницах, исполнено заданий 100 %, количество намеченных, но не выпущенных изданий – 34. [...].

В области войсковой разведки подготовка кадра руководителей ее в штабах и частях Красной Армии тормозилось тем, что командование Красной Армии в центре и на местах, исходя из отсутствия в мирное время разведывательной работы в войсках, не шло навстречу в смысле подготовки кадра разведчиков для военного времени. Результат этого – отсутствие разведчиков в войсках, ясно ощущается на сборах и маневрах.

Центральными курсами при Разведупре в текущем году выпущено 30 курсантов, предназначенных для занятия должностей в округах, что отчасти восполняет недостаток в работниках по разведке. [...].

Краткая справка о деятельности Управлений Штаба РККА за февраль 1924 г.

[...].

О работе нашей агентуры будет представлен особый доклад Начразведотом лично тов. Уншлихту.

Информационно-статистическая работа в феврале свелась к следующему:

Поступило агентурных материалов 7.362 листа, по которым дано оценок – 676, выдано письменных справок – 25, составлено докладов – 3, издано 209 страниц периодических сводок.

Помимо этого обрабатывалась пресса: иностранных – 145 газет и 17 русских зарубежных газет. [...].

За отчетный период дано 34 задания по разным странам.

Помощник начальника Штаба РККА (Шапошников)».

Агентурная разведка, военно-техническая разведка, радиоразведка, информационно-статистическая работа, шифровальная служба, дешифровальная разведслужба, техника военной разведки, подготовка кадров – это основные направления деятельности того подразделения штаба РККА, которое в интересах конспирации называли иногда так: «Управление, которым руководит старый большевик т. Берзин», а иногда в документах других подразделений военного ведомства начальника Разведупра обозначали просто как «тов. Б.» («поручение тов. Б.», «запрос тов. Б.» и др.).

И уже в первый год работы Яна Карловича начальником военной разведки происходят, согласно его отчетному докладу, изменения к лучшему. «1924 – 25 г.г. характеризуются широким развёртыванием работы Разведупра по добыче сведений о вооружённых силах сопредельных с СССР государств и важнейших стран земного шара, о достижениях военной техники и военной промышленности за границей и работе военно-научной мысли иностранных государств. Расширение работы Разведупра стоит в связи с увеличившимися требованиями центральных военных управлений и частей РККА, а также в связи с развёртывающейся работой по планомерному военному строительству в СССР. Связь Разведупра с центральными военными управлениями, а также и с гражданскими учреждениями, имеющими отношение к разработке планов обороны Союза, за отчётный год была окончательно налажена и закреплена путём непрерывного получения заданий от заинтересованных органов и рассылки Разведупром справок и докладов, отвечающих на вопросы, поставленные в заданиях. В результате работа Разведупра в настоящее время достигла высокого напряжения и требует для успешного его продолжения увеличения средств на добывание материалов, удовлетворяющих запросы заинтересованных высших военных и гражданских органов Союза...». В заключение доклада он вновь возвращается к теме финансирования разведывательной деятельности: «Всё изложенное заставляет сделать вывод, что отпущенные до сих пор Разведупру средства не были потрачены напрасно, но дали возможность достигнуть весьма значительных результатов в деле освещения интересующих нас вопросов, однако задачи, стоящие перед нашей военной разведкой по своим размерам превосходят даже те достижения, которые имеет до сих пор Разведупр...»⁴.

В приложении к этому документу названы резидентуры в Гельсингфорсе (Финляндия), Ревеле (Эстония), Риге (Латвия), Ковно (Литва), Варшаве (Польша), Берлине (Германия), Париже (Франция), Риме (Италия), Вене (Австрия), Праге (Чехословакия), Лондоне (Англия), Афинах (Греция), Константинополе (Турция), Кабуле (Афганистан), Тегеране (Персия), Харбине и Пекине (Китай), Урге (Монголия). Кроме того, отмечены уполномоченные РУ в Пскове, Минске, Киеве, в Кавказской Краснознаменной армии, в Сибирском военном округе, на Туркестанском фронте.

Получено от них в указанный период «весьма ценной» (ВЦ), «ценной» (Ц), «малоценной» (МЦ) и «безценной» (БЦ) информации:

	военные	военно-политические	военно-технические и экономические
	Донесения		
ВЦ	30	38	9
Ц	685	1978	293
МЦ	406	524	169
БЦ	206	117	47
	Документы агентур		
ВЦ	179	681	
Ц	2046	300	495
МЦ	768	165	104
БЦ	1062	26	69
	Издания и документы официальные		
ВЦ	7	4	8
Ц	736	838	593
МЦ	175	173	120
БЦ	88	3522	

Количество провалившихся секретных сотрудников – 37 человек⁵.

При Берзине в Управлении появилось много новых сотрудников (штатных, вольнонаемных, секретных), продолжали работу и те из них, кто начинал свою деятельность еще в первые годы существования советской военной разведки: Дмитрий Романович Ипполитов (1918–1930); Рудольф Мартынович Кирхенштейн (1919–1937), Константин Кириллович Звонарев (1920–1926, 1933–1937), Христофор Интович Салнынь (1920–1938), Василий Васильевич Давыдов (1920–1937), Август Яковлевич Песс (1920–1933), Оскар Ансович Стигга (1920–1937), Григорий Осипович Осовский (Зозовский) (1920–1937), Мария Юрьевна Тылтынь (1920–1933), Ян Янович Фрейман (1920–1937), Александр Матвеевич Никонов (1921–1937), Карл Юрьевич Янель (1921–1926), Эмилия Михайловна Фрейман (1921–1937), Альфред Матисович Тылтынь (1922–1930, 1936–1937), Карл Карлович Небенфюр (1922–1937), Матвей Николаевич Рябинин (1925–1935), Павел Дементьевич Свириденко (1928–1937), Альвина Яковлевна Песс (1928–1938), Аделаида Михайловна Ураванцева (1928–1937), Андрей Алексеевич Лейферт (1930–1937), Иван Цолович Винаров (1930–1938), Андрей Иванович Эмильев (1930–1935), Федор Павлович Гайдаров (1933–1937), Александр Иванович Старунин (1933–1939); в Великобритании действовал Михаил Яковлевич Вайнберг (1932–1937); в Германии – Николай Янков-Яблин (1924–1928), Константин Михайлович Басов (1927–1930), Ян Карлович Шиман (1928–1933), Александр Максимилианович Иодловский (1933–1935); в Польше – Павел Ефимович Личко (1927–1931), Василий Григорьевич Боговой (1928–1931), Рудольф Гернштадт (1933–1939); в Румынии – Йонни Лёр (1928–1930), Иван Димитров Тевекелиев (1932–1933); в США – Арнольд Адамович Икал (1932–1937), Давид Александрович Угер (1930–1933); в Иране – Иван Николаевич Джаарбеков (1927–1930); в Иране и Афганистане – Александр Иванович Бенедиктов (1930–1937); в Палестине и Сирии – Александр Михайлович Косой (1931–1933); в Китае – Влас Степанович Рахманин (1926–1928), Карл Мартынович Римм (1932–1935), Павел Иосифович Колосов (1930–1934); в Турции – Анатолий Ильич Геккер (1929–1933); в Турции и Болгарии – Гиню Георгиев Стойнов (1930–1935);

в Финляндии – Петр Иванович Иванов (1933–1937); в Эстонии – Алексей Антонович Мазалов (1931–1934); в Японии – Иван Александрович Ринк (1932–1937); Аркадий Борисович Асков (1933–1937), Иван Петрович Сапегин (1931–1937); и многие, многие другие.

Вновь перед Разведупром ставились и контрразведывательные задачи 19 апреля 1924 г. Я.К.Берзин и начальник Информационно-статистического отдела РУ С.Р.Будкевич докладывали председателю РВС СССР Л.Д.Троцкому: «...Развед. Управлением приняты меры к выяснению работы различных восточных эмигрантских центров, поддерживаемых Польшей, Францией, Англией, Турцией и Афганистаном, несмотря на то, что эти задачи не входят в круг действий Развед. Управления, так как соответствующие кредиты отпускаются в распоряжение Г.П.У.»⁶. Не чужда была Разведупру и политическая информация (отражавшаяся в военно-политических материалах и изданиях 3-го отдела), хотя она и не была главной в его работе.

И на новом посту основное внимание Ян Карлович по-прежнему уделял агентурной работе. Н. Ляхтеров, сотрудник Разведупра с 1933 года, вспоминал: «Берзин обладал аналитическим умом, он был изобретательным в разработке самых сложных разведывательных операций. Основой стратегической разведки Берзин считал агентурную разведку. На создание нелегальных радиофицированных резидентур в странах вероятного противника он направлял весь свой организаторский талант и опыт подпольной партийной работы. Павел Иванович принимал непосредственное участие при подборе и подготовке нелегальных резидентов (Зорге, Маневич, Мрочковский, Стигга, Узданский, Кравченко, Треппер, Абрамов и др.). ...Все мы, в те годы работники Разведывательного управления, ощущали заботливое отношение Берзина к легальным зарубежным разведаппаратам. Он лично участвовал в подборе достойных руководителей на должности военных советников и военных атташе (Путна, Якир, Геккер, Рыбалко, Орлов, Тупиков и др.) и крышевых оперативных работников».

Опираясь на опыт, в том числе и на личный, В. Сухоруков, которого Ян Карлович провозжал в Китай в сентябре 1924, в Латвию в декабре 1933, в Болгарию в декабре 1934 года, отмечал: «Берзин, отправляя сотрудника управления за рубеж, всячески подчеркивал полное ему доверие, уверенность в его способности выполнить поставленное задание, в способность всегда находиться в более выгодном положении, чем противник. Он давал понять разведчику, что в случае неудачи он его поддержит и не даст в обиду. Все это формировало у оперативных работников чувство ответственности и готовности даже ценой сверхусилий выполнить поставленную задачу во имя интересов Родины. Павел Иванович никогда никого не отправлял за рубеж без теплого и сердечного напутствия, а с наиболее близкими соратниками прощался путем товарищеского объятия. Также тепло и сердечно он встречал своих дозорных часовых, возвратившихся из стана противника»⁷.

Интересно в связи с выше сказанным отношение к начальнику военной разведки одного из тех партийных чиновников, которые контролировали отправку людей за рубеж.

Не названный начальник отдела ЦК ВКП(б), возможно это был Е. Я. Евгеньев, в конце 1927 года отмечал: «Атташе выдвигается Берзиным и Бубновым [Бубнов А.С., начальник Политуправления РККА и член РВС СССР. – Авт.], НКВД только оформляет, он даже их не числит у себя на учете, они жалование получают не из сумм НКВД. Я грешный человек, когда вставал вопрос о втором секретаре [полпредства СССР. – Авт.] и военном атташе, я никогда не углублялся в эти дела, может быть грешен, но никогда этих работников не рассматривал. Может быть потому, что я очень верю в Берзина, а по отношению к этим ГПУ работникам – Трилиссеру»⁸.

Разведывательное управление штаба РККА курировало и использовало в своих целях военное сотрудничество с зарубежными странами. Наиболее широким и плодотворным в тот период было взаимодействие с Германией (1922–1933). (Об этом см., например: Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва – Берлин, 1920–1933. М., 1999). В докладе 1925 г. Ян Карлович

писал, между прочим: «Необходимо отметить, что Разведупр в своей работе пользовался и материалами разведорганов и других государств»⁹.

Не менее серьезное внимание уделяется и военной технике, которая «вместе с воздушным и морским флотом составила 66,5 % всех заданий данных агентуре»¹⁰. Общие для всех стран задания по сухопутным вооруженным силам, поставленные агентурной разведке в следующем операционном году, были такими: «1) Обучение, подготовка и быт армии, политико-просветительская работа, организация и тактика низших соединений различных родов войск. 2) Военно-химическое дело: устройство и методы применения новейших средств химического нападения, состояние военно-химического дела. 3) В области артиллерии, мелкокалиберного оружия, бронесил, инженерного дела, электротехники и связи – продолжать работу по выяснению новых конструкций и пополнять имеющиеся сведения о материальной части, состоящей на вооружении иностранных армий. 4) Следить за новейшими изобретениями во всех областях военной техники и за усовершенствованиями существующей материальной части. 5) Состояние военной промышленности и подготовка к промышленной мобилизации важнейших иностранных государств». И поставленные задачи были выполнены. Ян Карлович докладывал, что «в общей сумме» полученные в 1925–1926-м материалы и сведения «уже дали возможность изучить большинство вопросов, интересующих высшие военные управления СССР»¹¹.

Задания в военно-технической области были возложены и на созданные в конце 1920-х годов инженерные отделы торговых представительств СССР за границей, в составе которых работали также и военные разведчики. Наряду с закупками всего необходимого для РККА (от новейшей военной техники до предметов культурно-бытового назначения), им предписывалось (1928 г.) «собирать, проверять, систематизировать и изучать все материалы о новых научно-технических усовершенствованиях и достижениях, как применяемых, так и могущих быть примененными для военных целей и обороны страны»¹².

6 марта 1930 года Берзин направил К.Е.Ворошилову доклад «О технической разведке», где подробно описал положение на этом направлении разведывательной деятельности и отметил необходимость дальнейшего ее развития: «I. Техническая разведка IV Управлением до сих пор велась в тех рамках, которые предусматривались заданиями Штаба РККА и допускались сметными ассигнованиями. Основной задачей технической разведки по заданиям Штаба было: а) изучить организацию, тактику, методы подготовки, вооружение и оснащение технических войск иностранных армий, б) собирание сведений о технических и тактических данных тех новых образцов оружия, которые приняты или принимаются на вооружение той или иной армией, и которые могут в той или иной степени влиять на изменение тактики. С этой задачей IV Управление справилось. Что же касается покупки опытных образцов вооружения, приобретения рабочих чертежей, описаний технических процессов, технологии металлов, организации производства и способов обработки, т. е. вопросов непосредственно не интересующих Штаб и довольствующие управления, то разведка их носила кустарный характер. Эта часть работы IV Управлением велась, так сказать, в любительском порядке, ибо ни средств на эту работу, ни более или менее серьезных заданий не было. Лишь в самое последнее время соответствующие управления и учреждения стали проявлять к этому делу интерес...»¹³. 12 марта того же года состоялось совещание о ведении технической разведки, на котором было принято решение отпустить IV Управлению дополнительные средства на оставшуюся часть 1929/1930 финансового года. В частности Управление ВВС должно было направить военной разведке для этих целей 7.500 американских долларов. Кроме того, в протоколе совещания указывалось, что «в случаях, когда предоставляется возможность купить интересующие нас готовые образцы, полный комплект рабочих чертежей, важных рецептов и т. д., заинтересованные учреждения отпускают IV Управлению необходимую для этой цели сумму сверх вышеуказанного кредита»¹⁴. Глава НКВМ утвердил решение совещания 19.03.1930 г.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов Берзин участвовал в свернутой позднее работе по подготовке партизанских кадров и специальной боевой партизанской техники, в строительстве укрепленных районов, в закладке продовольствия и оборудования для будущих партизанских баз. Курировал работу партизанских (читай: разведывательно-диверсионных) школ. После гражданской войны, когда обобщался ее опыт, в том числе и опыт партизанского движения, Берзин лично занимался вопросами организации и обеспечения партизанских операций, подбирал кадры. Учитывался и опыт отрядов «активной» разведки, которые действовали в первой половине 20-х годов на территории Польши, Румынии, Эстонии. В случае нападения на СССР можно было в короткий срок создать целые партизанские армии. Партизанские подразделения участвовали в окружных учениях 1929–1932 гг. Кстати, примерно такую же работу военная разведка вела тогда и за рубежом (1930–1935). Так, например, в резидентуре И.Ц.Винарова готовили людей на случай войны – «партийные группы содействия» (в том числе в Австрии и Чехословакии), делали закладки оружия и взрывчатки. В Центре эту деятельность курировал Х. И. Салнынь, выезжавший в это время в командировку в страны Центральной и Восточной Европы (1930–1932).

Вместе с тем, как отмечал Ян Карлович, наблюдалось «все большее сокращение числа людей, которых можно было бы использовать в будущем для целей малой войны», здесь сказывались возраст, здоровье, изменения в характере человека, а иные люди занимали столь важные посты, что их было бы затруднительно взять оттуда в партизаны. Поэтому, по инициативе начальника военной разведки, из солдат второго года службы начали формировать при дивизиях Красной Армии особые подразделения, которые для конспирации назывались «саперно-маскировочными взводами» (СМВ). По специальной программе этих тщательно отобранных «саперов» обучали «партизанским действиям, подрывному и зажигательному делу». Подготовленные кадры после демобилизации из армии старались, по мере возможности, устраивать на работу в приграничной полосе.

Первые СМВ появились в Украинском военном округе (УВО) весной 1933 г., в течение того же года в 9-ти дивизиях подготовили 220 человек и 82 из них поселили у западной границы округа. В 1934 г. году «саперно-маскировочная» работа продолжалась уже в 4-х приграничных округах. В УВО приступили к обучению следующих 220 человек, в Белорусском и Ленинградском округах к делу привлекли 450 красноармейцев, а в ОКДВА – 700¹⁵. Эта работа затормозилась в 1935-м, а спустя два года была названа подготовкой к государственному перевороту и ликвидирована. В 1941 году, в условиях наступления немцев опыт Берзина и его товарищей пришлось применять в спешном порядке, когда для основательной подготовки времени уже не было.

Когда партизанская работа была в самом разгаре, Берзин особо обратил внимание на один из ее аспектов. В феврале 1931 года он докладывал наркому обороны К. Е. Ворошилову, что «дело разработки вопросов диверсионной техники приобретает в настоящее время исключительно важное значение». Он сообщил наркому о своих переговорах с начальником знаменитого Остехбюро В. И. Бекаури, в ходе которых они договорились об организации в московском отделении этого Особого технического бюро по военным изобретениям специального назначения «вполне оборудованной диверсионной лаборатории». Бекаури пообещал «выделить одного своего сотрудника – химика» и допустить для работы в лаборатории нескольких работников, рекомендованных Разведупром¹⁶. С одобрения наркома такая специальная лаборатория в Остехбюро была создана и успешно действовала.

Ян Карлович курировал научно-исследовательскую работу Разведупра «Будущая война» и был одним из авторов научного труда с тем же названием, в котором, на основании данных разведки, говорится и о «войне моторов», и о том, что война начнется без формального ее объявления. Кроме того, Разведупр выпустил открытым изданием книгу о будущей войне против СССР, авторы которой скрылись под псевдонимами. Один из них – С. Дашиньский – это А.

М. Никонов, другой – Ян Матисович Радопольский – видимо Я. М. Жигур, во всяком случае их имена и отчества совпадают.

В издании отмечается, что «действительная продолжительность будущей антисоветской войны, вероятнее всего, будет где-то между вышеуказанной теоретически минимальной и максимальной продолжительности», то есть – в лучшем случае две летних кампании, в худшем 3, 5–4 года. «В общем, будущая война на западных границах СССР не может быть закончена в течение месяцев, не может быть закончена одними лишь военными методами. Исход будущей антисоветской войны определится сочетанием военного, экономического и политического факторов», война «потребует от пролетариата и всех трудящихся масс СССР колоссального напряжения сил, героизма военного и трудового, чтобы отстоять республику Советов» – Дашинский С., Радопольский Я. Подготовка войны против СССР. М.; Л., 1929. С. 184–187.

Никонов, Александр Матвеевич, публицист
Псевд.: 1) Дашинский, С.; 2) Дашинский, С.

Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х т. М., 1960. Т.4. С.340

Карточка

Радопольский, Ян Матисович.

Польша готовится к войне [Текст] / Ян Радопольский. - Москва : Ленинград : Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1929 (М. : 5-я тип. Транспечати НКПС "Пролетарское слово"). - 112 с. : 20x14 см.

Каталожная карточка Российской государственной библиотеки («Ленинки»)

При Берзине не забывался и опыт предшественников из «царской армии». Комдив Ф. Е. Огородников, бывший генерал-лейтенант, сотрудник дореволюционной военной разведки, назначался в распоряжение Разведупра в 1929 и 1932 годах; комбриг А. И. Верховский, бывший военный министр Временного правительства, преподаватель целого ряда военных учебных заведений Красной Армии, после очередного ареста в 1931–1934 гг., почти полтора года состоял в распоряжении РУ Штаба РККА. В той же должности после ареста находился (в 1932–1936 гг.) видный военачальник, военный педагог и теоретик, автор классического труда «Стратегия» комдив (и бывший генерал-майор) А. А. Свечин.

Неожиданно в 1934 году разразился громкий (но не публичный) скандал, связанный якобы с совершенно неудовлетворительной работой военной разведки.

ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?

В 1929–1933 гг. в деятельности советских разведслужб (ИНО ОГПУ и РУ Штаба РККА) произошел ряд серьезных (но не катастрофических) провалов, какие случались и раньше. (Кстати, Я. К. Берзин говорил, что разведки без провалов не бывает). Доклады об этих происшествиях были представлены Политбюро ЦК ВКП(б) и не вызвали поначалу особых эмоций. И вдруг глава ОГПУ Г. Ягода направил в начале 1934 г. руководству партии гневный доклад, речь в котором шла почему-то не о недостатках в работе его ведомства, а о провалах в работе Разведупра. К тому же там было немало вранья, видного теперь и невооруженным глазом. Печально, но и сейчас этот доклад Ягоды часто цитируют как абсолютно достоверный документ.

В результате, как и было задумано, вся ситуация оборачивается только против военных. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает 26 мая 1934 года постановление «Вопросы IV Управления РККА». Военной разведке ставилось в вину громоздкость агентурных сетей и засоренность их ненадежными и «засветившимися» агентами (что, по мнению авторов документа, и привело к ряду провалов), недостаточную подготовку кадров, слабую увязку деятельности Разведупра с Особым и Иностранным отделами ОГПУ-НКВД и т. д. Чтобы поправить дела в военном ведомстве партийное руководство санкционировало приход в РУ Штаба РККА (в 1934–1936 гг.) группы чекистов во главе с А.Х. Артузовым, т. е. начальником того самого подразделения (ИНО ОГПУ), в котором произошли такие же служебные происшествия, как и в Разведупре. Далее эту ошибку усугубили не дав профессионалам политической разведки времени, чтобы адаптироваться к условиям и задачам аналогичной военной деятельности. Их сразу же назначили большими начальниками, поставив на ключевые должности. К тому же Артузов (ставший заместителем начальника РУ РККА в мае 1934 г.) получил право серьезно нарушающее азы военной службы – через головы двух своих руководителей (начальника РУ и наркома обороны) он напрямую посылал документы и материалы военной разведки И. В. Сталину. Между чекистами и военными и без того складывались непростые отношения еще с первых лет советской власти, и данный эпизод, как показали дальнейшие события, их не улучшил.

Для исправления серьезных недостатков якобы имеющихся в деле подготовки разведкадров, осенью 1934 г. начинается, при активном участии Артузова, формирование Школы Информационно-статистического управления РККА (именно так именовался Разведупр в течение нескольких месяцев в 1934 г.). Согласно документам Школа должна была каждые 12 месяцев готовить по 198 человек для зарубежной работы и для местных органов ИСУ. В качестве исключения срок подготовки мог быть сокращен вдвое. Набор слушателей в Школу начался в январе следующего года^{16а}.

Тем временем – 25 декабря 1934 года Берзин был назначен на должность начальника Разведупра РККА «в связи с переходом центральных управлений НКО СССР на новую организационную структуру». Но уже вскоре, из-за провала в Копенгагене, его карьера в военной разведке прервалась. В феврале 1935 г., в связи с «нарушением принципов конспирации», в столице Дании арестовали нескольких сотрудников Разведупра. Ничего страшного как-будто не произошло, но давление на начальника РУ, с учетом предыдущих дел, усилилось.

Основные участники той копенгагенской истории известны: Джорджа Минка («Фрэнк») арестовали в его квартире, по всей видимости, первым из всех, датским судом он был осужден на 18 месяцев лишения свободы, освобожден в начале марта 1936 г.; Давид Оскарович Львович («Давид») вопреки запрещению РУ «производить явки на квартирах», устроил таковую с агентом «Фрэнком», а затем «25 февраля 1935 г. явился вместе с женой на его копенгагенскую квартиру, где [они] и были схвачены полицейской засадой, арестовавшей ранее – 22 февраля – на этой же квартире и других источников Берлинской резидентуры – «Макса» и «Ульриха». «Давид» с женой были освобождены за недоказанностью обвинения 18 июля 1935 г. и возвратились в Москву»; Макс Германович Максимов («Ганс Грюнфельд», «Макс»), «обвинялся только за проживание в Дании по подозрительному паспорту, но впоследствии был оправдан, из-под следствия освобожден и в июле 1935 года возвратился в РУ»; Александр Петрович Улановский («Николаас Шерман», «Ульрих») «во всем сознался» был приговорен к 18 месяцам заключения, в СССР вернулся в начале марта 1936 г.¹⁷. На этой же квартире арестовали и американского адвоката-коммуниста Леона Джозефсона, официально путешествующего по делам нью-йоркской текстильной компании. Он находился под следствием с февраля по май 1935 г., был оправдан судом и смог покинуть Данию.

15 апреля 1935 г. секретным приказом наркома обороны СССР за № 0531 Берзин был освобожден по его просьбе от руководства Разведупром и зачислен в распоряжение наркома обороны с выражением признательности и уверенности в том, «что и в будущей своей работе

т. Берзин вполне оправдывает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Характерно, однако, что в первоначальном проекте этого приказа, датированном 10 апреля, ни о какой благодарности речи нет – он выглядит как обычный приказ о снятии с должности.

О переменах в руководстве военной разведки уже 25 апреля того же года писал Г. М. Штерн, служивший тогда сотрудником для особых поручений при Наркоме обороны СССР. Вот что он рассказал в своем письме советскому полпреду в Монголии, бывшему заместителю начальника Разведупра В.Х. Таирову («Особо секретно. Только лично»): «Вы знаете, конечно, что Старика освободили от работы в Управлении. Как будто там были еще разные неприятности, да и вся обстановка складывалась так, что уход его был логическим исходом. Назначен Урицкий. Он способный человек, но будет ли лучше, очень сомневаюсь. Вы же лучше всех знаете качества Старика, которые вообще найти и возместить трудно... Уход Старика обставлен был в общем неплохо – К.Е. [Ворошилов] написал ему очень теплый приказ, где назвал его «одним из лучших людей в Красной Армии», наградили его золотыми часами; а в общем очень жаль – чудеснейший человек – Старик. Жаль и его исключительного опыта этой работы... Куда пойдет теперь Старик – также еще неизвестно. Говорили, что, наверное, пойдет Начпуокром [начальником политуправления военного округа. – Авт.]. Пока основательно передает дела и затем в отпуск, так как здоровье его также весьма неважное».

Ян Карлович состоял в распоряжении наркома обороны пять месяцев и 25 сентября был назначен «вторым заместителем по политической части командующего войсками ОКДВА (для руководства работой разведки)» (приказ НКО СССР по личному составу армии № 01289 от 25.09.1935). То есть, с явным понижением в должности отправлен в «почетную ссылку» на Дальний Восток, где начальником Разведотдела Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, место дислокации которой приравнивалось к военному округу, и его заместителем были старые сотрудники Яна Карловича – А. Ю. Гайлис (Валин) и Х. И. Салнын. В аппарате РО и в сопредельных странах действовали знакомые ему по прежней работе Р. Зорге, И. А. Ринк, Г. И. Гилев, Н. Д. Лухманов, Н. П. Вишневецкий, Х. Боев (Русев), Э. Д. Лепин, К. А. Батманов, Г. М. Цатуров и другие.

В полночь, 18 июля 1936 года радиостанция города Сеуты (Испанское Марокко) передала в эфир фразу: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к мятежу генерала Франко против Испанской республики. Разрасталась длившаяся три года тяжелая и кровопролитная гражданская война. Германия и Италия сразу же открыто поддержали мятежников. Началась интервенция. На стороне республиканцев выступил Советский Союз, явно на словах и тайно на деле. Конечно, присутствие советского оружия и советских военных в Испании было секретом полишинеля, тем не менее, конспирацию старались соблюдать.

В октябре 1936 года в Испанию в качестве советников стали прибывать советские военные специалисты. Уже в начале октября немецкие разведчики отправили из Мадрида в Берлин сообщение: «Сюда прибыл главный военный советник республики и советский генерал Гришин». Этим «генералом» и был Ян Карлович Берзин. Его вызвали в Москву ещё весной 1936 года и, когда начался франкистский мятеж, отправили в Испанию.

Первое, чем ему пришлось заниматься – организация обороны Мадрида. Уже в начале ноября войска мятежников вышли на ближние подступы к испанской столице. 6 ноября бои шли уже на окраинах города. Военные советники торопились организовать оборону. А 8 ноября в городе появилась первая из Интернациональных бригад, этой гвардии Коминтерна. Франкистам так и не удалось взять город.

«Неоценим вклад советников – специалистов Красной Армии в оборону Мадрида. Кто еще мог подсказать «милисианос», как построить в условиях миллионного города долговременную оборону со стрелковыми окопами полного профиля, с правильно расположенными орудиями и пулеметами. И, разумеется, советники не только учили, но и учились, строя обо-

ронительные рубежи на подступах к Мадриду. Показывая мадридцам, как следует вгрызаться в камень, как и где возводить проволочные заграждения, как и где готовить секторы обстрела. Откуда испанцам, не воевавшим целую вечность, было знать, что на один погонный километр фронта нужно около четырех тонн колючей проволоки и около двух тысяч мин и фугасов! Требовалось немедленно переключить заводы столицы на производство всего необходимого для фронта, и в этом важнейшем деле на помощь защитникам Мадрида также приходили «советикос»¹⁸. Действительно, как сражаться в условиях нехватки всего необходимого, интервенции и блокады, лучше командиров Красной Армии научить не мог никто.

Из Мадрида Берзин отправился в Валенсию, город, куда из осажденного Мадрида переехала столица Испанской республики. Обстановка была сложной, а надо было разобраться в ней досконально, чтобы советы военного советника были правильными. Вот когда ему пригодились навыки работы в военной разведке!

Главный советник занимался многим. Он выезжал на фронт, налаживал руководство войсками и обеспечение армии. Ну, и конечно, любимое его детище – разведка, на сей раз республиканская. Испанцы, в отличие от многих предыдущих кадров Берзина, не имели опыта подпольной и конспиративной работы, их нужно было учить всему с самого начала. А еще труднее было наладить грамотное использование разведывательной информации в республиканских штабах. В районах, занятых франкистами, развивалось партизанское движение. Диверсанты-интернационалисты взрывали мосты и поезда, устраивали засады и нападали на гарнизоны. В Валенсии была создана школа «Красный партизан», где, под руководством Берзина, проходили подготовку диверсионные группы и отряды – от 8 до 40 человек. И при каждом таком отряде тоже был советник, а фактически – руководитель отряда. Отряды сочетали диверсии и разведку. Позднее и испанский опыт был использован во время Великой Отечественной войны, в том числе и самими испанцами, которые оказались в Советском Союзе. Из этих отрядов и групп был вскоре сформирован специальный 14 армейский корпус, подчиненный Генеральному штабу. В корпусе было четыре дивизии, в каждой из них – по три-четыре бригады, или отряды, по 150–200 человек. Одна дивизия базировалась в Каталонии, три – в центре: в Андалусии, Эстремадуре и на Центральном фронте.

Занимался Берзин в Испании, как уже говорилось, разведкой, а особенно, контрразведкой. Испания была буквально наводнена резидентами и агентами франкистской, немецкой, итальянской разведок. Радио Саламанки ежедневно в 9.45 передавало для «пятой колонны» зашифрованные указания. Совместно с республиканской контрразведкой – особым отделом по борьбе со шпионажем – генерал Гришин ведет привычную войну разведок. В восьми километрах от Валенсии, в Рокафоре, организует станцию радиоперехвата.

Немало старых товарищей встретил в Испании Берзин. Военным атташе был В. Е. Горев, а его заместителем – Д. О. Львович (проходивший по «копенгагенскому делу» 1935 г.), командиром 14-й Интернациональной бригады – К. К. Сверчевский, военными советниками: Х. И. Салнынь, И. Г. Старинов, Л. К. Бекренев, Г.И.Семенов, А. И. Эмильев и другие. Там воевал и засветившийся в Копенгагене в 1935 г. Дж. Минк, числившийся в составе аппарата главного военного советника. Должность его в документе не названа, но он указан в следующей строке после Х.-У.Д.Мамсурова («Ксанти»), инструктора специальной работы от «А» («активка» – специальное отделение РУ РККА). Минк был убит в Испании, по-видимому, в 1937 г.

Тогда Сталин дал высокую оценку деятельности Яна Карловича в Испании: «**Сталин.** Никто не думал, и я не слыхал о способностях командующего у Берзина. А посмотрите, как он дело наладил. Замечательно вел дело» – Выступление на расширенном заседании Военного совета при Наркоме обороны, 2 июня 1937 г.

В мае 1937 года Берзина, главного военного советника и заместителя командующего войсками ОКДВА (он по-прежнему числился на этой должности), отзывают в Москву. На посту главного советника его сменил «генерал Григорович» – комдив Григорий Штерн, тот самый

который писал о нем Таирову. Дома его ожидало звание армейского комиссара 2-го ранга (Примерно соответствовало введенному в 1940 г. званию генерал-полковника.), присвоенное ему 14 июня, орден Ленина, которым он был награжден ещё 3 января и новое, а точнее, старое назначение – начальником Разведупра РККА. Он привез из Испании бесценный опыт и... жену, двадцатилетнюю Аврору Санчес. Давно, еще в начале 20-х годов, Ян Карлович женился на сестре одного из своих сотрудников – Елизавете Константиновне Нарроевской. Она оставила мужа, но сын Андрей жил вместе с отцом. В 1937 году ему было лет 13–14. Уезжая в Испанию, Берзин оставил его в Хабаровске и теперь вызвал домой, в Москву. Вскоре к нему приехала и Аврора. Берзин встретил красавицу-испанку в Валенсии, где девушка работала в штабе. Ян Карлович был на 27 лет старше нее. Девушка приехала в Россию, как она думала, на год – посмотреть Москву, выучить русский язык. А вышло так, что осталась на всю жизнь.

В Разведупре Ян Карлович прослужил всю оставшуюся жизнь – правда, оставалось ему очень недолго. С первых же дней он поставил перед разведчиками задачу: составить перспективный план разведывательной деятельности в канун войны. Побывав в Испании, он теперь не сомневался – война неизбежна. Основное направление работы – Германия. С первых же дней он занялся и кадрами. Надо было провести «инвентаризацию» – посмотреть положение старых кадров, познакомиться с новыми. Приезжающие в Москву на переподготовку нелегалы неизменно представлялись «Старику». Нагрузка была очень большой, тем более, что к этому времени в Разведупре была упразднена (с подачи А. Х. Артузова) единая аналитическая служба, и теперь осмысление поступающей информации ложилось на соответствующих заместителей начальников оперативных подразделений и на начальника Управления. И Берзин всерьез задумался о том, что разведке все же нужна настоящая, т. е. объединенная аналитическая служба. Очень нужна. И еще многое нужно разведке.

Почтовая марка выпущенная в СССР в 1989 году

С 1936 г. и на целый ряд лет кодовым словом для обозначения начальника военной разведки стало слово «Директор».

Яна Карловича арестовали в ночь на 29 ноября 1937-го по делу «латышской фашистско-шпионской организации», обвиняли Берзина и в содружестве с несколькими иностранными разведками, организации террористической группы и проведении предательской работы в специальной командировке (теперь уже утверждалось, что «БЕРЗИН, находясь по заданию правительства в особо секретной командировке, провел там большую предательскую работу,

чем сорвал важнейшие мероприятия»). После восьми месяцев допросов с пристрастием он был приговорен 29 июля 1938 года к высшей мере наказания за участие в контрреволюционной террористической организации и шпионаж и в тот же день расстрелян. Полностью реабилитирован 28 июля 1956 года.

Латышский поэт Эйжен Веверис, который сидел в Маутхаузене вместе с Л. Е. Маневичем, так передавал его рассказы о Я. К. Берзине: «Я почти не знал его как начальника. Для меня он всегда был «Стариком» – очень близким и очень умным советчиком. Он никогда не выделял себя из рядов наших товарищей. Ни манерой разговора, ни поведения. Зато выделялся главным: умением слушать. Вникать в твои мысли и потом, только потом, дать добрый совет. «Старик» не терпел зазнайства. Часто повторял, что наш враг – умен и хитер, что он имеет огромный опыт. Победить его можно только своим умом, своим мужеством и находчивостью, глубоким анализом происходящих в мире явлений. . . Мне всегда казалось, что он знал о мире всё. И в редкие наши встречи очень щедро делился этими знаниями».

«Каким он запомнился мне? – вспоминал адмирал в отставке Л. К. Бекренев. – Крепко сложенный, седая голова – поэтому и звали его «Стариком», коротко подстриженные волосы, серо-голубые глаза, улыбка открытая, обаятельная. Я, например, не слышал, чтобы он хохотал, громко смеялся, а вот когда ему что-то нравилось или был в приподнятом настроении, то обязательно улыбался. Но был строгим, требовательным начальником. В то же время трепетно ценил людей, прямо-таки по-отечески относился к работникам управления. Заботился о семьях: отправит кого-нибудь за рубеж, и сам, не перепоручая заместителям, постоянно спрашивается, как там в семье, не нужна ли какая помощь». Адмирал Бекренев подчеркивал: «Наши разведывательные организации, созданные под руководством Берзина, совершили подвиг, раскрыв замыслы фашистов против Советского Союза. Такой пример: основные положения плана агрессии, утвержденного Гитлером в декабре 1940 г. уже через 11 дней были известны советской военной разведке. После были вскрыты тактические мероприятия по подготовке Германии к нападению на СССР, а также ее сателлитов, позиция Японии по поводу участия в этой войне. Да, Берзина уже не было в живых, но жило его дело, продолжали сражаться на невидимом фронте его ученики, работала отлаженная и запущенная им машина».¹⁹ Можем добавить, что за последние годы стало известно и многое другое.

Высокую оценку своему начальнику дает и разведчица М. И. Полякова: «Работая в оперативном аппарате управления с 1937 по 1946 год, . . . я по-настоящему поняла, кем был Берзин для нашей военной разведки. Все многочисленные дела, которые прошли через мои руки за эти годы, свидетельствуют, как он кирпичик к кирпичику создавал ее организации. Ведь хорошую агентурную сеть быстро создать нельзя, для этого требуются иногда годы. . . Берзин сам подбирал и готовил кадры, способные выполнять его замыслы. Дела резидентур, созданных до 1937 года, как правило, несут следы его пристального внимания к их жизни и работе. Организации под руководством Рихарда Зорге, Шандора Радо, Ильзы Штебе и ряд других являются классическими в истории разведок. . . Изучая дела тех лет, я поняла, какие глубокие планы он разрабатывал, сколько интересных комбинаций придумывал и как строго следил за их осуществлением. Я поняла также, как трудно ему было работать, особенно в последние годы, как мало средств выделяли ему на наше дело и как мало интересовались нашей работой «наверху». И, наконец, деятельность

военной разведки во время войны показала, что стабильно работали ее фундаментальные организации, созданные под руководством Берзина. Некоторые из них продержались всю войну и добывали ценную информацию»²⁰.

Это же могли бы сказать и другие, знавшие Я. К. Берзина разведчики.

Примечания

¹ Голяков С., Понизовский В. Начальник разведки // Комсомольская правда. М., 1964. 13 ноября.

² Черепанов А.И. Поле ратное мое. М., 1984. С. 96–97.

³ РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.602. Л.8, 14–15.

⁴ Там же. Д.655. Л.1–7.

⁵ Там же. Л.11а, 11б.

⁶ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.80. Л.301.

⁷ Они руководили ГРУ. М., 2005. С.101.

⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 120. Д.14. Л.116.

⁹ РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.655. Л.6.

¹⁰ РГВА. Ф.4. Оп.2. Д.83. Л.4.

¹¹ Они руководили ГРУ. М., 2005. С.102.

¹² РГВА. Ф.31863. Оп.2. Д.174. Л.20.

¹³ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.392. Л.24.

¹⁴ РГВА. Ф.31863. Оп.2. Д.344. Л.67.

¹⁵ РГВА. Ф.37977. Оп.5. Д.335. Л.289-289об.

¹⁶ РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.302. Л.64.

^{16а}. Кстати: Начальник Главного управления кадров НКО СССР Ф. И. Голиков – наркому обороны СССР И. В. Сталину, 06.06.1944 г.: «18 июня 1944 года исполняется 20 лет Высшей Специальной Школы Красной Армии. За эти 20 лет школа подготовила не одну тысячу человек высококвалифицированных офицеров разведывательной службы» – интернет-ресурс «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Голиков предложил наградить ВСШ орденом Красного Знамени, что и было сделано. Из этого документа следует, что историю подготовки высокопрофессиональных кадров военной разведки вели все-таки от Я. К. Берзина, а не от А. Х. Артузова.

¹⁷ Алексеев М.А. и др. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945. М., 2012. С.487, 498, 780.

¹⁸ Горчаков О. Ян Берзин: судьба командарма невидимого фронта // Новая и новейшая история. М., 1989. № 2. С.136.

¹⁹ Они руководили ГРУ. М., 2005. С. 111–112.

²⁰ Полякова М. И. По заданию Я. К. Берзина // Военно-исторический журнал. М., 1990. № 3. С. 61–62.

Два года во главе разведки: Семён Петрович Урицкий

Семён Петрович Урицкий родился 18 марта 1895 года в городе Черкассы Киевской губернии в семье мелкого служащего – агента по заготовке и продаже льда. В начале 1900 года семейство Урицких переехало на жительство в Одессу. Среди родных Семёна Петровича уже в те годы царили весьма революционные настроения. После революции отец его служил в Особом отделе ВЧК и был убит при исполнении служебных обязанностей в 1919 году. Брат отца, Моисей Соломонович Урицкий, стал первым председателем Петроградской ЧК и был убит в 1918 году. Двоюродный брат и тезка Семёна, очень похожий на него, Семен Борисович Урицкий, в 20-е-30-е годы редактировал «Гудок» и «Крестьянскую газету». Оба родных брата впоследствии тоже стали большевиками. А жизнь будущего комкора складывалась так.

Начиная с 1906-07 годов материальное положение семьи, в которой было пятеро детей, становится все хуже и хуже. Отец по характеру своему был правдоискатель, всюду искал справедливости, протестовал и, как следствие, постоянно был без работы. До 1909 года Семен учился в Одесском казенном училище, но потом, не закончив 4-й класс, вынужден был бросить учебу и пойти работать. Он был сначала «мальчиком на побегушках», а с 1910 – упаковщиком ящиков и бочек, приказчиком на химических аптекарских складах. И тогда же включился в революционное движение, за что 2,5 месяца провел в тюрьме. В июне 1912 Семён Урицкий был принят в партию Одесской группой РСДРП(б). Он распространяет газету «Правда» и сам пишет для неё заметки, участвует в демонстрациях и собраниях, занимается агитацией.

В августе 1915 года, в разгар Первой мировой войны, Семен был призван в армию и попал в маршевый эскадрон 12-й драгунского Стародубского полка, который располагался в г. Новогеоргиевске под Кременчугом. По заданию партии солдат Урицкий вел там организационно-агитаторскую работу. Обстановка в полку была для этого нелегкой, и лишь в 1916 году ему удалось собрать маленькую группу революционно настроенных солдат. Грянула Февральская революция, и Урицкий был избран командиром эскадрона. В мае 1917 он переведен на Румынский фронт в 44-ю отдельную телеграфную роту, где избран председателем ротного комитета, а после Октябрьской революции начальником красногвардейской дружины.

Семён Петрович Урицкий (1895–1938)

С развалом фронта Урицкий отправился в Одессу, где стал одним из организаторов Союза социалистической рабочей молодежи и его боевой дружины, начальником отряда одесской Красной Гвардии, «участвовал с ним в боях за Советскую власть в Одессе в ноябре 1917 г. и в январе 1918 г.». Из одесского комсомола того времени вышли такие известные деятели, как один из руководителей КИМ и РКСМ, сотрудник военной разведки, писатель, журналист и дипломат Оскар Тарханов, комсомольский и партийный работник Самуил Эйнгорн, его брат – чекист-разведчик, работавший в Италии и США, Абрам Эйнгорн, известные одесские чекисты, взявшие «географические» псевдонимы – Борис Юзефович-Северный, Иосиф Горенюк-Южный и Семён Кессельман-Западный. После установления в городе Советской власти Урицкий занял должность помощника инспектора кавалерии Одесского военного округа.

С марта 1918-го, когда Одесса, как и вся Украина, была оккупирована австро-германскими войсками, Урицкий воюет на фронтах гражданской войны: в качестве комиссара кавалерии 3-й Украинской армии и начальника боевого участка Поворино на Царицынском фронте.

В августе он назначается на первый свой пост в военной разведке – военным агентом (позднее они и у нас стали называться военными атташе) советского Генерального консульства в Одессе. Официальное присутствие советских граждан в городе правительство гетмана П.

Скоропадского и немцы терпели недолго. По обвинению в вербовке людей для Красной Армии Семён Петрович и генеральный консул были арестованы и в октябре высланы в Советскую Россию.

В Москве Урицкий возглавляет Московский окружной военный контроль (т. е. военную контрразведку округа). Когда в декабре все органы военного контроля, которые ранее подчинялись Региструпру Полевого штаба РВСР, были переданы в ВЧК, Урицкого направляют на учебу в Академию Генерального штаба. Но в мае 1919-го его отзывают из Академии и назначают на Южный фронт старшим помощником начальника штаба 58-й стрелковой дивизии. В середине августа 1919 года дивизия под командованием И. Ф. Федыко, сражаясь с денкинцами, обороняла район Херсон-Николаев-Вознесенск. И в этот момент махновские агитаторы спровоцировали выступление бойцов из тыловых подразделений, внушив им, что большевики отступают потому, что не хотят защищать Украину. Начдив Федыко и комиссар Михелович были арестованы, им обоим грозила смерть. В этой ситуации Семён Петрович Урицкий поднял по тревоге батальон связи, вывел его к захваченному махновцами бронепоезду и отбил у озверевшей толпы начдива и комиссара. Мятежники разбежались, управление дивизией было восстановлено, и Федыко отвел её к Вознесенску, где дивизия вошла в состав Южной группы войск, вместе с которой совершила четырехсоткилометровый поход по тылам врага¹.

Находчивость С. П. Урицкого при спасении начдива и комиссара была отмечена в приказе Реввоенсовета республики. Приказ целиком посвящался молодому красному командиру, награжденному за этот подвиг орденом Красного Знамени. Урицкий, говорилось в приказе, «неоднократно доказывал свою преданность в борьбе с врагами Рабоче-Крестьянской Республики».

В октябре 1919 года, при штурме Киева, Урицкий был тяжело ранен и контужен, полгода лечился в госпиталях Москвы и Одессы и в мае 1920 года назначен командиром и комиссаром Отдельной кавалерийской бригады Южного фронта. Несколько дней побыв в августе временно исполняющим обязанности начальника оперативного (агентурного) отделения Региструпра, он возвращается на фронт в свою бригаду, вместе с которой громит в Крыму Врангеля.

В декабре 1920-го Урицкого вновь посылают на учебу в Академию Генштаба РККА. Узнав о мятеже в Кронштадте в марте 1921, слушатели Урицкий и Федыко просятся на фронт. Их назначают в 187-ю бригаду – Семёна начальником штаба, а Ивана командиром бригады. Они участвовали в штурме мятежного города и были награждены орденами Красного Знамени в апреле того же года. Кроме того, Петроградский Совет наградил Урицкого именными золотыми часами, а «в подарок от тов. Троцкого за взятие города Кронштадта» он получил верховую лошадь (приказ по Военной академии РККА № 74 от 01.04.1921, § 22).

В мае 1921 года Урицкий приезжает в Одессу и 28 числа принимает у бывшего балтийского моряка П. Е. Дыбенко командование Одесским укрепрайоном. Но уже в сентябре отзывается в Москву в Военную академию РККА, которую, согласно документам, заканчивает 25 сентября 1922 года с оценкой «весьма удовлетворительно». Между тем, уже с мая 1922 года он состоит в распоряжении Разведотдела – Разведупра Штаба РККА и до мая 1924-го находится на нелегальной работе во Франции, Германии и Чехословакии. Советский государственный и партийный деятель П. Н. Мостовенко писал о нем: «Я знаю Семёна Петровича УРИЦКОГО с 1921 г. Познакомился с ним во время моего полпредства за границей в Праге, куда он был командирован в качестве военного атташе»^{1а}.

Вернувшись из-за рубежа, Урицкий занимает ряд должностей в войсках и военно-учебных заведениях: помощник начальника, начальник и военком Московской пехотной школы им. М. Ю. Ашенбреннера, а также Одесской пехотной школы (1924–1927), командир и комиссар 20-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа (1927–1929), в качестве заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа (1929–1930), участвовал в подавлении восстания в Чечне. В 1928–1929 годах окончил армейское отделение Курсов усо-

вершенствования высшего командного состава. Командовал 8-м и 6-м стрелковыми корпусами Украинского военного округа (1930–1931), был начальником штаба Ленинградского военного округа (1931–1932), командиром и комиссаром 13-го стрелкового корпуса Приволжского военного округа (1932–1934). На излете советско-германского военного сотрудничества побывал в Германии во главе военной делегации (1932–1933), уже после прихода Гитлера к власти, с последней группой командиров РККА находился на учебе в Штутгарте (март – июнь 1933). С июня 1934-го – заместитель начальника Управления механизации и моторизации – Автобронетанкового управления РККА.

В апреле 1935 года следует новое назначение: Центральный Комитет ВКП(б) и руководство Наркомата обороны выдвигают С. П. Урицкого на должность начальника Разведывательного управления РККА. А в ноябре того же года ему присвоено звание комкора.

В ноябре 1935-го были утверждены новые штаты и структура Разведупра РККА, почти не менявшиеся до 1939 года. Назначения по этим штатам прошли в феврале-марте 1936 года. Основные посты в Управлении заняли: начальник – комкор С. Урицкий; заместители начальника – корпусной комиссар А. Артузов, комдив А. Никонов. Начальники отделов: 1-го (западного) – корпусной комиссар О. Штейнбрюк; 2-го (восточного) – корпусной комиссар Ф. Карин; 3-го (военной техники) – комдив О. Стигга; 4-го (военно-морского) – капитан 2-го ранга М. Нефедов; 5-го (военных округов и флотов) – комбриг В. Боговой; 6-го (радиоразведки) – бригадный инженер Я. Файвуш; 7-го (дешифровального) – полковник П. Харкевич; 8-го (военной цензуры) – дивизионный комиссар П. Колосов; 9-го (монголо-синыцзянского) – комбриг В. Панюков; 10-го (специального технического) – бригадный инженер А. Лозовский; 11-го (внешних сношений) – комкор А. Геккер; 12-го (административного) – майор А. Мартьянов. Специальное (разведывательно-диверсионное) отделение «А» возглавил бригадный комиссар Г. Туманян.

Назовем и некоторых из зарубежных работников того времени.

АНГЛИЯ. В помощь легальному резиденту «Соколову» (бригадный инженер М. Вайнберг) в Лондон назначен военный инженер 3-го ранга А. Беликов, выпускник Школы Разведупра РККА (1936), ранее окончивший Военно-морское инженерное училище.

БОЛГАРИЯ. Первым советским военным атташе и легальным резидентом в этой стране в 1935 году стал полковник В. Сухоруков (назначен в декабре 1934 года). Службу в военной разведке Сухоруков начинал еще в 1921 году в Разведупре при Военсовете Народно-революционной армии Дальневосточной республики. По окончании основного и восточного отделения Военной академии РККА (1924) работал в Китае под «крышей» советских консульств в Харбине, Мукдене и Ханькоу. Помощник начальника 2-го (агентурного) отдела, начальник Отдела внешних сношений Четвертого Управления Штаба РККА. Награжден Орденом Красного Знамени (1933). За два года работы в Софии сумел создать разведсеть на Балканах. Начиная разработку болгарского генерала и будущего Героя Советского Союза (1972) В. Заимова, которого к разведработе привлек уже следующий военный атташе полковник А. Бенедиктов (1939).

ГЕРМАНИЯ. Весной 1936 года в страну был командирован И. Крекманов («Васильев», «Шварц»), вспоминая впоследствии, что задание ему давал сам Я. Берзин (хотя согласно документам он служил в это время на Дальнем Востоке, в ОКДВА). В Берлин «Шварц» ехал с документами представителя одной из религиозных организаций Нью-Йорка. Берзин подчеркнул, что председатель этой организации – сотрудник Разведупра, и потому запросов гестапо туда можно не опасаться. Официально миссия И. Крекманова состояла в наблюдении за строительством в окрестностях германской столицы детской больницы. «Шварц» много лет занимался партийной работой в Болгарии и Югославии, сотрудничал с советской военной разведкой с 1929 года. Был нелегальным резидентом в Чехословакии (1930–1933). Годом раньше Крекманова в Берлин прибыл полковник А. Иодловский. В военной разведке с 1921 года. Выполнял задания в Германии и Польше, работал начальником Разведотдела Западного воен-

ного округа, награжден Орденом Красного Знамени (1933). Новые кадры прибыли и в берлинскую легальную резидентуру. Это – военный инженер 3-го ранга П. Фоменко (1935), которому предстояло работать в торгпредстве, и военный инженер 3-го ранга К. Леонтьев (1936), назначенный секретарем военного атташе СССР комбрига А. Орлова. Фоменко после окончания Артиллерийской академии (1932) работал за границей по линии Артиллерийского управления РККА. К. Леонтьев был выпускником Военно-химической академии (1935) и учился в Школе Разведупра РККА.

ДАНЦИГ (Гданьск). В вольный город Данциг, находившийся под управлением Лиги Наций, резидентом Разведупра и Генеральным консулом СССР был направлен в 1936 году В. Михельс. Он с 1922 года заведовал Отделом информации в газете «Известия», а затем примерно год работал в наркомате иностранных дел редактором по делам Австрии, Болгарии и Венгрии во 2-м Западном политическом отделе, выезжал в командировки в Чехословакию, Польшу, Германию и Францию.

КИТАЙ. Легальным резидентом (корреспондентом ТАСС) в Шанхай в 1936 году отбыл дивизионный комиссар Л. Борович («Алекс»), которому посвящен отдельный очерк в этой книге. На легальную работу в Харбин (вице-консул) был отправлен молодой сотрудник разведки майор А. Рогов, только что окончивший спецфакультет Военной академии им. М.В. Фрунзе. Тогда же, после выполнения заданий в Германии и Франции, в Китай прибыл и нелегальный резидент военный инженер 2-го ранга Х. Боев, занимавший аналогичную должность в Болгарии еще в 1921–1923 годах. Затем он работал в Югославии и Австрии, был резидентом в Чехословакии и Турции, окончил Военную академию механизации и моторизации (1935).

ПОЛЬША. Нелегальным резидентом в Кракове в 1936 году был направлен болгарский коммунист и военный разведчик во Франции (1927–1931) Н. Попов (Стоян Владов, «Черный»). За пять лет пребывания в СССР он получил военное образование и прошел спецподготовку. В относительно короткое время «Черный» создал обширную агентурную сеть. Источники полученных им сведений находились не только в Польше, но также в Германии, Австрии, Чехословакии и Венгрии. Радисткой к нему назначили Урсулу Кучинскую («Соня»), которая работала также вместе со своим мужем Рольфом Гамбургером (1935–1937). До этого Урсула (впоследствии известная как Рут Вернер) успела поработать в Китае и пройти разведподготовку в Москве (1930–1935). В Польше «Черный» проработал до 1941 г.

ПОРТУГАЛИЯ. Резидентом в эту страну в 1936 году был назначен военный инженер 2-го ранга Б. Овсиенко. Поставленные перед ним задачи касались в основном помощи республиканской Испании. В СССР он эмигрировал из Польши в 1924 году, спасаясь от преследований полиции. В Стране Советов его направил в пограничные войска лично Ф. Держинский. Овсиенко служил на Дальнем Востоке, затем учился в Высшей пограничной школе, где познакомился с А. Артузовым. По завершении учебы Б. Овсиенко направлен для продолжения службы в Ленинградский военный округ. Через три года вновь учеба – теперь уже в Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина, а в 1935 году Артузов пригласил его на работу в Разведупр. В Лиссабон Овсиенко приехал вместе с радисткой «Эрной», незадолго до этого вернувшейся из Японии. Отозвали его из страны, где он успел наладить работу в 1937 г.

США. Нелегальным резидентом туда в 1936 году выехал старый сотрудник военной разведки (с 1920 года) полковой комиссар Б. Буков, работавший ранее в Германии. Из-за срочности задания его сняли с учебы, не дав окончить промышленный факультет Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина. В Америке также работал З. Литвин («Мулт»), получивший образование на Восточном факультете Дальневосточного университета (1926) и проработавший два года (1934–1936) в Китае помощником резидента. По легальной линии в страну в 1936 году прибыл военный инженер 3-го ранга П. Баранов, выпускник Школы Разведупра РККА, пришедший сюда из военно-морского училища.

ФРАНЦИЯ. Завершив учебу на Особом факультете Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936), в Париж нелегальным резидентом выезжает И. Винаров («Март»). Ранее, в 1930–1933 годах, он был главным резидентом в Австрии, на работу в Разведупр пришел в 1925 году, работал помощником резидента в Китае. Среди полученных им заданий также числится помощь испанским республиканцам. Кроме того, на Винарова возложили обязанность по созданию разведсети на территории Германии, Португалии, Бельгии, Италии. С конкретными задачами он выезжал и в другие страны.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В 1935 году в страну были направлены два советских военных разведчика. Болгарский коммунист Д. Ананиев («Мими»), еще в 1920-е годы наряду с партийными выполнявший и разведывательные задания, прибыл в Прагу из Болгарии. Официально он приехал учиться в Славянском институте, работая к тому же корреспондентом солидной болгарской газеты «Заря». В. Врана был привлечен к сотрудничеству с чехословацкой резидентурой советской военной разведки в самом начале 1930-х годов, и с 1932 по 1935 годы успешно работал в Париже. По возвращении на родину работал в дирекции заводов «Шкода», выполнявших военные заказы не только для чехословацкой армии, но и для вооруженных сил других стран мира (в том числе и СССР). Военным атташе СССР в ЧСР назначен полковник Л. Шнитман, много лет проработавший в Германии (с 1926 года) и Финляндии.

ШВЕЙЦАРИЯ. С заданием Разведупра РККА в страну в 1936 году приехал венгерский коммунист и профессиональный картограф Ш. Радо («Альберт», «Дора»). Он основал в Женеве картографическую фирму «Геопресс», служившую ему прикрытием. Впоследствии он был назначен резидентом. Деятельностью «Доры» на первом этапе (1936–1937) руководила нелегальный резидент М. Полякова. В военную разведку она пришла в 1932 году по комсомольской путевке, была помощницей резидента в Германии. Окончила Школу Разведупра.

Большую помощь военная разведка оказывала Республиканской Испании, где в 1936–1939 годах шла гражданская война. Советские специалисты, направлявшиеся туда по линии военного ведомства, проходили собеседование и подготовку в Разведывательном управлении РККА. Среди них были и военные разведчики. Главным военным советником испанского правительства был назначен корпусной комиссар Я. Берзин (генерал Гришин, Доницетти). Советник по разведывательно-диверсионной работе майор Х.-У. Мамсуров («Ксанти») получил специальное образование на общевойсковом отделении Курсов усовершенствования по разведке (1935) и некоторое время был секретным уполномоченным Специального (диверсионного) отдела «А» Управления. Те же Курсы, но тремя годами раньше окончил капитан-лейтенант Л. К. Бекренев, работавший в Испании по линии военно-морской разведки. В республику он был направлен с должности начальника отделения Разведотдела Черноморского флота. Военный инженер 2-го ранга А. И. Эмильев (под этим именем в СССР жил и работал болгарский коммунист С. Контров) в 1930–1935 годы выполнял задания в ряде европейских стран, а затем преподавал в Школе Разведупра; в Испании он стал советником 14-го (партизанского) корпуса Интернациональных бригад. Военный инженер 3-го ранга И. Г. Старинов («Вольф») в начале 1930-х годов готовил для Разведупра и Коминтерна партизанские кадры: специалист по минно-подрывному делу, он командовал интернациональным диверсионным отрядом в составе 14-го (партизанского) корпуса. Организацией партизанского движения в Испании занимался Г. И. Семенов, сотрудник Региструпра – Разведупра с 1920 года. Семенов выполнял задания в Германии и Китае, и перед командировкой на Пиренейский полуостров он вернулся из Монголии. Военный атташе комбриг В. Е. Горев ранее служил в РККА и в Особых отделах ВЧК-ГПУ фронтов, армий и МВО. По завершении учебы на Восточном факультете Военной академии РККА он занял должность военного советника в Китае (1925–1927), позднее в начале 1930-х, работал резидентом военной разведки в США. Помощником Горева был майор Д. О. Львович («Лоти»); находясь в Испании, он продолжал числиться в должности заместителя начальника

Разведотдела ЛВО. Службу в РККА он начинал в политорганах, а с 1921 года стал сотрудником военной разведки. Работал в Персии, Турции и Германии, а также в центральном аппарате.

«Отправке советников, – как писал исследователь Ю. Рыбалкин, – предшествовал отбор кандидатов в советнический аппарат, который производился, как правило, центральными управлениями и кадровыми органами Наркомата обороны через командующих военными округами. Главные и старшие военные советники, советники фронтов и дивизий утверждались ЦК ВКП(б). Отъезжающих инструктировал лично начальник Разведуправления Наркомата обороны С. Урицкий (Директор)». Советники и переводчики, воевавшие в Испании, вспоминали позднее о своих встречах с Семеном Петровичем. Вот лишь три эпизода из очень многих.

Н. Кузнецов: «– Известно ли вам, какие события происходят в Испании? – сразу спросил начальник управления Семен Петрович Урицкий. – Конечно, – ответил я, несколько удивленный этим вопросом. – А хотели бы вы отправиться туда? Не дав мне ответить, он стал рассказывать о гражданской войне на Пиренейском полуострове, причем намеренно сгущал краски, стараясь подчеркнуть опасность, которой подвергается всякий, кто попадает в эту страну. – Словом, учтите, что вас ждет, и подумайте, прежде чем говорить «да» или «нет». Все зависит от вашего желания. У меня не было особой нужды раздумывать. Я сказал, что согласен. – Очень хорошо, – отозвался Урицкий. – Я был обязан предупредить вас и доложить начальству, если замечу, что вы колеблетесь. Вы назначены в Испанию нашим военно-морским атташе. Это было так неожиданно, что я не сразу нашелся, что ответить. Урицкий внимательно посмотрел на меня: – Что вы знаете об Испании? – Видимо, на моем лице была написана растерянность. – Разумеется, как моряк, не больше, – поспешил он добавить... Я рассказал Урицкому все, что сохранилось в памяти. – А что вы знаете о состоянии испанского флота? – спросил меня Семен Петрович. Я помянул про себя добрым словом английский справочник, который мы совсем недавно листали в кают-компании «Червоной Украины». Стал перечислять линкоры, крейсера, эсминцы, назвал основные базы – Кадис, Эль-Ферроль, Картахену. Не знаю, какой балл мысленно выставил мой экзаменатор, но, видимо, экзамен я все же сдал. Затем Урицкий начал знакомить меня с обязанностями военно-морского атташе. Всего лишь несколько дней назад были возобновлены дипломатические отношения между СССР и Испанией. Из советских людей в Испании находились только вездесущие журналисты. В «Правде» появились первые корреспонденции Михаила Кольцова. Их читали с огромным интересом. Было много желающих поехать в эту страну, чтобы воевать на стороне республиканского правительства, но ни одного добровольца еще не отправили. В Мадрид выехал наш посол М.И. Розенберг. За ним следом отправился военный атташе В.Е. Горев. Теперь предстояло ехать мне. Водя карандашом по карте, Урицкий знакомил меня с положением на фронтах. – Условия, в которых вам предстоит работать, необычные. Ваша задача заключается в том, чтобы по возможности помогать флоту законного правительства республики... Когда можете вылететь в Париж? Штатское платье у вас есть?... – забросал меня вопросами Урицкий. Я ответил, что штатского платья у меня нет, и мне были даны сутки на сборы и экипировку. Уже прощаясь, Семен Петрович спросил, что я знаю о Лепанто. Может быть, он думал о Сервантесе, солдате испанского флота, потерявшем в морской битве при Лепанто руку? Не случись этого, возможно, Сервантес не стал бы писателем и человечество не получило бы «Дон Кихота»? Я вспомнил лишь, что при Лепанто христианский Запад сражался с мусульманской Турцией. Остальное узнал позднее: подробности из биографии Сервантеса, то, что битва при Лепанто была последней битвой галерного флота, на смену которому пришли парусные суда, и что после этой битвы владычество Испании на морях уже стало ослабевать... Много об Испании мне еще предстояло узнать. Рано утром 23 августа 1936 года я вылетел из Москвы».

А. Родимцев: «Несколько раз обращался я к командованию с просьбой послать в Испанию. Ответа долго не было. И когда я уже было совсем решил, что не удастся поехать добровольцем, меня вызвали к комдиву Урицкому. Это было 11 сентября 1936 года... Девять часов

вечера. Подошла моя очередь. Встал со стула, мысленно повторил про себя: «Товарищ комдив, старший лейтенант Родимцев по вашему вызову прибыл». Волнуясь, открыл дверь кабинета. Человек в военной форме, с посеребренными висками и красными от бессонницы глазами поднялся из-за стола и подошел ко мне. Пожал руку, предложил сесть.

– Нам известно, – начал он, – что вы более трех лет командуете взводом в полковой школе. Мы согласны, Александр Ильич, удовлетворить вашу просьбу. Поедете в Испанию. Там позарез нужны пулеметчики. Довольны?

– Большое спасибо, – ответил я. – Оправдаю доверие.

– У вас жена и дочка?

– Так точно.

– Придется некоторое время им пожить одним. Будет трудно поможем. А вам даю сутки на сборы. Готовьтесь... Завтра в 12 часов приходите сюда. Переоденетесь в гражданскую одежду, получите паспорт и в 21 час с Белорусского вокзала отправитесь в путь.

– Мне надо сдать эскадрон, кое-какое полковое имущество, доложить командиру полка об отъезде. – Вам, товарищ Родимцев, ничего и никому не нужно сдавать и докладывать. И жене как можно меньше говорите. После отъезда мы сами сообщим в полк. С вас все спишут и назначат другого командира. Счастливо, – жмет мне руку Урицкий. – Пропуск отметите в приемной. До свидания».

А. Обручева (Старинова): «Шли дни. События в Испании широко освещались советской печатью. Я читала корреспонденцию Михаила Кольцова, поражаясь и мужеством испанцев, и отвагой автора. Внезапно ко мне на квартиру приходит незнакомая женщина. Представилась: «Урванцева». И предупредила, что все, о чем пойдет речь, я не должна разглашать. Вскоре она пригласила меня к себе на службу и попросила заполнить большую анкету. Урванцева внимательно прочла ее, ничего не сказала, но я уже догадалась, что это связано с возможной командировкой в Испанию. Через несколько дней она зашла ко мне и довольная сообщила: – Ну, вот и хорошо, что застала Вас дома. Собирайтесь, поедemте к товарищам, которые хотят с вами побеседовать. Это было так неожиданно, что я немного растерялась, но, глянув на полную, добродушную и улыбающуюся Урванцеву, успокоилась. Через полчаса я очутилась в большом учреждении, недалеко от моей квартиры. Разговаривал со мной высокий, статный, с крупными чертами лица и густой шевелюрой военный, как я потом узнала – Г.Л. Туманян. Перед ним лежала моя анкета. – Значит, Вы готовы выехать в длительную командировку? – спросил он и ласково, по-дружески посмотрел на меня. – Готова! – А дочь? – Устрою и дочь. Родные и друзья присмотрят! Недолго продолжалась наша беседа. Чувствовалось, что Гай Лазаревич уже многое обо мне знал, все было просто и ясно. Мы с ним тепло распрощались, и я поняла, что это не последняя встреча. Меня опять предупредили, чтобы я никому ничего не говорила. Прошло некоторое время, и я точно в назначенный час вновь была в кабинете Туманяна, где находился еще один человек. Нас познакомили, и я узнала, что меня назначают его переводчицей. – Надеюсь, довольны, товарищ Порохняк? – спросил незнакомца Гай Лазаревич. – Да, да... конечно, – как-то по-военному выпрямившись и избегая моих глаз, ответил тот. Глядя на своего будущего начальника [это был И. Г. Старинов. – Авт.], я еще не понимала, чем он будет заниматься в Испании. Порохняк был в новом, штатском костюме, и было заметно, что он его стесняется, – в нем угадывался военный. Это, видимо, заметил и Гай Лазаревич. – Вы теперь не военинженер 3-го ранга, – сказал он, – а гражданин... Александр Порохняк. Вскоре нас, вместе с другими отъезжающими в Испанию, принимал комкор – Семен Петрович Урицкий. Семен Петрович беседовал с нами с каким-то внутренним подъемом, предупреждал, что впереди много трудностей, опасностей, но мы должны обязательно оправдать оказанное нам высокое доверие. Он вспоминал о больших испытаниях, которые наш народ перенес в войне против белогвардейцев и иностранных интервентов в 1918–1920 годах. Заканчивая беседу,

Урицкий сказал: – Надеюсь, вы сделаете все, чтобы помочь испанскому народу защитить свободу и демократию в борьбе против фашистских мятежников и интервентов!

Переночевали в Варшаве, проехали через Чехословакию в Вену. На следующий день экспрессом прибыли в Париж. Нас встретили и помогли ознакомиться со столицей Франции. Вечером 22 ноября мы, наконец, выехали в Испанию»².

Плодотворным было и начавшееся при Урицком разведывательное сотрудничество с Чехословакией, ставшее возможным после подписания в Праге 16 мая 1935 года советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. Уже во время больших маневров Киевского военного округа (12–17 сентября) и после них (24 сентября) Семен Петрович несколько раз встречался по этому поводу со своим коллегой, начальником 2-го отдела Главного штаба чехословацкой армии полковником Шимоном Дргачом и с начальником Главного штаба генералом армии Людвигом Крейчи.

После посещения Праги в декабре 1935 года Артузовым соглашение о сотрудничестве было утверждено и в новом 1936 году перешло в практическую плоскость³.

С командой А. Х. Артузова, которую Сталин направил спасти Разведупр, у Урицкого явно не сложились отношения. Во всяком случае, Артур Христианович жаловался, что начальник Управления плохо к ним относится (в письме самому Урицкому 20 декабря 1936 года). И в качестве примера указывал на то, что Семен Петрович отстранил руководителей двух агентурных отделов Ф. Я. Карина и О. О. Штейнбрюка от обсуждения оперативных вопросов. Он писал: «Я думаю, что я привел в Разведупр неплохой народ. Ему не хватает военной школы, у него много недостатков, но он полезен для разведки». И в письме Сталину (17 января 1937) Артузов отмечал: «Урицкий верил и считался со мной и моими соображениями по агентурной работе. Но, однако, неправильно и придиричиво относился к разведчикам-чекистам, пришедшим из ИНО ОГПУ... У меня с Урицким не было разногласий, но он крайне ревниво относился к моим встречам с Ежовым». Причины таких взаимоотношений понятны, подробнее о них в предыдущем очерке.

Нужно при этом отметить, что Семён Петрович, проработал несколько лет в нелегальной разведке за границей, но большую часть жизни прослужил в войсках на строевых должностях. Возможно при всех своих способностях он не был столь профессионально подготовлен как это необходимо. Но и команда Артузова, как уже отмечалось, не вполне была готова к работе в военной разведке. Со временем все могло бы нормализоваться, но времени как раз у них и не было. К тому же, как мне видится, пришельцам из «соседнего» ведомства, несмотря на их статус, раскрыли далеко не все тайны Разведупра. Видимо поэтому Артузов докладывал по начальству, что в военной разведке дела обстоят весьма плохо, а в Германии вообще остался 1 агент. Интересно и примечание к этому документу, из которого становится ясно, что свой доклад Артур Христианович готовил главным образом на основании данных НКВД о Разведупре, а не сведений самого Управления. Наверное по этой же причине он стал ускоренными темпами создавать новые агентурные организации с помощью своих соратников из ИНО и молодых кадров, принятых на работу в РУ РККА.

«Загруженный до предела этой работой, Семён Петрович не замыкался в ней. Он изучал высшую математику, физику, астрономию. Владел французским и польским языками, знал немецкий. Досуг отдавал литературе. Он много писал, его рассказы печатались в журнале «30 дней» и других изданиях. Будучи в Германии в 1931–1932 годах, он задумал большой роман о германской военщине и написал его. Редактировал роман известный советский писатель Петр Павленко, с которым Семёна Петровича связывала тесная дружба. В кругу его близких знакомых были также Михаил Кольцов, комсомольские руководители Александр Косарев и Дмитрий Лукьянов, известный писатель Борис Лавренёв. Все они принимали живейшее участие в

его домашней сатирической газете. Даже И. Ф. Федько присылал для неё очерки с Дальнего Востока» – писал биограф С. П. Урицкого Ю. Геллер⁴.

9 июня Урицкий освобожден от руководства Управлением и назначен заместителем нового командующего войсками Московского военного округа, своего тезки маршала Буденного. Дела он сдал прибывшему из Испании Берзину.

В ночь на 1 ноября комкор Урицкий был арестован.

О методах и результатах следствия едва ли стоит говорить. Вспомним только один пример, приведенный на следствии в 1939 г. бывшим заместителем Ежова Михаилом Фриновским. «Урицкий отказался от показаний на Белова [командующий белорусским военным округом, командарм 1 ранга. – Авт.] при допросе его Ежовым. Не став с ним ни о чем разговаривать, Ежов ушел, а спустя несколько минут Урицкий через Николаева [Н. Г. Николаев-Журид, начальник Особого отдела ГУГБ НКВД. – Авт.] извинился перед Ежовым и говорил, что он «смалодушничал». Авторы совместной справки КПК при ЦК КПСС и КГБ СССР по «делу о военно-фашистском заговоре в Красной Армии», в которой приведены показания Фриновского, отмечают, «что в личной записной книжке Ежова, хранящейся в архиве ЦК КПСС, имеется пометка о необходимости избияния арестованного Урицкого»⁵.

Военная коллегия Верховного Суда СССР 1 августа 1938 года приговорила его к смертной казни. Семён Петрович Урицкий был расстрелян тем же вечером. Его реабилитировали 7 марта 1956-го.

Примечания

¹ Обертас И.Л. Командарм Федько. М., 1973. С. 68–70.

^{1a} РГАСПИ. Ф.124. Оп.1. Д.1975. Л.21.

² Они руководили ГРУ. М., 2005. С. 131–140.

³ Кочик В.Я. «Мы можем быть вам полезны...»: Разведки СССР и Чехословакии тесно сотрудничали между собой с середины 1930-х годов // Независимое военное обозрение. М., 2007. 23 марта

⁴ Красная звезда. М., 1965. 2 марта.

⁵ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып.2. С.52.

Часть вторая Разведчики и резиденты

Советские разведчики в жизни одной московской семьи: по следам давней публикации в журнале «Огонёк»

Карел Йозефович Смишек (1893–1968)

Много лет назад

1964 год был совершенно особым в истории советской военной разведки. В тот период (начало 1960-х годов) наконец-то появилась возможность, поначалу небольшая, рассказывать о деятельности «наших людей», которые вели разведку за рубежом. И первым из них стал, по-видимому, Рихард Зорге. Сначала в тот год на киноэкраны СССР вышел художественный фильм «Кто Вы д-р Зорге?» (Франция – Германия – Италия – Япония), снятый французским режиссером Ивом Чампи в 1961 г. по сценарию лично знавшего Зорге бывшего сотрудника германского посольства в Токио (1936–1939 гг.), а затем работника центрального аппарата МИД III Рейха Ганса-Отто Мейснера. Потом, в первых числах сентября, статьи о нем появились в главных газетах страны – «Правде» и «Известиях», положивших начало великому множеству публикаций о жизни и деятельности этого выдающегося разведчика в советской и российской периодике. Стали писать о руководителях военной разведки (Я. К. Берзине и С. П. Урицком), соратниках Рихарда Зорге в Китае и Японии, других военных разведчиках. И так по нарастающей вплоть до нынешнего дня. Зорге посвящены изданные в последние годы четырехтомный труд Михаила Алексеевича Алексеева: Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М., 2010; «Ваш Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае, 1930–1933 гг. М., 2010; «Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии, 1939–1941 гг. М., 2017. Кн.1,2.

Однако в некоторых статьях первой волны публикаций отсутствовали данные о принадлежности их героев к разведке, заслуги этих людей выражались тогда лишь общими словами. Среди них был и Карел Смишек.

7 ноября 1964 года Рихарду Зорге посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. А на следующий день вышел очередной номер журнала «Огонек» (№ 46) с небольшой статьей В. А. Журавского (корреспондента «Правды» в Чехословакии)¹. Там шла речь об участии Карела Йозефовича в Гражданской войне в Сибири, о том, что «по путевке Коминтерна, напечатанной на льняном полотне, он возвратился на родину», об участии его в Великой Отечественной войне. Вся жизнь Карела Йозефовича (или, согласно архивным документам, Карла Иосифовича) между последними двумя событиями, а это более 20 лет, уместилась на двух коротких строчках: «Годы, многие годы тяжелой и рискованной подпольной работы, где каждый день, каждый час грозил тюрьмой и смертью...». Статья сопровождалась небольшой фотографией Смишека.

Названный номер «Огонька» попал и в одну из московских семей, где на публикацию Василия Журавского обратила внимание Мария Сергеевна Козлова. Увидев пристайейный портрет, она узнала на нем своего бывшего мужа, которого знала под другим именем и фамилией и с которым уже 20 лет как потеряла связь. Мария Сергеевна подозвала свою дочь Любовь Анатольевну, показала ей журнальный снимок и сказала: «ЭТО ТВОЙ ОТЕЦ».

Кто такой Карел Смишек?

Сейчас уже стало возможно рассказать о нем, о его семье более подробно, в основном благодаря фондам и сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и воспоминаниям Ирины Анатольевны Бычковой, внучки Карела Йозефовича. В статье использованы также материалы Российского государственного военного архива (РГВА), сотрудники которого много лет помогали автору в работе.

Он родился 13 декабря 1893 года в г. Ныржаны, что близ Пльзени, в рабочей семье. Тогда Чехия еще входила в состав Австро-Венгерской империи. С 15 лет он работал на шахте «Роудный» у Бенешова, попутно окончив 5 классов народной школы при шахте и 3 класса средней школы в Вотице. Слесарничал на заводе Франтишека Кржижека в Праге, завершив при этом обучение в вечернем электротехникуме. С началом 1-й мировой войны он, как и многие другие граждане империи призывного возраста, был мобилизован в Австро-Венгерскую армию и

отправлен на Восточный фронт, но его участие в военных действиях не состоялось. Как сказано в упомянутой выше огоньковской статье «солдаты 28-го Пражского полка, в котором служил Карел Смишек, расстреляли немецких офицеров и в полном составе, организованно сдались в плен русским».

Из Галиции военнопленных чехословаков доставили в Сибирь. Два года (1915–1917) Карел Йозефович трудился в железнодорожной больнице в Омске и Боготоле, состоял в марксистском кружке, выполнял партийные поручения. Среди знакомых ему по тем временам представителей компартии Смишек особо выделял ссыльного смоленского большевика Смотрова, погибшего на фронте в годы гражданской войны. В июне 1917 г. Карел Йозефович по заданию партии вступил в чехословацкий легион. Новобранцев доставили на Украину в Барышевку, где Карла Йозефовича зачислили в 5-ю роту 8-го полка. Однако за революционную агитацию и отказ участвовать в наступлении, его приговорили в конце 1918 г. к тюремному заключению. После этого Смишека направили обратно в Сибирь, для прохождения службы в штрафной роте, откуда в начале января 1920 г. он сбежал в Иркутск. Спустя примерно два месяца его приняли кандидатом в члены РКП(б) и отправили на фронт в качестве бойца 1-го Интернационального полка Красной Армии, почти всю весну он воевал против «каппелевцев и семеновцев». ««Она, матушка Сибирь», – сказал корреспонденту «Правды» Карел Смишек, – и сделала меня человеком. Потому что там было тогда много прекрасных революционеров, большевиков».

Уже в июне Карла Йозефовича сняли с фронтовой работы и отправили на краткосрочные политические курсы чешской секции ИККИ в Омске, а затем на политические курсы ИККИ в Москве. В течение четырех месяцев этих курсантов готовили для политработы в Европе.

Тем временем военная разведка Страны Советов, родившаяся 5 ноября 1918 года, активизировала свою работу. Начальник Полевого штаба РВС Республики дал задание В.Х. Ауссему, начальнику Регистрационного управления, «организовать агентурную разведку в широком масштабе» (февраль 1920 г.), выходя за рамки сопредельных с Советской Россией стран. Необходимость глубокой разведки, как подчеркивал в свою очередь В.Х. Ауссем (апрель 1920 г.), «возрастает с каждым днем, так как предугадать всех возможных планов империалистических кругов нельзя, а что таковые будут строиться самыми различными способами, сомневаться не приходится и, в первую очередь, будет использована огромная численно русская эмиграция», что же касается получения информации «о планах и приготовлениях против нас делающихся за границей», то, как считал Ауссем, эта работа «значительно отличается от разведки в тылу белогвардейцев» и «требует от ведущих ее лиц большого политического кругозора, знания языков и местных условий...»². И Смишек видимо отвечал всем этим критериям.

Разведчик Страны Советов

С мандатом Коминтерна, выданным ему 22.10.1920 г., он вернулся на родину вместе с группой бывших военнопленных Австро-Венгерской армии по маршруту Москва – Ревель – Штеттин – Прага. Работать устроился на шахту в г. Вотице, где также выполнял обязанности секретаря партийной ячейки шахты, был профсоюзным деятелем. Через два с небольшим года Карел Йозефович переехал на жительство в Прагу (январь 1923 г.) и на многие годы его рабочим местом стали ВТМ (Военно-телеграфные мастерские – *Vojenské telegrafní dílny*). Несмотря на скромное название, этот завод был одним из ведущих предприятий военно-промышленного комплекса страны и располагался на территории пражского военного аэродрома Кбели. На заводе он по-прежнему выполнял различные партийные поручения, а «квартира его использовалась для явок болгарских партработников». Дело в том, что в стране находилось немало болгар, которые приехали в Чехословакию учиться. Некоторые из них оставались в ЧСР работать. Кроме того, там, как и во многих других странах Европы, находились так называемые

огородники – болгары, занимавшиеся сельским хозяйством. К тому же через Чехословакию проходил нелегальный партийный канал связи София – Прага – Москва.

Здание Военно-телеграфных мастерских на аэродроме Кбели (Прага)

Но уже вскоре ситуация изменилась, квалифицированный рабочий, радиотехник Карел Смишек «по решению партии с 1923 г. прекратил связь с партией», поскольку начал выполнять задания «по особой линии». В данном случае это означало, что он перешел в распоряжение чехословацкой резидентуры советской военной разведки (в тот период это Разведотдел, 1923–1924 – Разведуправление, 1924–1934 Штаба РККА). Как много лет спустя (30.03.1943 г.) отмечало руководство Компартии Чехословакии, «он выполнял в течение 10 лет свою работу с сознанием долга»³. ВТМ, где Карел Йозефович трудился, официально открыты были в мае 1923 г., т. е. он вошел в состав первого набора рабочей силы для этого предприятия, которое, как говорят, с самого начала успешно справлялось с поставленными перед ним задачами по разработке и производству технических средств радио-, телеграфной и телефонной связи для чехословацкой армии. В составе ВТМ помимо производственных подразделений находились также – конструкторское бюро и экспериментальные мастерские. Некоторые из изделий ВТМ (в том числе окопная рация ТРД I) успешно прошли проверку в том же году на первых больших армейских маневрах. В дальнейшем это предприятие развивалось, увеличивалась номенклатура выпускаемых им изделий, объемы производства, повышалось качество созданной на заводе аппаратуры, оборудования и производимой на нем же продукции.

И Карел Смишек не был одинок на этом своем новом посту.

Резидентуры «Марта» и «Шварца»

Кем были его руководители и соратники в течение первых семи лет достоверно не известно. Возможно среди них находились и чехословацкие резиденты советской военной разведки А.Г. Ганзен, С.В. Жбиковский, Л.А. Борович, Х. Боев, были, наверное, и другие люди. Так, например, в конце 1920-х годов резидентуру в Праге возглавлял разведчик, работавший под оперативным псевдонимом «Олег». Вместе с тем можно считать установленным, что в 1930-м Карела Йозефовича передали на связь чехословацкому резиденту Разведуправления Штаба РККА Ивану Крекманову («Шварц», «Ян»), приступившего к работе в 1929 г., имея

на руках нидерландский паспорт на имя Георга Майермана. Начальником «Шварца» являлся главный резидент Разведупра Иван Винаров («Март»), штаб-квартира которого находилась в столице Австрии – Вене (7-й район, ул. Штумпергасе, дом № 45). Одним из основных направлений деятельности главной резидентуры (как и ее чехословацкого подразделения) являлась военно-техническая разведка.

«Скоро у нас сформировались две группы, – вспоминал Крекманов. – В первую входили инженер Лудвиг Лацина, заведующий отделом патентов дирекции заводов «Шкода» в Праге, инженер Камил Китрих, офицер запаса, инженер Марин Калбуров с завода «Колбен-Данек». Во вторую группу, за которую отвечал Стефан Буюклиев, входили Ян Досталек, конструктор военной фабрики в Праге, Ярмила, копировальщица военного завода в Пльзене, и Иван Тевекелиев, студент, служивший для связи с военными заводами «Збройовка» в Брно... С помощью моего старого знакомого Маринковича, секретаря югославских коммунистов в Праге, к работе было привлечено и несколько югославских студентов – Драгутин Чолич для явки, медичка Боца для технической связи и семья Владко Беговича – как связные»; помогали и местные коммунисты, с их генсексом Готвальдом Крекманов несколько раз встречался. От Китриха поступали секретные военные приказы, чертежи и схемы, сведения о французской агентуре в Чехословакии, а после военных сборов он, по словам Крекманова, передал Марии Абаджиевой «целую тетрадь с ценной информацией, в том числе и чертежи новой ручной гранаты, которая, как я узнал позднее, вызвала большие споры среди наших специалистов». Калбуров добыл чертежи легкого пулемета «Брен», выпускавшегося в Брно по английской лицензии, нового противогаза, изготовлявшегося в городе Страконице пистолета «Збройовка», сведения о винтовках и пулеметах производства заводов «Динамит-Нобель» в Братиславе и т. п. Копировальщица пльзенского завода снимала «по одному экземпляру с каждого чертежа оружия, которое должно было поступить в производство. Первый из них – чертеж 75-мм гаубицы – ее отец перевез в своем деревянном протезе и доставил на явочную квартиру Франтишека Кадлеца»⁴. Вся собранная информация переправлялась в Вену на явку в квартире австрийского коммуниста Петера Шталя. Связь с ним поддерживали секретарь болгарских коммунистов в Вене Минчо Маринов [здесь видимо имелся в виду секретарь венской партийной группы содействия БКП Тома Маринов] и югославская студентка-медик Николич.

Партийные группы содействия (ПГС) стали создаваться Болгарской компартией в конце 1920-х по поручению Георгия Димитрова «в связи с угрозой военного похода против СССР» и «в случае необходимости они должны были действовать в тылу агрессора с оружием в руках». ПГС находились тогда в целом ряде европейских стран. В ожидании боевых действий они оказывали помощь и своей партии, и советской разведке.

Особо Крекманов отметил работу радиомеханика и радиоконструктора Яна Досталека. На предприятиях чехословацкой военной промышленности он работал с 1921 г. и, в конце концов, обосновался на заводе в Кбелях, там же где трудился и Карел Йозефович. Для армии ЧСР Досталек сконструировал на ВТМ радиостанцию, производство которой началось в 1931 г. Три комплекта своей рации он собрал нелегально и передал советским разведчикам, первая из них успешно была испытана в Бадене, что недалеко от Вены. Перевезти через границу удалось и вторую рацию. Но третья была обнаружена на таможне, и вскоре чехословацкая контрразведка вышла на след конструктора. Досталек был арестован в марте 1932 г. и на допросах с пристрастием никого не выдал, пять лет провел в заключении. Погиб в период нацистской оккупации.

Но Винаров и Крекманов в своих воспоминаниях назвали, конечно, далеко не всех своих соратников в европейских странах. Ни тот, ни другой не упомянули, например, Карела Смишека, хотя Винаров и говорил о нем в одном из своих интервью в Чехословакии. В операции по приобретению и вывозу в Советский Союз технической документации на новые виды оружия, изготовлявшегося на предприятиях ЧСР по заказам и лицензиям западных фирм, принимал участие чех Йозеф Бейдо (1927–1931), продавец, грузчик, агент частных фирм в Моравской

Острове, «надежный и преданный член партии». Его и Карела Смишека пути-дороги пересекутся позднее в СССР.

Чехословацкие провалы 1932–1933 гг. Смишека не затронули. Он был отозван из Праги в апреле 1933-го «после провала, не по его вине, выехал в СССР» и благополучно добрался до Москвы. Полиция ЧСР узнала о нем гораздо позже. Лишь 8 февраля 1934 г. он был объявлен в розыск полицейским управлением чехословацкой столицы.

Радиотехник Разведупра

В Москве он отчитался о проделанной за десять лет работе и получил новое имя. В центральном аппарате РУ Штаба РККА появился сотрудник, которого звали Анатолий Михайлович Толлер. Он проработал там по своей специальности чуть более пяти лет, был сотрудником технических подразделений Управления, в частности, радиотехником, потом старшим радиотехником НИИ по технике связи, созданного в январе 1935 г. После введения в РККА персональных воинских званий он стал военным техником 2-го ранга (24.01.1936), т. е. лейтенантом. С того же года он – советский гражданин.

А тем временем ситуация в Разведупре складывалась не простая. В 1934 г. свой доклад о ситуации в военной разведке направил И.В. Сталину глава ОГПУ Генрих Ягода. О провалах в своем ведомстве (в ИНО ОГПУ) он даже не упомянул. На основании его доноса только на первом этапе из РУ было уволено более четырехсот человек. И в результате – все предвоенные годы в органах советской военной разведки существовал большой или меньший некомплект кадров. О деятельности А. Х. Артузова в РУ мы уже говорили.

При С. П. Урицком, который сменил Я.К. Берзина, старшего радиотехника НИИ по технике связи при РУ А. М. Толлера (Смишека) зачислили в январе 1937 г. в распоряжение военной разведки «для использования на специальной работе»⁵, и в 1937–1938 гг. он, видимо, находился за рубежом. А когда и.о. начальника РУ стал С. Г. Гендин его уволили из разведки (24.06.1938 г.), но сделали это по наиболее мягкой статье «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА» (№ 43а) – «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией».

Семья

Еще в 1920 г. Карел Йозефович женился на Альбине Шимек, с которой служил в 1-м Интернациональном полку, а позднее занимался в Москве на курсах «для подготовки на запад». Судя по всему, в Чехословакию она с ним не попала и контакт между ними был потерян. Вернувшись в Москву, Смишек познакомился через некоторое время в Подмосковье с Марией Козловой, которая работала администратором в доме отдыха Коминтерна (хотя есть основания предполагать, что за этой вывеской могла скрываться мастерская или цех ИККИ по разработке и производству радиоаппаратуры). Они стали жить вместе в столице, снимая там комнату на Зубовском бульваре.

Жена его имела всего 4 класса образования, но была весьма дельным человеком и стала хорошей матерью. Успешно освоила несколько профессий, в том числе маникюрши, трудилась в одном из престижных московских салонов красоты. Но главным делом ее жизни стала административная работа. Из всех языков, кроме русского, она знала только тайный – язык коробейников. И общалась на нем со знакомыми, когда тема разговора не была предназначена для детских ушей.

В 1935 г. у Марии и Карела родилась дочь, которую они называли Любой. И все шло хорошо, пока однажды Карел Йозефович, придя с работы, не сообщил Марии Сергеевне, что к нему из ЧСР приехала его законная супруга. Не раздумывая долго, она указала ему на дверь. Впрочем, отношения между ними остались дружескими. Время от времени Смишек заходил

к ним и один и с чехословацкой супругой. Та была по профессии белошвейкой и часто дарила бывшей семье мужа постельное и детское белье собственного изготовления.

Через некоторое время Мария Сергеевна познакомилась с Вильгельмом Бюргелем, младшим коллегой Смишека по военной разведке. Немец Вилли, родившийся в 1901 г., окончил 8 классов средней школы, работал на фабрике в Австрии (1915–1921), был моряком дальнего плавания на германских торговых судах (1923–1931), состоял членом компартий Австрии и Германии, выполнял ответственную партийную работу. Советским разведчиком стал в 1932 г. Пройдя восьмимесячное обучение радиоделу в Москве, работал полтора года в Китае, затем – радио-инструктор в центральном аппарате Разведупра. У них родился сын – Рудольф. Перед самой войной Вилли Бюргель был необоснованно репрессирован и умер в ИТЛ в 1942 г. Реабилитировали его спустя пятнадцать лет после смерти. Рудольф Вильгельмович долгие годы жил вместе с матерью, потом была женитьба, развод, впоследствии переезд на жительство в дальнее Подмосковье, где его следы и затерялись.

Работа в таксопарке

Покинув, не по своей воле, Разведупр, Карел Смишек устроился на работу в 13-м московском таксомоторном парке, где его назначили бригадиром. Под его руководством оказался там и уволенный из Коминтерна, вышеупомянутый Йозеф Бейдо, ставший в Советском Союзе Иосифом Францевичем Байером. Окончив в Москве спецрадиошколу (1931–1932) он работал по линии ОМС – Службы связи ИККИ во Владивостоке, Алма-Ате, Ленинграде и Москве. Радистом он остался и в таксопарке. Карел Йозефович проработал в 13-м ТМП 2,5 года (январь 1939 – июль 1941). Несколько больше в «13-м» трудился Йозеф Бейдо.

Самыми распространенными автомобилями – такси, как гласит история, были в то время в Москве «Эмка» (М-1) Горьковского автозавода им. В.М. Молотова и «ЗИС-101» Московского автозавода им. И.В. Сталина. И ездили они не только по городским маршрутам, но были у них и загородные направления. Помимо обычных пассажиров, такси использовал тогда, в качестве служебного транспорта, ряд государственных учреждений, в том числе и Наркомат обороны СССР. Как повседневный транспорт такси арендовали для себя многие заслуженные москвичи и гости столицы.

Сотрудник НКВД и НИИ-100

В самом начале Великой Отечественной войны про Карела Смишека вспомнили в НКВД СССР. Возможно, его имя как радиоспециалиста назвал бывший главный резидент в Австрии Иван Винаров, который и сам уже работал в этой системе. В июле 1941 г. Карел Йозефович был командирован от этого ведомства на юг страны и пробыл там до сентября. Вполне вероятно, что он принимал участие в подготовке десантных групп, которые в конце лета были высажены в Болгарии и известны в истории как «подводники» и «парашютисты». Ведь среди руководителей их обучения был и Винаров. А Бейдо-Байер стал радистом одного из этих отрядов. В дальнейшем (до августа 1943 г.) Смишек служил радио-инструктором в органах того же наркомата, где занимался подготовкой кадров радистов для работы в тылу врага. В служебной характеристике указанного времени, с которой автору удалось познакомиться, его деятельность оценивалась положительно (30.12.1942 г.): «Тов. Сцинда подчеркивает, что знает т. Толлера только с положительной стороны по работе в системе НКВД». Густав Сцинда – немецкий коммунист, позднее отправленный из Москвы в советский партизанский отряд для выполнения особых заданий.

Вскоре встал вопрос об отправке в тыл противника и Карела Смишека. В связи с этим руководство Компартии Чехословакии дало ему такую оценку (30.03.1943 г.): «Он многие годы был изолирован от партии, но его специальная нелегальная работа, которую он продолжительное время выполнял, является гарантией его надежности». И в августе того же года его

направили на учебу в спецшколу НИИ-100 при ЦК ВКП(б). НИИ-100 это одно из нескольких учреждений возникших в результате ликвидации Исполкома Коминтерна и заменивших его. Восьмимесячная подготовка успешно завершилась в апреле 1944 г. И на последнем ее этапе школьное начальство доложило по инстанции, что Карел Йозефович «к работе относится очень добросовестно и с интересом», а также «может самостоятельно изготовить и наладить аппаратуру».

Несколько месяцев он проработал в Москве в аппарате ЦК Компартии Чехословакии и в сентябре получил приказ десантироваться на базу одного из партизанских отрядов в Чехословакии, где в это время началось Словацкое национальное восстание. По начальству он доложил: «Все сообщения буду подписывать кличкой Смотров» (21.09.1944 г.), т. е. фамилий того ссыльного большевика, с которым судьба свела его в Сибири.

Перед отправкой Смишек забежал домой к Марии Сергеевне, попрощался с ней и с дочерью Любой, которая в это время гуляла во дворе. Больше они его не видели и не имели от него вестей. Ранее, в начале войны, спасаясь от налетов немецкой авиации на Москву, мать, дочь и сын эвакуировались из столицы в родные места Марии Сергеевны – деревню Большие Бугры Елецкого района, там, на короткое время, они оказались в оккупации, но вскоре были освобождены наступающей Красной Армией. Однако деревню немцы успели спалить, правда, предварительно выгнав из нее всех жителей. Через некоторое время после освобождения им удалось вернуться домой в Москву, где их и застал Карел Йозефович.

Прибыв на предназначенное ему место, он, в качестве радиста, работал с одним из лидеров КПЧ Яном Швермой, погибшим в бою с нацистами в ноябре 1944 г. Словацкое национальное восстание, в разнородном руководстве которого не было единства, разгромлено гитлеровцами в октябре. Однако на партизанское движение это особо не повлияло. Партизаны продолжали успешно действовать против врага и активно участвовали в освобождении страны. Потери вермахта в ходе восстания были значительными: 10350 военнослужащих убито, уничтожены 100 орудий и миномётов, 2 бронепоезда, 30 броневиков и бронемашин, свыше 1000 автомашин.

Послевоенное время

Когда наступило мирное время, партия направила Карела Смишека на работу в Министерство внутренних дел Чехословакии. Поначалу он был сотрудником МВД, потом помощником министра. Многие годы (1948–1961 гг.) возглавлял оперативно-технические подразделения в центральном аппарате Госбезопасности страны. В рамках своей компетенции он успешно обеспечивал деятельность всей системы ГБ, в том числе и внешней разведки. Несомненно, в этом ему помог десятилетний опыт работы на ВТМ в Праге и пятилетний – в НИИ по технике связи РУ Штаба РККА – РУ РККА.

Вместе с тем около трех лет (1945–1948 гг.) он был единственным радистом нелегальной партийной радиостанции, которая три раза в неделю поддерживала связь руководства КПЧ с Москвой. Материалы для сеанса связи ему доставлял специальный курьер. Некоторое время работа этой радиостанции продолжалась и после прихода к власти в ЧСР коммунистов (февраль 1948).

Надо заметить, что в чехословацком МВД в те годы трудился и хорошо знакомый ему Йозеф Бейдо-Байер.

После выхода на пенсию в 1961 году Карел Смишек не остался в стороне от своего ведомства, он участвовал, например, в подготовке молодых специалистов Корпуса национальной безопасности.

За свою многолетнюю деятельность он был награжден советскими орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «За отвагу»; чехословацкими орденами и медалями.

Генерал-майор Карел Йозефович Смишек умер 25 февраля 1968 года⁶.

В поисках родных.

Неизвестность вокруг чехословацкого мужа Марии Сергеевны негативно влияла на судьбу дочери, поскольку некоторые чиновники предполагали, что за всем этим, на самом деле, кроется какая-то темная история. Поэтому Мария Сергеевна попыталась что-то узнать о судьбе своего первого мужа и послала запрос в Министерство обороны СССР. На него ответил начальник Управления кадров ГРУ генерал-майор И. М. Смоликов (21.05.1959). В небольшой справке он сообщил, что Толлер Анатолий Михайлович был сотрудником МО СССР, в звании военного техника 2-го ранга, с IV 1932 г. по VI 1939 г., когда был уволен в запас. Никаких подробностей, необходимых для розыска, там не было.

В то время, когда появилась упомянутая заметка в «Огоньке», Мария Сергеевна была администратором в знаменитом Театре-студии киноактера на ул. Воровского. Любовь Анатольевна, окончившая Станкостроительный техникум, работала в Госстандарте, была замужем за Анатолием Даниловичем Мишедченко, который стал крупным специалистом по подземным сооружениям, автором и соавтором целого ряда изобретений в этой области. Именно он настоял на том, чтобы жена попробовала все же найти своего отца. Через знакомых семья Козловых вышла на журналиста – международного, который взялся передать Смишеку письмо от дочери и ее фотографию на одной из международных коммунистических конференций в Чехословакии. И поручение он исполнил в точности, Карел Йозефович письмо взял, но реакции от него на послание дочери никакой не последовало, ни тогда, ни впоследствии.

Однако после его смерти с семьей Козловых – Мишедченко связалась последняя жена Карела Смишека – Кветослава Смишкова-Яноушкова, обнаружившая то письмо и снимок при разборе домашнего архива мужа. Она же приняла активное участие в том, чтобы московские родственники получили некоторую часть наследства генерал-майора Карела Смишека. Благодаря и ее усилиям их родственные связи были подтверждены юридически. Состоялось знакомство и с другими членами этой большой семьи.

Примечания

¹ Журавский В.А. Дорога длиною в полвека // Огонёк. М., 1964. № 46. С.10.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.109. Д.64. Л.19, 19об.

³ РГАСПИ. Ф.495. Оп.272. Д.2609. Л.7, 7об.

⁴ Крекманов И. Радиостанция «Ян Досталек» // Огни Болгарии. София, 1969. № 5.

⁵ РГВА. Ф.37837. Оп.16. Д.74. Л.180.

⁶ Rude pravo. Praha, 1968. 27 února.

«Человек он крепкий... промаху не даст»: советский разведчик и коммерсант Артур Сташевский

После окончания гражданской войны в Советской России подводились ее итоги и награждались наиболее заслуженные командиры и бойцы Красной Армии. 13 июля 1922 года на заседании Президиума ВЦИК было принято решение: «Наградить тов. Артура Гиршфельда (Верховского) орденом Красного Знамени» (высшей в то время наградой Страны Советов) «за заслуги на агентурной работе». В постановлении ВЦИК и соответствующем секретном приказе РВС Республики по личному составу армии (№ 160 от 22.07.1922 г.) были указаны настоящие имя и фамилия, а также и один из псевдонимов интересующего нас командира РККА, но наиболее известен этот человек под фамилией СТАШЕВСКИЙ. С тех пор он числится среди первых краснознаменцев советской военной разведки. Тогда же он был награжден и знаком «Почетный чекист».

Артур Карлович Гиршфельд родился 24 декабря 1890 г. в Митаве Курляндской губернии (ныне г. Елгава в Латвии) в семье мелкого торговца – еврея, т. е. по меркам первых лет советской власти – в «мещанской», «мелкобуржуазной» семье. Из-за смерти отца с полутора лет воспитывался у дяди в Либаве (Лиенае), окончил там народную школу (а впоследствии экстерном и 4 класса гимназии). Только в 11 лет вернулся к матери, тогда уже жившей в польском городе Лодзь. Главными кормильцами этой большой семьи («9 душ детей») были старшие сестры Артура – учительницы. Через них и брата он познакомился с революционными идеями, поскольку его родные принимали участие в деятельности «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы» (СДКПиЛ). Он и сам примкнул к работе этой партии (1905) и в том же году в первый раз был арестован, но в заключении его держали только неделю.

Покинув тюрьму, Артур стал работать счетоводом в одной из лодзинских контор и выполнять технические поручения партии (СДКПиЛ), в ряды которой вступил в 1906 г. В пору борьбы с «народовцами» (НДП – польская «Народово-демократическая партия»), входил в состав партийной милиции, противостоящей террору боевых отрядов НДП (1906). Вернулся в Либаву (1907), некоторое время состоял в местной военно-революционной организации, «оказывал технические услуги» (1907–1908). Выдан провокатором (кронштадтским матросом Байковым) и посажен в Либавскую тюрьму. Но через 6 месяцев ему удалось выйти под залог до суда. Воспользовавшись такой возможностью, Артур уехал из России за границу (1909) и стал политэмигрантом.

Как писал сам Сташевский, в СДКПиЛ он состоял до 1912 г., но конкретно о своей партийной работе в эмиграции (в доступных мне документах) не упоминал. Сначала он работал простым красильщиком (1909–1911), потом техником (1911–1913) на фабрике по окраске мехов в Париже. Потом переехал в Лондон, где работал техником-красильщиком на местной красильной фабрике (1913–1917).

В Россию он вернулся после революции, в ноябре 1917 г. Здесь некоторое время работал на красильне, потом был слушателем Лефортовской школы красных командиров (май 1918 – январь 1919), после окончания школы выполнял задания «Временного революционного рабочего правительства Литвы» (председатель В. Мицкявичюс-Капсукас), работал в тылу немецких войск в Двинске, Вильно, Ковно, где был арестован немцами, а потом выслан на другую сторону демаркационной линии, был также начальником партизанского отряда, сформированного им из немцев – перебежчиков и военнопленных. «Работал я тогда под фамилией Верховский, принимал участие в ряде боев под Жослями, где и был ранен. Принимал также участие в боях под Вильно, за что был награжден Ревсоветом Запфронта золот. часами. Отряд при отступлении из Вильно в непрерывных стычках и боях потерял убитыми и ранеными большую часть

состава» – из автобиографии¹. Вскоре Артура Верховского назначили на новую должность – военного комиссара бригады только что сформированной 4-й стрелковой (бывшей Литовской) дивизии (июнь 1919), чуть позже он стал комиссаром той же дивизии (июль – октябрь 1919).

С фронта Артура Карловича вызвали в штаб Западного фронта (ЗФ), где он занял пост начальника агентурного отделения политотдела фронтового РВС (ноябрь 1919 – апрель 1920), задача отделения – «разложение противника в виде широчайшего распространения в его рядах агитационной литературы», а также «политическая информация о противнике и контроль над всякими сношениями с ним». Одновременно он был заведующим «агентурным аппаратом» И. С. Уншлихта – уполномоченного Регистрационного управления Полевого штаба РВС Республики по разведке в Польше и к тому же члена РВС ЗФ². Кроме того, Верховский заведовал Агентурным отделом Региструпра штаба. По рекомендации Уншлихта, от которого Л. Троцкий требовал усилить разведку против сопредельного государства, Артура Карловича назначили начальником разведки штаба фронта (апрель – декабрь 1920).

Еще в декабре 1919 г., выступая перед участниками совещания в Региструпре в Москве начальник Полевого штаба П. П. Лебедев на примере Польши очертил круг задач, которые должна решать агентурная разведка на разных уровнях: «Разведка разделяется на войсковую и агентурную. Грань эта в центре здесь проходит довольно резко, но на местах сравнительно более ступеневывается. Цели агентурной разведки дать Оперативным Органам нужные сведения о военной мощи, ресурсах, политическо-экономических фактах и т. д., и намерениях той или иной страны, например, ПОЛЬШИ. В частности о Польше важно знать: 1) военную политику в отношении Советской России, 2) к белым правительствам (Деникина, Юденича), 3) к Германии, Чехословакии и т. д., 4) из кого состоит армия, роды войск по оружию, полевых запасных и т. д. частей, 5) его ресурсы в людях и т. д., как проходят мобилизации, система пополнения, призванные уже возраста, меры вербовки добровольцев, 6) группировку сил по театру военной линии и внутри страны. В этом смысле особенно важно наблюдение за переброской войск, особенно с одного фронта на другой»³.

Когда Верховский принял дела Регистротдела «Штазапа», то оказалось что у Отдела в наличии только два действующих резидента, а большинство «ходоков на Польшу» не поляки. К тому же «дивизионные и армейские аппараты поставлены весьма плохо» (из доклада И. С. Уншлихта, 06.06.1920). Пришлось срочно принимать меры. В отчетном документе, направленном комиссару ПШ РВСР Д. И. Курскому за подписью И. С. Уншлихта и А. К. Верховского, докладывалось о том, как строилась разведка против Польши на Западном фронте уже в январе месяце 1920-го. «Общее число высланных агентов достигает 8; резиденции разбиты по следующим участкам: 1 резидент – Варшава с наблюдением на станциях в Молодечно, Седлец, Ивангород и Кельцы. 1 резидент исключительно на Варшаву. 2 резидента – Вильно, узловые станции – Кошечары, Свенцяны, Молодечно, Барановичи, Лида и Гродно. 3 – Ново-Свенцяны. 1 – Минск, район Молодечно, Лида, Барановичи, Борисов, Бобруйск и Вильно».

В Польшу были отправлены:

«1) Мариановский, коммунист, красный офицер, преданный делу, хорошо ориентирующийся в военных вопросах. В конспиративной работе он новичок и по характеру – боевой солдат. Это составляет его недостаток, как агента, но благодаря своей преданности и понятливости много обещает.

Мариановский назначен резидентом с местом резиденции в гор. Ново-Свенцянах. Порученный район – Вильно, Молодечно, Полоцк, Двинск, Свенцяны. Задания: общие задачи – освещать политическую и экономическую жизнь Литвы и Белоруссии, производить наблюдения за вышеуказанными железнодорожными узлами, взять под учет и сообщать о всех резервных, запасных и формирующихся частях, переброска войск и пр.

Специальные задачи: наблюдать за ходом формирования белорусско-литовской армии, организовать присылку газет, брошюр и разной литературы, по возможности один раз в неделю.

Первых сведений ожидать к 15-му февраля.

Мариановский выехал 11-го января.

(...)

2) Генрих, коммунист с партийным стажем, нелегальный работник Виленской организации, по образованию др. философии, с большой инициативой и большими связями, знающий хорошо условия жизни в Литве и Белоруссии. Назначен резидентом с местом резиденции в гор. Минске. Порученный район: Молодечно, Лида, Барановичи, Борисов, Бобруйск, Вильно. Общие задачи: как [можно] выше, с особенным ударением на политические вопросы, в которых он хорошо ориентируется. Специальные задачи: следить за организацией Литовско-Белорусской Армии, организовать регулярную доставку газет 2 раза в неделю, раздобыть фотографии и фамилии жандармов – провокаторов, связаться с школой краевой разведки, раздобыть всяческие военные приказы

Сведения ожидать к 15-му февраля.

Генрих выбыл 11-го января, денег получил николаевскими 30.000 р.

3) Розин, беспартийный сочувствующий коммунистам. Он способный и знает хорошо местные условия, но к самостоятельной работе не пригоден. Отправлен в распоряжение Генриха, по желанию последнего, инструктирован относительно общих задач агента. Специальных заданий не дано. Уехал 21-го января. Денег получил на дорогу николаевскими 5.000.

4) Гомруль – беспартийный, еврей, сочувствующий коммунистам, интеллигентный и поворотливый. Знает хорошо местные условия и имеет практику агентурной работы (работал в Витебском пункте Региструпа). Производит впечатление немного деморализованного этой работой, но при умелом использовании его может дать хорошие сведения. Назначен резидентом с местом резиденции в гор. Вильне. Порученный район: Кошедары, Гродно, Лида, Барановичи, Молодечно, Свенцяны. Задачи: общего характера – политические, экономические и военные. Специальные задания: взаимоотношения Польши с Литвой и Белоруссией и раздобытие во что бы то ни стало – приказов из Штаба Фронта Шептицкого, указывающих на намерения польского командования, организацию и состав лит-белорусского фронта и вновь формируемых частей, документы, освещающие организацию секции дефензива и ее тактику. Выяснение тыловых частей и их настроения.

Требование главным образом документальных данных от Гомруля объясняется необходимостью контролировать его. Курьеров посылать один раз в неделю, ходоков – один раз в две недели.

Первых сведений ожидать к 20-му февраля. Уехал 22-го января. Денег получил николаевскими 15.000.

5) Ясинский, молодой коммунист, поляк, преданный делу, из рабочей среды, интеллигентный, ловкий. Конспиративно не работал, но наверно скоро приспособится к этой работе. Назначен резидентом с местом резиденции в гор. Варшаве. Поручено ему наблюдение только за Варшавой. Общие задачи: политического, экономического и военного характера. Специальные задания – завязать сношения с Генеральным Штабом и с главным интендантским управлением для подробного выяснения организации и состава польской армии, намерения командования, снабжения армии и пополнения ее. Наблюдать за политической жизнью партий и дипломатическими отношениями. Курьеры – раз в неделю, ходоки – один раз в две недели.

Первых сведений ожидать к 1-му марта. Выезжает 29-го с.м., денег получил – николаевскими 20.000 рублей.

6) Максим – коммунист, немец, уроженец Ковны, развитой и поворотливый, имеет большую практику в агентурной работе (работал в Витебском пункте Региструпа). Говорит на рус-

ском, польском, немецком и литовском языках. Посылается в качестве ходока для обследования пунктов: Полоцк, Лида, Барановичи, Лунинец, Сарны, Ровно. Обратный путь Барановичи, Минск, Борисов. Задачи: выяснение всех формирующихся запасных и резервных частей. Всестороннее освещение их состояния и состава. Выяснение организации и состава галлеровских войск. Выяснение организации и всестороннее освещение состояния войск группы полковника Сикорского.

Ожидать возвращения 10–15 марта. Выехал 28-го января, на дорогу получил николаевскими 15.000».

В завершение раздела Уншлихт коротко доложил об уровне специальной подготовки своих людей: «Каждый из посылаемых агентов был подробно инструктирован относительно задач разведки, характера, которые должны носить собираемые сведения, способа собирания сведений, пересылки их, конспирации и принципов организации армии».

Добыча информации помимо направления агентуры в Польшу проводилось Уншлихтом также по следующим направлениям:

– Опрос приезжающих. «Относительно приезжающих из Польши, Литвы и Белоруссии партийных товарищей и заслуживающих доверия жителей, мы вошли в соглашение с Ц.К. Литбел [ЦК Компартии Литвы и Белоруссии, существовавшей с марта 1919-го по сентябрь 1920-го], по которому все приезжающие из-за демаркационной линии, присылаются к нам для опроса по военным, политическим и экономическим вопросам. Таких опросов сделано было несколько и в отдельных случаях получили довольно интересные сведения, подтверждающие данные других источников. Особотдел присылает нам всех задержанных при переходе демарклинии. Дабы на будущее время получать таким путем более интересные и нужные нам сведения, все возвращающиеся за демарклинию и посылаемые туда работники получают от нас общие инструкции, благодаря которым они могут, не занимаясь специально агентурой, собирать по пути такие сведения. Таким же образом мы используем отдельных лиц, приезжающих в другие учреждения, как, например, в Особый Отдел».

– Использование торговых агентов. «Кроме того, в последнее время мы связались с Заведывающим Западного областного компленбежа, товарищем заслуживающим безусловного доверия, по вопросу об использовании для целей агентуры приезжающих и уезжающих за демарклинию торговых агентов. Использованы они будут таким образом:

1) Путем опроса приезжающих по общим политическим, военным и экономическим вопросам.

2) Для привоза газет, журналов и проч. литературы.

3) Заслуживающим некоторого доверия и обладающим связями на той стороне людям будут даваться определенные задания по выяснению расположения сил противника, войсковой организации, доставке приказов, директив и проч. Таким образом, мы, не принимая никаких обязательств по отношению к торговым агентам, которым нужно только содействие при переходе, можем получить в отдельных случаях хорошие сведения благодаря их связям и сметливости. Для этой цели при Отделении Пленбежа в Орше будет поставлен наш человек, на обязанности которого будет лежать опрос торговых агентов, сортировка и передача им наших поручений».

– Обзор зарубежной прессы. «Нами получают газеты, доставляемые в ЦК Литбел, фронтовую и армейскую разведку, политотдел и активную разведку [разведывательно-диверсионную службу]. Газеты эти приходят обыкновенно с опозданиями: варшавские – на 10 дней, прифронтовые (минские и бобруйские) – на 5 дней. По мере доставки по возможности ежедневно делается нами обзор прессы и важнейшие сведения посылаются в форме бюллетеней в Региструп. До сих пор послано 25 бюллетеней. Самые важные сведения посылаются немедленно по телеграфу. По мере накопления материалов и полученных сведений составляются доклады о политическом, экономическом и военном положении Польши. Такие доклады мы

сделали до сих пор два, один за декабрь месяц, а другой за начало января с дополнительными сведениями за декабрь»⁴.

Надо заметить, что тогда сотрудники Регистрационного отдела штаба Западного фронта работали, согласно архивным документам, по 11–20 часов в сутки. Они жаловались на недостаток денежных средств для работы, в том числе и зарубежной, на плохой паек и неаккуратную выдачу его.

Положение с разведкой улучшалось, но немедленно дать существенные результаты она не могла. Тем более, учитывая уровень подготовки имеющихся кадров (да и тех не хватало), а также и недостаточность финансирования разведывательной деятельности, имевшая место несогласованность действий различных подразделений военной разведки между собой и с другими военными, чекистскими и гражданскими организациями, параллелизм в работе, трудности связи. Все это сказывалось на войсковых операциях фронта, на ходе советско-польской войны 1920 г. При том некоторые начальники и командиры полагали, что для разведки вполне достаточно одной лишь преданности делу, а другие считали, что штабная работа вообще и разведка, в частности, не нужны. Как говорил один из известных командиров гражданской войны: «Весь штаб у меня в кармане». Когда подводились итоги гражданской войны, отмечалась, что многие партизанские командиры не признавали разведку, считая, что она не уменьшит сил противника.

Но отступать было некуда, приходилось работать с имеющимися кадрами и имеющимися средствами, постепенно развивая дело разведки. Негодные люди отсеивались, имеющие задатки для этой деятельности и желание работать приобретали в период гражданской войны опыт в органах разведки и контрразведки, на подпольной военной и партийной работе. Многие из них стали первыми, кто закрепился в составе Разведупра, обеспечивая его кадровую стабильность. Они стали теми людьми, про которых говорят: «с них начиналось ГРУ».

Было и еще одно направление деятельности «Регистрозапа» – активная разведка («активка»), то есть разведывательно-диверсионная деятельность.

И. С. Уншлихт докладывал председателю РВСП Л. Д. Троцкому (9.07.1920):

«Учитывая явно враждебное настроение крестьян Белоруссии по отношению к полякам, революционность крестьян, которая могла бы принести нам пользу в смысле разрушения тыла польской армии, мною в конце прошлого года [1919] было приступлено к созданию нелегальной военной организации – НВО».

Ее цель – «разрушение тыла польской армии, порча жел. дорог, мостов, всякого рода связи, отдельные теракты и в конечном смысле руководство крестьянским повстанческим движением под лозунгом Сов. Власти в противовес работе белорусских левых эсеров... было обращено внимание на всестороннюю работу в деревне, которая там не велась вовсе».

«В течение февраля, марта месяцев с.г. по апрель производилась организационная работа по этой и по той стороне. Высылались люди по ту сторону в качестве уездных или волостных руководителей, которые устанавливали на местах связь с кем нужно, вербовали группы боевиков из местных крестьян, боевые ячейки. Кроме этого сплавливались за фронт в достаточном количестве оружие, преимущественно иностранного образца, винтовки и патроны, взрывчатый материал, а также денежные средства. Быстрым и усиленным темпом устанавливалась связь с возникающими партизанскими отрядами и организовывались новые отряды, словом шла лихорадочная подготовка к широкой активной деятельности зафронтového аппарата (Н.В.О.) ... К концу апреля месяца уже пришлось засвидетельствовать целый ряд активных действий отдельных боевых групп Н.В.О. и их контактную работу с партизанами Белоруссии. Активная роль нашей организации конкретно выразилась во взрывах железных дорог, крушении поездов, взрыве отдельных мостов, порче телефонной и телеграфной связи, а также применении беспощадного террора по отношению к помещикам, агентам польской власти и жандармерии...

К началу нашего наступления в прошлый раз на фронте открылось широкое партизанское движение (в их числе и боевики НВО. – Прим. авт.). Оно выражалось в столкновении с отдельными частями польской армии, нападении на заставы противника, на его обозы в деревнях и местечках, на польскую жандармерию. И чем больше было карательных экспедиций поляков в применении репрессий к повстанцам, тем сильнее революционизировалось местное крестьянство и увеличивались в своем составе партизанские отряды. В последнее время число партизан исчисляется в десятках тысяч. Из них зарегистрировано и находятся под контролем Н.В.О. до 10.000...

Помимо прямых заданий Н.В.О. исполняет агентурные функции. Получаются сведения о польской армии и состоянии ее тыла. В настоящее время аппарат Н.В.О. согласовал свою работу с деятельностью агентуры Позапа (политотдел Западного фронта. – Прим. авт.), отделениями Регистрозапа на фронте и оперативными действиями штаба Запфронта. Последнее выражается в ряде заданий НВО на предмет захвата в тылу поляков всякого рода военных и продовольственных складов, грузов на станции и т. п. ...

Необходимым условием для нашей работы в будущем является обеспечение нас живыми силами в лице выдержанных коммунистов – красных командиров, приток которых в последнее время совершенно прекратился».

За первую половину 1920 г. из сотрудников НВО было отправлено «по ту сторону» – 204 человека. В распоряжении организации находилась «легкая радиостанция, установленная в районе Борисова», через которую резиденту в этом городе должна была поступать вся интересующая командование информация⁵.

При РВС ЗФ была создана «Отдельная бригада особого назначения», которая именовалась также «Спартаковской». Эта воинская часть состояла в основном из бывших немецких и австрийских военнопленных. По замыслу, она должна была после захвата Польши в ходе советско-польской войны двинуться дальше на Запад, в Германию. Комсостав бригады почти сплошь состоял из работников разведки фронта, среди которых особо выделялись командир бригады Артур Карлович Верховский и комиссар Семен Григорьевич Фирин (Пупко), ранее командовавший партизанским отрядом в Литве. Этот известный впоследствии чекист начинал свою службу в военной разведке, так же как и Сташевский он был одним из первых ее краснознаменцев. Там же служил и Лев Александрович Борович. Одним из батальонов командовал Вольдемар Рудольфович Розе, окончивший Гатчинскую школу прапорщиков (1917), воевавший в 1-ю мировую войну на Рижском и Румынском фронтах (1915–1917). Все упомянутые здесь командиры – спартаковцы были потом военными разведчиками и резидентами в целом ряде стран Европы и Азии.

«Выслан в Берлин с полномочиями от коллегии ВЧК и Разведупра на организацию разведки в Западной Европе» (январь 1921 – июнь 1924), «работая иногда легально, иногда нелегально», один из руководителей объединенной Берлинской резидентуры, формально – секретарь торгпредства РСФСР под фамилией Степанов⁶. Наряду с ним из Берлина руководство разведывательной деятельностью в Германии и других европейских странах осуществляли в тот период Б. Б. Бортновский, С. Г. Фирин (Пупко), А. Я. Песс. С центром сотрудничали Лев Борович, Стефан Раевский и его жена Ирэна, Стефан Жбиковский, Владимир Ромм.

К осени 1924 г., благодаря совместным усилиям указных командиров разведки, в распоряжении этого центра были более ста агентов, работавших в Австрии, Болгарии, Германии, Италии, Польше, Франции и Чехословакии.

Там в Берлине начиналась долгая история знаменитого ВОСТВАГа (Wostwag – West-Osteuropäische Warenaustausch Aktiengesellschaft, т. е. Западно-Восточноевропейское акционерное общество меновой торговли). ВОСТВАГ был одним из первых в «Мобилизационной сети коммерческих предприятий» советской военной разведки за рубежом. Создателями АО стали в 1922-м сотрудники РУ штаба РККА братья Аарон Лазаревич и Абрам Лазаревич Эрен-

либы, известные впоследствии как Сигизмунд Болеславович и Бронислав Болеславович Яновские. Официально их АО было зарегистрировано в октябре следующего года. В дальнейшем, насколько известно, отделения этой сети появились также в Китае, Монголии, Великобритании, Франции, США. Как отмечал один из ответственных сотрудников ЦК ВКП(б) (1927): «ВОСТВАГ – это, как я сказал организация особая. Она имеет коммерческую внешность, но работает под руководством Берзина... Там все наше. Там несколько немцев входят в состав правления. Это коммерсанты настоящие. Это такая особая организация, никаких капиталов они туда не внесли... Оно торгует, чем только хотите. На самом деле его задача – совершенно другая, совершенно секретная, совершенно замаскированная, задача связанная с военным ведомством»⁷. Главной целью ВОСТВАГа была не разведывательная деятельность, а помощь в легализации разведчиков и их материальное обеспечение.

В вольном городе Данциге (Гданьске) работал Василь Дидушек (1920–1922). По данным польской разведки (секретное исследование «Разведка СССР» 2-го отдела Генштаба, 01.02.1923) «с берлинским представительством в Гданьске связан Василь Дидушек, галицийский украинец, который организовал разведку в D.O.K. I (дело расстрелянного за шпионаж капитана Хенрика Терка), заместитель Дидушека полковник красного Генштаба Гризенберг, приехавший из Берлина». DOK I – это Командование корпусного округа № 1 в Варшаве.

Связь с Берлинским центром держала Софья Александровна Залеская (Зося), поначалу резидент РУ штаба РККА в Кракове, Польша (в 1921–1922 гг.), где ей предстояло подыскивать нужные связи и поступить на службу в штаб или дефензиву (контрразведку). Когда все связи по дефензиве были налажены, ее срочно вызвали в Берлин. Там ей поручили особое задание – быть кухаркой видного деятеля партии эсеров Виктора Чернова «и К⁹» (март – ноябрь 1922). По мнению Бронислава Бортновского, «задачу эту выполнила весьма хорошо». В Австрии, в Венской резидентуре работала нелегальной курьершей на канале связи с Румынией и Болгарией (декабрь 1922 – весна 1923), было отмечено, что дважды (в Сербии и Румынии) она, благодаря своей выдержке, избежала провала и доставила «важные агентурные документы». Затем, в аппарате Берлинской резидентуры, несмотря на болезнь и тяжелую операцию Залеская выполняла отдельные поручения «по активной партийной работе», налаживала связь с Францией и внутреннюю связь «в Германской военной организации в Берлине» (лето 1923 – июнь 1924). Согласно характеристике, которую ей дал Бортновский «тов. Залеская прекрасный сотрудник для нелегальной работы»⁸.

Среди работников резидентуры был Борис Федорович Лаго, бывший офицер Белой Армии, работник белогвардейской разведки, награжденный Георгиевским Крестом. Под псевдонимом Борис Колпаков и с чехословацким заграничным паспортом на имя Франтишека Кольбера он работал по заданиям берлинского центра в Румынии (1922–1925). В своих воспоминаниях он рассказывает о неоднократных встречах со Степановым⁹.

Согласно данным польской разведки с ним был связан и Александр Дмитриевич Хомутов, выпускник Николаевского кадетского корпуса и Павловского военного училища, капитан, участник 1-й мировой и гражданской войн (в составе Северо-Западной армии белых), затем в эмиграции, многолетний сотрудник советской разведки. «В 1923 г. советский шпион Ремер познакомил Хомутова со Степановым, резидентом ГПУ в Берлине, который взял его к себе на службу с заданием шпионить за польскими и французскими сферами. Весной 1924 г. Степанов передал его своему преемнику Червякову» (из досье А. Д. Хомутова составленного во 2-м отделе Главного штаба Войска Польского, 26.01.1934)¹⁰.

В Германии работала польская и немецкая коммунистка Эдда Карловна Тененбаум (Эльза Баум), которую по партийной работе с 1904 г. хорошо знали К. Цеткин, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, И.С. Уншлихт, К.Б. Радек. Сначала она сотрудничала с «Разведывательным аппаратом К.П.Г.», позже была «в распоряжении Отдела товар. Степанова при Полпред-

стве в Берлине» (май 1923 – июль 1924)¹¹, затем ее перевели в Москву в центральный аппарат РУ штаба РККА.

В «Вольном городе Данциге» (польский Гданьск) действовала многочисленная разведгруппа «ДАР» (1920–1924), связанная с берлинской резидентурой. Она была сформирована в основном из русских эмигрантов. Руководили её работой гданьские коммунисты Артур Раубе и Бруно Гинце, а также бывший белогвардейский капитан Иван Иванович Беланин. Группе удалось, в частности, добыть документы о шпионской деятельности немецкого информационного бюро по Востоку (Остинформ) против Советской России. Кроме того, «ДАР» отслеживал деятельность русской эмиграции в Гданьске, помогал русским эмигрантам желающим вернуться на Родину¹².

Берлинский центр курировал журнал «Война и мир» (1922–1925). Этот «Вестник военной науки и техники» создавался через частное немецкое издательство «Фаланга» по инициативе Разведупра и им же финансировался. Редактировали журнал бывшие генералы российской армии М. И. Тимонов, А. К. Келчевский, В. В. Колосовский, целый ряд их коллег – бывших офицеров и генералов принимали участие в создании «Войны и мира», всего вышло около 20 номеров.

«Степанову» и другим приходилось также выполнять и задания Коминтерна (в частности держать связь с военной организацией ЦК КПГ, «четверкой» эмиссаров ИККИ в Германии). В связи с этим работу центра проверял в ноябре 1923 г. заместитель начальника РО штаба РККА Я. К. Берзин. Нужно также сказать, что «Степанов» не одобрял тогдашний террористический уклон в работе военной организации ЦК КПГ и отказывался такие операции проводить. В отличие от руководителя этой организации тов. «Володьки» (Вольдемара Розе) – хорошо знакомого Сташевскому по Спартаковской бригаде, к тому же Розе был еще одним резидентом военной разведки в Берлине.

Вернувшись из Германии в Москву, Артур Карлович переходит на гражданскую работу, но похоже и в дальнейшем числится в распоряжении РУ штаба РККА. Так 09.06.1928 он представлен Я. К. Берзиным к награждению подарком, в связи с X-летием РККА, в составе группы «зарубежников-агентурщиков». А на вопрос «Личного листка по учету кадров» (27.02.1933) Сташевский ответил, что принадлежит к высшему начсоставу РККА, а против рубрики «должность по которой состоит на учете» написал – «в IV Управлении штаба РККА»¹³.

Вся его последующая жизнь связана с торгово-экономической деятельностью, в том числе и с хорошо знакомой ему (еще по эмигрантским временам) пушшиной. Поначалу он некоторое время (1925–1926) состоял членом правления Всесоюзного объединения советского торгового флота для заграничных перевозок (Союзторгфлот). Потом почти с нуля создавал советскую меховую промышленность, был заместителем председателя правления Всесоюзного пушного синдиката «Пушносторг» и сменившего его в 1931 году внешнеторгового объединения «Союзпушнина» (1926–1932), «за исключительную энергию в деле организации и развития меховой промышленности» награжден орденом Ленина (1932). Статистика, которая, как известно, знает все, свидетельствует, что меховая промышленность тогда действительно была создана и выведена на довольно высокий уровень, валютные поступления от нее резко увеличились¹⁴. Однако имелись и недостатки.

Именно поэтому в апреле 1932 г. торгпред СССР в Берлине (Германия) Н. Богомолов просил ЦК ВКП(б) оставить прибывшего туда в краткосрочную служебную командировку Сташевского в качестве «надежного во всех отношениях руководителя по существу всеми заграничными операциями по Союзпушнине». Богомолов не сомневался, что Артур Карлович справится с этой задачей: «Человек он крепкий, дело знает блестяще. В коммерческой работе промаху не даст»¹⁵. Но начальство решило иначе. Почти на два года, Сташевского поставили на несколько иную должность, но также связанную с добычей валюты для советской эконо-

мики. Он возглавил правление Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами «Торгсин» (декабрь 1932 – август 1934), учреждение известное многим по роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Позже его вернули к делам меховой промышленности, Артур Карлович стал начальником Главного управления пушно-мехового хозяйства (Главпушнина) Наркомата внешней торговли СССР (август 1934 – июнь 1937), одновременно он входил в состав Совета того же наркомата (апрель 1936 – июнь 1937).

Последним и весьма важным делом в жизни А.К. Сташевского стала должность одного из высших представителей СССР в Испании, где шла гражданская война (у советских военных испанская командировка шла под грифом «операция X», а в ЦК ВКП(б) ее называли «командировкой по группе А»). Политическим представителем в тот период был советский посол Марсель Израилевич Розенберг; военным представителем (главный военный советник) – Ян Карлович Берзин; экономическим представителем (торгпредом) был Артур Карлович Сташевский (октябрь 1936 – июнь 1937). На нем лежала обязанность снабжать Испанскую Республику всем необходимым и в первую очередь оружием и боеприпасами. И с этим связано его участие в вывозе в СССР большей части испанского золотого запаса.

Из Испании Сташевский был отозван и в Москве арестован (08.06.1937), следствие по делу о «польской шпионской организации», к которой приписали и его, длилось всего лишь около двух с половиной месяцев. 21.08.1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к ВМН и в тот же день приговор приведен в исполнение. Реабилитировали А.К. Сташевского 17.03.1956 г.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.121380. Л.5.

² РГВА. Ф.104. Оп.15. Д.26. Л.3.

³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.109. Д.64. Л.6.

⁴ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.17. Л.67–69.

⁵ РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.191. Л.15–16.

⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.121380. Л.5об.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп.120. Д.14. Л.165.

⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.7264. Л.2-11.

⁹ Лаго Б.Ф. Воспоминания // Юность. М., 2011. № 11. С. 14–28.

¹⁰ РГВА. Ф.308к. Оп.7. Д.125. Л.6. См. также: Кочик В.Я. Трое из многих: Агенты советских спецслужб Александр Севрюк, Александр Хомутов и Кондрат Полуведько // В мире спецслужб. Киев, 2004. Октябрь. № 7. С. 68–72.

¹¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.98. Д.3723. Л.22–30.

¹² Romanow A. Emigracja rosyjska w Wolnym Mieście Gdańsku, 1920–1939 // Rocznik Gdański. 1985. Т.45, z. 2. S.97–98.

¹³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.100. Д.121380. Л.4.

¹⁴ Осокина Е.А. Борец валютного фронта Артур Сташевский (1890–1937) // Отечественная история. М., 2007. № 2. С. 35–36.

¹⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.120. Д.64. Л.113.

Иван Винаров и советская разведка его времени

Начало

Датой создания советской военной разведки считается 5 ноября 1918 г., когда в составе Полевого штаба РВС Республики появилось Регистрационное управление. Несмотря на серьезный недостаток хотя бы элементарно обученных кадров, недостаточное финансирование и противодействие белогвардейской и зарубежных контрразведок, военной разведке все же удалось серьезно поспособствовать победе Красной Армии в четырехлетней гражданской войне.

Особое внимание уделялось Черноморскому региону. С одной стороны на его берегах шла гражданская война, поддержку белым силам в которой оказывала Антанта, в том числе и ее флот. С другой: по окончании 1-го этапа войны (1920 г.) весьма значительные силы Белой Армии осели в Болгарии и Турции, где находились и войска интервентов. Уже в 1918 г. используя, в основном, болгарских коммунистов советские партийные и разведывательные органы стали пристально изучать ситуацию в этих странах.

Иван Цолович Винаров (1896–1969)

Известны некоторые имена тех, кто руководил военной разведкой в том регионе и создавал там первые агентурные сети: Стоян Джоров, Койчо Касапов, Григор Чочев, Борис Иванов, Семен Фирин, Христо Боев, Николай Трайчев, Федор Гайдаров, Крыстю Кытев и др. Болгары сражались и на фронтах гражданской войны, в том числе и в тылу противника. Вот один из примеров: 23.09.1919 г. Генерального штаба полковник А.Т. Гаевский, и.о. начальника контрразведывательной части Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России, издал

в г. Таганроге постановление по делу Н.И.Д. (по другому документу Николая Ильича) Кутинчева, который обвинялся в «большевистском шпионстве, а также активной, направленной во вред добровольческой армии, боевой деятельности», отмечалась его «военно-политическая в пользу советской власти деятельность и в других государствах», «связь его со шпионскими организациями большевиков за границей». Самого Кутинчева Гаевский отправил на гауптвахту, а его жену – Анну Ивановну, «как соучастницу его деятельности» – в Таганрогскую окружную тюрьму. Она была освобождена Красной Армией в декабре 1919 г., а он бежал из Екатеринодарской тюрьмы в марте 1920-го¹.

Агентурный период деятельности Ивана Винарова

Иван Цолов Винаров (пс.: Ванко) родился 24 февраля 1896 г. в болгарском городе Плевне в семье мелкого служащего. По окончании 3-х классов прогимназии в родном городе, он освоил профессию столяра, работал по этой специальности на фабриках и в мастерских (1910–1921). При этом Винаров активно участвовал в революционном и рабочем движениях в Плевне. В 14 лет стал членом «тесняцкого» (впоследствии коммунистического) Союза молодежи, вступил в ряды профсоюза деревообделочников (1908 г.). И его деятельность не осталась незамеченной властями. Ивана Цоловича арестовали в 1913 г. и полгода продержали в заключении, однако вину его доказать не удалось и он был освобожден. Спустя 3 года Винаров принят в члены Болгарской социал-демократической рабочей партии (тесняков), преобразованной в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию – БКП.

Во время 1-й мировой войны он был призван в армию, прошел краткую подготовку и принимал участие в боях на Южном европейском фронте (в районе г. Гевгелия и Дойранского озера) в составе 9-й Плевенской дивизии, в качестве рядового 6-го пехотного полка. Но и партийную работу он не забывал, занимался антивоенной агитацией и пропагандой в болгарской армии (1915–1918 гг.), при этом был награжден орденом «за храбрость» и получил двадцатидневный отпуск (1917 г.), домой вез письма для земляков с фронта, а также оружие и боеприпасы «для будущих классовых битв с капиталом», как и советовал видный деятель БКП Тодор Луканов. Потом вернулся в свою часть в Гевгелия, продолжал свою партийную работу. После развала фронта принимал участие во Владайском солдатском восстании (осень 1918 г.).

Вернувшись домой, возобновил работу по специальности, которую совмещал с партийной и профсоюзной деятельностью в Плевенском округе, «руководил нелегальной работой по вооружению партии», т. е. занимался изъятием оружия со складов Союзной контрольной комиссии, с тайных складов, на которых болгарские военные прятали оружие от войск Антанты. Винаров вспоминал: «Разведка, которая вскоре стала моим главным революционным призванием, тогда сыграла положительную роль. Партийная организация располагала сведениями о нескольких десятках тайных укрытий, где военные прятали оружие. Артиллерии не было (артиллерийский полк находился в Севлиево), в городе [Плевне] прятали пулеметы, пистолеты, гранаты, патроны».

Вместе с тем Винаров принимал активное участие в работе нелегального канала связи Варна – Севастополь, Варна – Одесса, организованного и возглавляемого Григором Чочевым. Возможности канала использовались Коминтерном, отдельными компартиями, а также и разведслужбами Страны Советов.

Кроме того, «откликаясь на призывы партии, болгарские трудящиеся саботировали отправку военного снаряжения войскам Деникина и Врангеля. Они задерживали воинские эшелоны на железнодорожных станциях, выводили из строя паровозы и вагоны, груженные оружием. Плевенские рабочие под руководством коммуниста Ивана Винарова на ходу забирались в поезда, когда они медленно передвигались в горах, и выбрасывали из вагонов оружие и военные материалы, предназначенные для белогвардейцев. Иногда они поджигали составы, идущие в черноморские порты Варна и Бургас»².

К тому же он был сотрудником охраны и участником исторического 1-го (учредительного) съезда БКП (май 1919 г.), принимал участие в создании Плевенской окружной военной организации БКП и стал ее членом. Подчеркивал в своих мемуарах, что ее деятельность не ограничивалась вопросами вооружения. Рассказывая о составе Плевенского военного отдела, он назвал комсомольцев Василя Вылчанова Додева и Василя Цакова Йотова, заметив в скобках, что оба они «впоследствии эмигрировали и стали ценными сотрудниками в моей партийно-разведывательной работе в Вене и Праге, а двадцать лет спустя, в августе 1941 г., включены, по моему предложению, в состав группы «подводников» Цвятко Радойнова, сражались на родине и погибли, их расстреляли в туннеле ШЗО [Школы офицеров запаса в Софии]».

Сотрудничество Ивана Винарова с советской военной разведкой началось, как писал он сам спустя 20 лет, в 1919 г., а связь с ней, осуществлялась, по-видимому, через партийных товарищей, дававших ему и свои задания. Этот период его разведывательной (а также и партийной) деятельности продолжался два года. Чуть более месяца он смог проучиться в Центральной партийной школе в Софии (декабрь – январь 1920 г.), но был отозван оттуда на прежнюю работу. Несколько месяцев спустя он впервые встретился с советскими разведчиками: летом 1921 г. «из Софии прибыли двое русских, одетых в белогвардейскую форму. Их сопровождал товарищ из Центрального комитета. Оба представлялись «белыми», но «осознавшими необходимость работать для родины». Не было нужды расспрашивать их, хотя было ясно, что это совершенно другого рода люди... Задача сопровождать их в Варну была возложена на меня. В Варне товарищи встречались с Димитром Кондовым, Григором Чочевым, Андреем Пеневым, Благоем Касабовым и другими партийными деятелями... Неделя, которую мы провели там, русские люди посвятили прогулкам вокруг города, где в специальных лагерях находились белогвардейцы, разговорам с различными людьми, в первую очередь с портовыми грузчиками. Цель их была установить количество и состав белогвардейских частей, а также как и когда погружается оружие на пароходы и действительно ли те грузы, которые предназначались к уничтожению «в результате потопления», отправились на дно морское. Выяснив все в подробностях, русские выехали в Софию».

В сентябре 1921-го он был арестован как участник коммунистического движения «за экспроприацию оружия для партийных отрядов» и приговорен к 8 годам одиночного заключения, сидел в тюрьмах городов Плевен, Шумен, Хасково. Через год и три месяца после ареста (декабрь 1922 г.) ему повезло бежать, когда его привезли в суд в качестве свидетеля. Добравшись до Варны, он связался с кметом (мэром) Варненской коммуны Димитром Кондовым, с его помощью (и с согласия ЦК БКП) Винарову, другому советскому разведчику Жечо Гюмюшеву и активисту военной организации БКП Бояну Папанчеву, которых также преследовали власти, удалось сесть на советский грузовой корабль. Плыли они в Советскую Россию вместе с четырьмя бывшими врангелевскими солдатами³.

По Черному морю добрались до Новороссийска, а оттуда все трое отправились в Москву, куда прибыли в начале 1923 года. В СССР Винарова называли или Иван Цолович, или Иван Гаврилович.

Первые задания на кадровой службе в РУ штаба РККА

Как вольнонаемный сотрудник он числился на службе в советской военной разведке и в РККА с августа 1922 г. Как отмечал сам Иван Цолович, «Четвертое управление зачислило меня в ряды своих зарубежных сотрудников еще в середине 1922 г. Два русских «белогвардейца», которых я охранял в Плевне и сопровождал в Варне, на самом деле были советскими людьми, чекистами Берзина; после возвращения в Москву они докладывали... и о моей деятельности».

Однако, прибыв в столицу Советской России, Винаров некоторое время состоял сотрудником референта Балканских стран ИККИ (там и принят 11.04.1923 г. в члены Российской компартии), работал столяром на фабрике по производству мебели, деревянных панелей и

музыкальных инструментов, повышал свою партийную подготовку в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова (март 1923 – апрель 1924 г.). И этому есть объяснение: статус РУ был понижен тогда до отдела (ноябрь 1922 – март 1924 г.) и в соответствии с этим сокращен его личный состав – 275 сотрудников числились в РУ в 1921 г., а в начале 1924 г. их было всего 91. С приходом к руководству военной разведкой Я. К. Берзина Разведотдел вновь стал Разведывательным управлением и таким образом появилась возможность увеличить личный состав РУ.

В период пребывания вне военной разведки он встретил свою будущую жену Галину Лебедеву, дочь генерала российской армии, умершего еще до революции.

В Разведупре штаба РККА он поступил в распоряжение Христофора Интовича Салныня («Гриша»), с которым ему впоследствии предстояло не один раз работать.

Возможно первой операцией, в которой ему довелось принимать участие вместе с «Гришей», была переброска оружия и литературы для БКП (апрель 1924 – ноябрь 1925 г.), партия готовила вооруженное восстание и разворачивала партизанское (четническое) движение. Но не все рейды по этой линии оканчивались благополучно.

По этому поводу начальник отделения «Общественная безопасность» Министерства внутренних дел и народного здравоохранения Болгарии докладывал своему министру (04.08.1924 г.): «Доношу Вам, Господин Министр, что по сведениям, полученным от лиц из коммунистической среды, 1½ месяца назад прибыл из Москвы через Стамбул Борис Шаранков, офицер запаса Болгарской армии, служивший в кавалерии, а в настоящее время комиссар Коминтерна в Москве. Он был несколько дней в Софии, после чего выехал на Черноморское побережье нашей страны, чтобы основать базу для прибытия и акустирования моторных лодок из большевистской России. Таковую базу он выбрал и устроил в местности «Св. Яни» у с. Гёзекен, вблизи с. Бяла, после чего отбыл обратно в Россию»; (15.08.1924 г.): «В лодке, захваченной у Гёзекен, найдены: 20 ящиков с автоматическими винтовками; 2 ящика револьверов; 8 ящиков патронов для манлихеровки; 8 ящиков гранат (такой же формы, как и одринка); 30 ящиков патронов для автоматической винтовки; 12 ящиков патронов для манлихеровки. В лодке было 120 ящиков, 40 из которых сброшены в море. В них было 6 пулеметов... В подготовке и совершении вышеизложенного приняли участие 60 человек из окрестных сел... Переноска оружия с моря на склад проходила под охраной 30 человек селян, а 15–20 хорошо вооруженных селян охраняли склад... Курьерами по переправке оружия [по маршруту] Севастополь – Варна были Иван Винаров из Плевны, Никола Попов – македонец и Христо Генчев, который был ранен и арестован...»⁴.

К тому же зарубежные телеграфные агентства сообщали: «В связи с обнаружением оружия арестован Г. Пеев, учитель из Гебедже, который указал еще один склад, где найдено 11 ящиков с взрывчаткой. Арестовано еще несколько человек. Одним из главных является русский Алексей Грабовский. В 1922 г. он «бежал от большевиков» из СССР. 2 года связной – передавал деньги, оружие и инструкции из СССР в Болгарию. Поставлял в СССР сведения из Болгарии»⁵.

Позднее о ситуации с провалом Боньо Петровский, ответственный сотрудник Военной организации БКП, докладывал вице-консулу СССР в Турции С.М. Мирному (София, 20.09.1924 г.): «12 августа властями было захвачено парусное судно, хозяином которого был Грабовский. Арестованы находившиеся в нем Христо Генчев, Алексей Грабовский и Закария Гирити. Впоследствии в Варне арестован Тодор Димов. Спаслись: а) в Варне – Благой Касабов и Андрей Пенев, б) в Эмине – Янко Андонов, Георги Юрданов и тов. Осип [Христофор Салнынь]. С тремя последними я неделю тому назад лично встретился. Тов. Осипа в скором времени отправим в СССР через Одрин – Константинополь». Копию этого письма получил Жечо Гюмюшев (Шварц), находившийся тогда в Севастополе⁶.

Процесс по делу об оружии состоялся в марте 1925 г. в Варне, по нему проходило 30 человек. Ни одного смертного приговора по оружейному делу не было. Иван Винаров осужден заочно на 10 лет тюремного заключения. Но, несмотря на провалы, работа на данном направлении продолжалась и в последующие годы.

Согласно воспоминаниям «Ванко», Заграничный комитет БКП «наряду с военно-организаторской и политической работой прилагал усилия, чтобы доставить новые партии оружия. В то время, когда мы совершали свои рейсы на парусниках через море, значительно большее количество оружия поступало в страну по нескольким каналам с севера, запада и юга. С севера поступало австрийское оружие, закупленное в Вене Заграничным комитетом, и отправленное в страну по Дунаю в недрах торговых грузов. С юга поступало оружие, добытое приверженцами левого национал-революционного движения Эгейской Македонии, которым руководил Васил Манолев, ранее бывший верным соратником Яне Санданского и первым помощником Тодора Паницы. С запада поступало оружие из Югославии, его переносили через границу на своих плечах десятки болгарских политэмигрантов».

После получения начальной пятимесячной подготовки в Разведупре, он побывал в Болгарии (не долго), Сербии и Австрии, помогал болгарским коммунистам, покинувшим страну из-за репрессий, обрушившихся на них после покушения 16.04.1925 г. на царя в храме «Света неделя» в Софии – «последняя авантюристическая акция Военного центра», как назвал ее Винаров (апрель – ноябрь 1925 г.). Он писал в автобиографии: что «нелегально перебросил более 300 человек, которых отправил в Советский Союз», отметив при этом, что совмещал тогда «военную и партийно-мопровскую работу», причем в Сербии и Австрии у него «не было никаких провалов»⁷.

Переброска осуществлялась по нескольким нелегальным партийным каналам, ведущим из Югославии в Австрию. Один из них шел из Белграда в Словению (Марибор), а оттуда в Вену. Среди организаторов и руководителей переброски болгарских коммунистов были и будущие соратники Винарова по работе в Разведупре: Иван Крекманов, Стефан Бюклиев, Васил Вълчанов Додев и др.

Китай

В Москве, куда Иван Винаров вернулся из зарубежной командировки, он пробыл недолго. Прошло менее двух месяцев, и он получил новое назначение, ему предстояло отправиться на другой край света в Китай, где уже с 1922–1923 гг. работали наши военные и политические советники.

«Ванко» назначили советником по вопросам военной разведки в группе Христофора Интовича Салныня – «Гриши» (январь 1926 – февраль 1929), некоторое время он работал советником в армии Фын Юй-сяна, а после измены Чан Кай-ши они перешли на нелегальное положение и обосновались в Пекине и Шанхае, начали выполнять секретные задания: «создавать нелегальную организацию КПК и вести разведку в лагере противника». Укрытием для них послужила шанхайская экспортно-импортная торговая фирма, официальные ее руководители чех «Людвиг» и югослав «Мирко», владельцами филиала в Пекине были немец, поляк и два бывших белогвардейца из армии Колчака. Как вспоминал Винаров, «шанхайская экспортно-импортная фирма имела не только контору для деловых контактов с местными клиентами и бизнесменами, но и представительный магазин во французском квартале европейской части города. Там можно было приобрести всевозможные товары: меховые изделия из Финляндии, женские туалетные принадлежности из Вены, хрустальные и фарфоровые сервизы из Праги, модную обувь из Брно, электрическое оборудование из Берлина, ароматные сигареты из Турции, Греции и Болгарии, шелковые ткани, кимоно, дамские веера из Японии, черную икру, рыбные деликатесы и дорогие меха из Советского Союза». К тому же их торговое предприятие оказалось доходным, а разведывательная работа их интернационального коллектива

стала успешной и завершилась «без провалов». Согласно воспоминаниям Ивана Цоловича, «Центр регулярно получал от нашей группы информацию о соотношении и скрытых тенденциях военно-политических сил, которые в то время определяли поведение и судьбу Китая». В 1929 г. Разведупр выпустил («для внутреннего использования») справочник «Китай: Современное положение» в нем наверняка были использованы материалы, добытые группой Салныня.

Связной группы весь период их деятельности в Китае была жена Винарова Галина Петровна Лебедева (р. в 1892 г., член компартии с 1928 г.), которая работала шифровальщицей в советских представительствах в Пекине и Харбине. А «Ванко», кроме всего прочего, исполнял обязанности советника в созданной ими военно-политической организации КПК, которую они же снабжали оружием, используя свое экспортно-импортное положение.

Винаров и Салнынь были отозваны в феврале 1929 г. и вместе с двумя другими членами группы вернулись в Москву (апрель 1929 г.). В Китае оставалась их агентура, продолжавшая работать с другими военными разведчиками. Отчитавшись в Центре о проделанной работе, «Ванко» поступил на Курсы усовершенствования комсостава по разведке при Разведупре (апрель – сентябрь 1929 г.), но закончить их вовремя ему не удалось. Он вновь оказался на Дальнем Востоке и принял участие в ликвидации вооруженного конфликта на КВЖД в качестве одного из руководителей разведывательных операций в тылу врага – вновь с Х.И. Салнынем (сентябрь – декабрь 1929 г.), действовали они в составе только что созданной Особой Дальневосточной армии. После тщательной подготовки, с помощью китайских коммунистов, группа «Гриши» переправилась на другой берег Амура и добралась до города Цицикара. За девять дней они выполнили свою задачу и вернулись на советскую сторону реки. Там они поступили в распоряжение РО штаба ОКДВА. Армия за успешное выполнение боевых заданий была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

Вернувшись в Москву с Дальнего Востока Винаров завершил обучение на Курсах, готовился к новой зарубежной специальной командировке (декабрь 1929 – март 1930 г.). «Изучал все технические новинки, которые могли оказаться полезными в работе, все виды нового оружия, усовершенствованные приемы самозащиты при внезапном нападении с холодным или огнестрельным оружием; анализировал действия врага, выявленные на очередных шпионских процессах в Союзе, изучал шифр, занимался физкультурой. Разумеется, обязательной частью обучения было повышение уровня марксистско-ленинской подготовки, расширение политического кругозора, совершенствование экономико-географических познаний, усвоение языков».

Подготовка к будущей войне

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в СССР, в рамках подготовки к большой войне, началось широкомасштабное обучение партизан для грядущих боев, к этой операции привлекались в немалом количестве и гражданские люди. Проводились учения, делались закладки оружия, взрывчатки и продовольствия, предназначенные для часа «Икс». Тогда в Белорусском военном округе силами ОГПУ было сформировано 6 партизанских отрядов численностью 300–500 человек, весь личный состав которых прошел обучение в специальных школах. В военной разведке этой проблемой занимались – РО штаба Украинского военного округа (начальник Г. И. Баар), соответствующее отделение в РУ Штаба РККА (начальница М. Ф. Сахновская). Одним из основных преподавателей специальных предметов для будущих партизан стал сотрудник Сахновской – Илья Григорьевич Старинин, (которого впоследствии назвали «дедушкой российского спецназа»), рассказавший об этом в своих воспоминаниях «Мины ждут своего часа» (М., 1964). По линии партизанского отделения (позднее это отделение – отдел «А» – «активка») и работал впоследствии Иван Винаров.

Главный резидент в Европе

В секретных приказах РВС СССР по личному составу армии 1930-го года его служебное положение выглядело следующим образом: «Состоящий в распоряжении IV Управления Штаба РККА Винаров Иван Цолович назначается [сотрудником] для особых поручений 2 разряда того же Управления» (15.03.1930 г.); «Состоящий в распоряжении IV Управления Штаба РККА Винаров Иван Цолович окончил 25/VI-1930 г. Курсы усовершенствования по разведке при том же Управлении и назначен состоящим в распоряжении того же Управления» (25.06.1930 г.).

На самом деле: напутствием начальника Управления Я.К. Берзина началась (март 1930 г.) очередная командировка «Ванко» (новый псевдоним «Март»), на сей раз в Европу главным резидентом. Штаб-квартира его находилась в Вене (он жил во 2-м бедирке на ул. Штумпергасе № 45), откуда руководил разведработой в Австрии, Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии, Греции, Венгрии, Болгарии и Турции. В некоторых из этих стран он побывал и сам⁸. Согласно мемуарам Винарова, разведывательная группа приступила к осуществлению первых секретных заданий после шестимесячной подготовки.

Одним из помощников главного резидента стал Ангел Вылчев (полное имя Ангел Вылчев Ангелов, в СССР: Иван Петрович Арсеньев), работавший в Австрии в 1929–1934 гг. Иван Винаров писал (12.02.1940): «Он был примерным товарищем преданным своей работе. Под моим руководством он освоил ее настолько, что в случае моего отсутствия в Австрии, он меня замещал и исполнял возложенные на него обязанности весьма добросовестно. Он очень дисциплинированный и образованный наш товарищ»⁹. Чехословацкой резидентурой, в составе организации «Марта», руководил Иван Крекманов (1930–1933 гг.), однако выполняемые им задания главного резидента касались и других стран. Иногда он и сам выезжал туда. Среди своих помощников Иван Цолович назвал также Ангела Игова, Петко Петкова, Тома Маринова.

Из характеристики Центра о деятельности Винарова в этот период: «Винаров организовал на чешских военных заводах и заводе «Шкода» разведывательные группы. Он получил исчерпывающую информацию о состоянии авиационной промышленности, которая характеризуется как особо ценная. С его помощью Центр получил также необходимые ему 17 греческих паспортов. От Винарова получены исключительно интересные сведения государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии...»¹⁰.

Получению упомянутых сведений способствовали, в частности, специальные почтово-телеграфные команды (ПТК), созданные в Болгарии, Греции, Румынии и Югославии. ПТК в названных странах перехватывали правительственные и дипломатические депеши и отправляли их в венскую резидентуру.

В Болгарии данной работой руководил Димитр Ананиев («Мими», «Гюго»), он возглавлял группу сотрудников Софийского центрального почтамта. Помимо этого, как вспоминал Винаров, они «осуществляли широкую деятельность по сбору информации с помощью своих людей в военно-фашистских правительственных кругах. Некоторые из них помогали советской разведке до дня победы». Поставленные задачи, как считал главный резидент, Ананиев выполнял «тактично, умело и безупречно». О подробностях этой работы вспоминал болгарский телеграфист Георги Милушев:

«С 1932 г. до 1936 г. почтовый работник Димитр Ананиев был руководителем особой организации разведчиков, работающих по зарубежной линии. Я получил специальное секретное задание: делать копии всех шифрованных телеграмм, как входящих, так и исходящих, связанных с деятельностью фашистских дипломатов, аккредитованных в Софии, а также болгарского правительства и Военного министерства. В те годы посольства не имели своих радиостанций, их секретные телеграммы проходили через телеграфную и радиотелеграфную станции Софии и сохранялись в их архивах.

Задача была трудная, но выполнение ее соответствовало моим желаниям. Как телеграфист я работал главным образом с международными станциями – Белграда [Югославия], Бухареста [Румыния], Стамбула [Турция], Салоников [Греция]. И это обстоятельство помогало мне выполнять задание. Но значительная часть дипломатических телеграмм проходила и по радиотелеграфу. Кроме того, я работал посменно, что не позволяло мне копировать все телеграммы. Тогда по поручению Д. Ананиева я перешел на работу в службу международного контроля, где сохранялись все международные и внутренние телеграммы. Мне даже удалось стать руководителем этой службы. Теперь я имел доступ ко всем тайным телеграммам. Копии телеграмм, как и другая информация, отправлялись в Вену тов. Ивану Винарову»¹¹.

Со ссылкой на воспоминания «Ванко» Милушев называет и других членов группы: телеграфиста Йосифа Рангелова, радиотелеграфиста Ивана Делибашева, механика телеграфных аппаратов Георги Ковачева, инженера технической службы Главной дирекции почт и телеграфов Николу Белопитова, чиновницу «черного кабинета» (полицейская цензура корреспонденции) Любицу Петкову Еневу, почтальонов Асена Янкова, Ивана Милчева, учительницу Цветану Георгиеву и др. При этом он подчеркнул, что, в целях конспирации, члены группы работали обособленно, каждый сам по себе на своем участке.

Менее успешной была деятельность почтово-телеграфной службы советской военной разведки в Румынии. Там работой ПТК на центральном почтамте руководили Иван Тевекелиев (ранее – в 1930–1932 гг. – сотрудничавший с резидентурой Крекманова) и Иван Мициев, прибывший из Брюсселя, Бельгия. Они регулярно передавали информацию не только по линии ПТК, их сведения касались и деятельности антисоветской агентуры в Румынии. 27.01.1933 г. Тевекелиев был арестован в Бухаресте в результате (по разным данным) то ли предательства, то ли нарушения конспирации. Парижская газета «Последние новости» сообщала: «Бухарест, 28 января. Сегодня румынская полиция произвела обыск на центральной почте в Бухаресте. Арестовано 32 почтовых чиновника. Полиции стало известно, что на телеграфной и почтовой службе образовалась особая организация шпионажа. Читались письма и телеграммы румынских министерств, банков и других учреждений... Арестованные чиновники находились в связи с большой шпионской организацией, работающей для СССР» (29.01.1933 г.).

Тевекелиева обвинили в шпионаже в пользу СССР, но из-за недостатка улик процесс длился 3 года. И лишь в 1936 г. Ивана осудили на 8 лет тюрьмы. Но освободили его в октябре 1940 г. и передали болгарским властям, а те отправили Тевекелиева в ссылку в родное село Тантури Горнооряховской области. По данным Коминтерна он «в сигуранце рассказал все что знал. На процессе и в тюрьме вел себя хорошо»¹². Тем не менее, работа ПТК в Бухаресте продолжалась. Крекманов отмечал, что Иван Мициев «сделал очень большую и важную работу в Румынии»¹³.

Помимо всего прочего, при участии Ивана Цоловича создавались (и использовались уже существующие) группы для работы в тылу противника, формировавшиеся на случай начала войны против СССР. Наиболее известными из них являются «партийные группы содействия БКП», которые начали создаваться в разных странах еще в конце 1920-х. Центральная ПГС БКП находилась в Берлине, Германия. «Ванко» писал: «Особенно сильные партийные группы среди студентов были созданы в Вене, Граце [Австрия], Праге, Братиславе, Брно [Чехословакия], Берлине, Мюнхене, Дрездене, Лейпциге [Германия], Париже, Монпелье, Нанси, Гренобле [Франция] и др. Помимо общих политических задач студенческие партийные группы выполняли и ряд строго секретных поручений». Тогда же (в 1932 г.) в Коминтерне родился совершенно секретный документ «Краткая записка о задачах и формах активного содействия СССР на случай войны с западными сопредельными странами»¹⁴.

Подобные группы существовали и в других компартиях Европы, иногда под иными названиями. Но пока что этих людей использовали в интересах советской разведки. Создава-

лись склады оружия и взрывчатки на случай войны. Когда в мае 1933 г. Компартия Австрии была запрещена и в ней шла работа по переходу на нелегальное положение у некоторых функционеров КПА были обнаружены такие склады оружия, о которых руководство партии и не подозревало.

Одним из прикрытий деятельности (в основном курьерской) главной австрийской резидентуры служила венская фирма по экспорту-импорту сельскохозяйственной продукции. Среди тех, кто занимался этим делом, был и Никола Йотов. Он писал: «Помню, что после долгих разговоров Иван Винаров мне сказал: «Ты ведь окончил факультет внешней торговли. Теперь ты будешь заниматься тем, чему учился столько времени». Так началась наша торговая деятельность». А когда она разрослась «через наших людей стали поступать важные сведения из Бухареста, Белграда, Афин, Стамбула...». По тому же поводу Винаров сообщал: «В Вену ко мне стекались все документы. Сначала я отправлял их в Центр через курьеров... Потом Берзин сократил эту процедуру. Он прислал в группу двух высококвалифицированных шифровальщиков, которые на месте расшифровывали тексты телеграмм и по радиосвязи передавали их в Москву».

Работа торговой фирмы была весьма важной и очень активной, но с соблюдением всех необходимых предосторожностей. Я.К.Берзин, посетивший с инспекцией Вену, напутствовал своих «торговцев» следующими словами: «Наша торговля должна быть солидной и корректной, необходимо держать данное слово»¹⁵.

И это лишь малая толика из того, что сделала организация Ивана Винарова.

Тем временем в Центре заместитель начальника РУ В. Х. Таиров аттестовал Винарова (10.12.1930 г.) и предложил повысить ему служебную категорию до К-10, что соответствовало воинским званиям: помощник командира дивизии, командир не отдельной бригады. Через три дня аттестация утверждена Я. К. Берзиным. А 27.01.1931 г. постановлением ЦИК СССР он награждается орденом Красного Знамени по ходатайству РВС СССР и лично наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР К.Е. Ворошилова. Вместе с ним были награждены и другие руководители зарубежных подразделений военной разведки: Леонид Андреевич Бурлаков, Вальтер Германович Кривицкий, Константин Михайлович Басов, Иосиф Исаевич Зильберт, Рудольф Мартынович Кирхенштейн. Все они «своей выдающейся инициативой и безграничной преданностью интересам пролетариата в исключительно трудных и опасных условиях, только благодаря личным своим качествам, сумевших дать необходимые и высокоценные сведения»¹⁶.

Из Вены в Москву, по окончании командировки, Иван Винаров приехал в июне 1933 г. и вскоре принят в Военную академию им. М.В. Фрунзе, на основной факультет, где проучился чуть более года (июнь 1933 – июль 1934 г.), а 19.07.1934 г. переведен на особый факультет той же Академии, предназначенный для обучения заслуженных командиров Красной Армии. Заканчивает его по 1-му разряду и вновь назначается в распоряжение РУ РККА. За полгода до окончания Академии ему присвоено звание полкового комиссара (15.04.1936 г.).

Галина Петровна в этот период тоже училась. 01.06.1933 г. она выдержала письменные и устные испытания по польскому языку, ей присвоено звание «военный переводчик РККА», с выплатой дополнительного вознаграждения (приказ ГУ РККА № 027 от 14.08.1933 г.). 15.07.1934 г. она окончила специальное (агентурное) отделение Курсов усовершенствования комсостава по разведке при РУ штаба РККА (приказ ГУ РККА № 0012 от 15.07.1934 г.).

Пока Винаров заканчивал учебу в Академии, в РУ наступили серьезные перемены, вызванные докладом Г. Ягоды о ситуации в военной разведке (при этом об аналогичных провалах в своем ведомстве – в ИНО ГУГБ НКВД СССР – он не упоминает). Судя по тому, как был принят этот доклад и какие он вызывал последствия, именно такой документ от него и ждали в Инстанции, где, конечно, были прекрасно осведомлены о том, что происходит и в одном и в другом ведомстве.

А. Х. Артузова (начальника ИНО), а потом и ряд других чекистов, направили в Разведупр исправлять выявленные, по мнению руководства, недостатки. Они заняли там руководящие посты. Артузов стал заместителем начальника Управления (Я. К. Берзина, С. П. Урицкого) и вел, в частности, переписку с И. В. Сталиным через голову начальника РУ и наркома обороны К. Е. Ворошилова. Посылая документы военной разведки Ворошилову, он писал на полях, что тов. Сталину они уже отправлены. Тем же путем он направлял Сталину и свои доклады. В апреле 1935 г., сразу же после ухода Я. К. Берзина, в РУ началась кадровая свистопляска, которая коснулась многих старых опытных сотрудников и продолжилась в период массовых репрессий.

С. П. Урицкий докладывал заместителю наркома обороны Я. Б. Гамарнику (28.01.1936 г.):

«Во исполнение указаний мною полученных был произведен пересмотр личного состава Разведывательного Управления и всех его периферийных органов. Одновременно с помощью Управления по Начсоставу были приняты меры по укомплектованию разведывательных органов.

Суммарно вся проделанная работа выражается в 406 чел. уволенных за 1935 г. из Разведупра и 1058 чел. привлеченных новых работников. (Цифры эти требуют еще уточнения; сюда включены работники аппарата округов и агентурные работники).

Наша потребность – еще 2500 человек.

Я нуждаюсь в помощи для того, чтобы обеспечить всю эту ответственную работу по подбору кадров в разведку. Нужно привести в порядок учет, личные дела, вести систематическое изучение людей, проводить оформление всех передвижений...»¹⁷.

Значительное превышение количества новых сотрудников, над количеством людей уволенных, объясняется просто: новые кадры набирали в спешке и многие из них не проходили проверку или категорически отказывались работать в разведке.

В течение всего данного предвоенного периода (1935–1941 гг.) в центральном и окружных аппаратах военной разведки в той или иной степени существовал некомплект кадров. Вот лишь один из многих примеров: начальник РУ ГШ Красной Армии Ф. И. Голиков докладывал (27.11.1940 г.) заместителю наркома обороны Е. А. Щаденко о «большом некомплекте должностей преподавательского состава и других должностей в Высшей Специальной [разведывательной] Школе Генерального Штаба Красной Армии», который влияет на «нормальный ход учебного процесса». И отмечал при этом, что «преподавателей по штату положено 68 человек, налицо имеется 16 чел., некомплект 52 чел.», Голиков предлагал указанный некомплект «пополнить исходя из реальной необходимости в следующие сроки: к 10.12.40 г. – 24 чел. и к 1.5.41 г. – 28 чел.»¹⁸. Последняя большая перестановка кадров перед войной состоялась в РУ ГШ 21.06.1941 г.

Франция – Испания

Новая командировка Ивана Цоловича последовала сразу же по окончании им Академии (16.11.1936 г.), откуда он направлен в распоряжение РУ РККА. В декабре того же года он выехал в Западную Европу по маршруту Москва – Берлин – Брюссель – Париж. Основная часть заданий группы Винарова связана с гражданской войной в Испании. Поэтому ему предстояло руководить военной разведкой в самой Испании (в тылу франкистов) и в иных странах: Германии, Португалии, Бельгии, Италии, Швейцарии и др., создавать там разведывательные группы. Помощницей его в качестве радистки и шифровальщицы была, как и прежде, Галина Петровна Лебедева.

По соседству с «Ванко», во Франции, Испании, Португалии, Италии, Швейцарии работал в те годы целый ряд людей из военной разведки, в том числе старые опытные кадры. С некоторыми из них его пути пересекались в прошлые годы, кто-то поступил сейчас в распоряжение

его резидентуры. «Ванко» отмечал: «В Центре. перед отъездом в командировку, мне предоставили свободу действий в подборе людей для полного укомплектования резидентуры, исключая, разумеется Галину и технического специалиста Z-4, которые были кадровыми сотрудниками... В Португалии и Германии у меня были назначены явки с нашими людьми, которые уже работали и с которыми требовалось согласовать наши действия... Сложная политическая обстановка в Европе стала результатом чрезвычайных событий, чрезвычайной была и наша группа, создание которой следовало завершить в течение недель и даже дней».

Необходимые агентурные сети в названных странах, как отмечал Винаров, были созданы и продолжали действовать впоследствии: после его возвращения в Москву и после падения Республики в Испании (март 1939 г.). Возможно, одним из сотрудников его организации был нелегальный резидент в Португалии Бронислав Овсянко, прибывший туда кружным путем из Москвы в качестве крупного бизнесмена, примерно в то же время. Вместе с ним приехала радистка «Эрна» (Эрна Виндт), «немка из Гамбурга, красивая, интеллигентная, хорошо знавшая ситуацию в Западной Европе и Азии, обычаи и нравы тех мест, где она работала». Овсянко вспоминал: «Первые мои донесения из Лиссабона информировали Москву о присутствии в Эсторил немцев и итальянцев, в основном офицеров переодетых в штатское, связанных со штабом испанских мятежников, находившемся в городе; о немецких и итальянских кораблях доставляющих в Лиссабон и Порто оружие для мятежников; о том, что местные власти не препятствуют разгрузке этих судов и проезду грузовиков с амуницией через португальскую территорию; сообщил, что португальские власти выдают мятежникам солдат-республиканцев, отступающих в Португалию. Шифрограммы шли в эфир и днем и ночью. За это нужно благодарить немецкого товарища Эрну, самоотверженно и отважно выполнявшую свои обязанности радистки. Случалось, она собирала передатчик и работала на нем в постели, тяжелобольная, когда нужно было передать важную, срочную информацию. Об её отношении к работе я сообщил Центру. В специально адресованном нам депеше с поздравлениями к 1 мая (1937 г.) Эрне была выражена благодарность. Президиум Верховного Совета СССР наградил её орденом Красной Звезды. Приказы Центра и каждое выполненное задание мы считали своим долгом по отношению к Испанской Республике, еще одним ударом по фашистским мятежникам». В июне 1937 г. Овсянко отозвали в СССР и вскоре репрессировали. Но его компаньон, другой, более опытный советский разведчик, продолжал начатое дело вместе с «Эрной»¹⁹. Может быть это тот самый человек, которого Иван Цолович назвал в своих воспоминаниях Мануэлем Оливейро.

Другим сотрудником Винарова мог быть киножурналист Давид Бибринг. По линии РУ сначала его «направили в армию Франко» (1936), потом он работал также и в Португалии, в Лиссабоне (1936–1937 гг.), «в частности он дал [сведения] о готовящемся наступлении итальянцев на Гвдалахару» (А.П. Панфилов, сентябрь 1940 г.). По работе Давид был связан с другим советским разведчиком К.К. Небенфюром через его жену – Эрну Венгельс. В качестве радистов в Испании и Португалии действовали в 1936–1938 гг. Э. И. Бронина, Б. К. Виндт, С. Вукелич.

Источником информации стал представленный Винарову в качестве весьма надежного человека доктор Томов. Он был давним и хорошим знакомым Бенито Муссолини, итальянского диктатора и премьер-министра. С помощью своих новых друзей Томов наладил переписку с ним, к тому же в квартире доктора в Париже разместились и одна из раций организации. «Ванко» возможно имел в виду доктора Д. П. Томова, родившегося в Осм-Пазар, Болгария 24.05.1877 г. Он окончил Шуменское педагогическое училище и 3 года был учителем в Болгарии. Потом учился на медицинском факультете в Лозанне, Швейцария и окончил его. В студенческие годы (1902–1905) состоял членом Итальянской социал-демократической группы, однако потом не вступал ни в какие политические партии (1905–1921), работал ординатором, старшим ординатором больницы в Болгарии, в т. ч. и во время 1-й мировой войны.

Но потом стал участником коммунистического движения в селах Странджи, в родном Осм-Пазаре (1921–1924), в Стамбуле, Турция (с 1924), где работал старшим ординатором при болгарской больнице (1925–1926), был одним из основателей и членом местной эмигрантской коммунистической группы, там же состоял в коммунистической группе Внутренней македонской революционной организации – объединенной²⁰.

Необоснованное увольнение. Преподавательская работа

Вернувшись в Москву по вызову, Винаров некоторое время состоял в распоряжении РУ РККА (март – июль 1938 г.), видимо отчитывался в Центре о проделанной работе, докладывал о ситуации в Испании и др. странах. Многих своих начальников и коллег он уже не застал, кого-то из них перевели в войска, кого-то уволили в запас РККА или вообще из армии, кого-то посадили или расстреляли. Все эти события коснулось и чекистов, прибывших в Разведупр в 1934–1936 гг.

15.07.1938 г. Ивана Винарова увольняют в запас РККА «в аттестационном порядке по служебному несоответствию» (органами НКВД были арестованы некоторые из бывших его зарубежных сотрудников). Но нашлись и другие причины: начальник отделения «А», по которому он числился, полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров, характеризовал его следующим образом (июнь 1938 г.):

«Полковой комиссар ВИНАРОВ ИВАН ЦОЛОВИЧ по национальности болгарин, прибыл в СССР в 1923 году, по его словам – бежав из тюрьмы в Болгарии в начале 1923 года. С конца 1923 г. ВИНАРОВ работает в системе РУ и весь этот период ВИНАРОВ был близок к врагам народа БЕРЗИНУ, НИКОНОВУ, САЛНЫНЬ и другим. Арест этих врагов народа органами НКВД значительно отразился на настроениях Винарова, и я сомневаюсь, чтобы Винаров в дальнейшем мог принести пользу как работник РУ.

Воспитанный этими врагами народа и находившийся под их большим влиянием Винаров на сегодня ценности не представляет.

Винаров женат на дочери бывшего генерала и бывшей эсерке ГАЛИНЕ ЛЕБЕДЕВОЙ, у которой первый муж поляк, бежавший в Польшу в 1920 г. с двумя ее детьми, которые и сейчас находятся в Польше. Сама она ездила, якобы за детьми, в Польшу в ноябре 1921 г. и пробыла в Польше до декабря 1922 г. Лебедева работала также ранее в системе РУ и также была близка к врагам народа НИКОНОВУ, САЛНЫНЬ и др. Лебедева последнее время всячески старалась вновь проникнуть в систему РУ, основываясь на том, что она была с мужем за рубежом и, якобы, числилась как работница РУ, это же старался провести и ее муж ВИНАРОВ.

Винаров посланный в 1936 г. по март 1938 г. в командировку, с заданием по существу ничего не сделал. Судя по архивным данным, есть основания полагать, что и прежняя его работа в РУ была такой же, как например, во время конфликта на КВЖД в 1929 г., где по архивным данным работа Винарова была признана плохой и, однако, он был награжден по представлению врага народа Берзина орденом «Красного Знамени» вместе с врагом народа Салнынь.

Винаров, несмотря на партийный стаж и звание полкового комиссара, политически малограмотен и не интересуется, и не разбирается даже в самых элементарных вопросах партийной линии и политики, что говорит о том, что в Винарове больше авантюризма, чем партийности, исходя из специфических условий нашей работы.

Учитывая вышеизложенное считаю необходимым Винарова Ивана Цоловича из РККА УВОЛИТЬ.

п/п Начальник отделения – полковник МАМСУРОВ.

ВЕРНО: Начальник отделения кадров – полковой комиссар [подпись] (Туляков)²¹. При чем в справке на Винарова, приложенной к характеристике и подписанной И. Ф. Туляковым

20.06.1938 г., сообщается, что Винаров был старым, активным членом БКП, два раза арестовывался, и бежал в СССР в 1923 г. из тюрьмы²².

Учитывая прекрасный отзыв, данный «Ванко» своему бывшему начальнику в книге «Бойцы на тихия фронт», можно предположить, что, характеризуя подобным образом подчиненного и старшего товарища Хаджи-Умар Джиорович помог избавить его от более серьезных обвинений.

Из РККА «Ванко» действительно уволили, но далеко не сразу, т. е. 10.11.1939 г. и по одной из самых мягких статей: «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией». До этой даты Винаров по-прежнему числился в распоряжении РУ РККА. Но Иван Цолович не смирился со своим положением. 20.11.1939 г. он написал письмо наркому обороны К. Е. Ворошилову, рассказал ему о своей работе в Разведупре и напомнил: «В 1930 г. я был лично Вами представлен к награждению орденом «Красное Знамя» за боевые специальные заслуги и был награжден постановлением ВЦИК СССР». И не преминул отметить, что уволил его из РККА «враг народа Гендин». Как известно чекист С. Г. Гендин исполнял тогда обязанности начальника РУ РККА, потом он был арестован и расстрелян.

Ивана Винарова вскоре назначили преподавателем кафедры общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе. 16.06.1940 г. приказ об увольнении его из армии был отменен и он уже официально назначен на вышеуказанную должность с должности состоящего в распоряжении РУ РККА. При рассмотрении данного дела вновь подняли характеристику, подписанную полковником Мамсуровым, но на сей раз, похоже, она не имела последствий.

Как здесь не вспомнить аналогичную ситуацию, в которую попал Илья Григорьевич Старинов, он вспоминал об этом в своих мемуарах «Мины ждут своего часа», опубликованных еще в 1964 г.:

«Я видел только один выход – обратиться к Наркому обороны, рассказать о своих сомнениях, просить защиты от необоснованных обвинений.

Ворошилов принял меня. На этот раз он держался сурово и замкнуто.

– В чем дело? О чем вы хотели сообщить?

Волнуясь, сбиваясь, рассказал маршалу о своих переживаниях.

– Товарищ Народный комиссар, ведь я выполнял задание Центрального Комитета по подготовке к партизанской борьбе, а склады оружия готовились по вашему указанию.

Нарком обороны смутился.

– Вы не волнуйтесь... – Потом, помешкав, взял телефонную трубку: – Здравствуйте Николай Иванович... Да вот... У меня сидит недавно прибывший из Испании некий Старинов. Его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия...

Пауза. В трубке слышится неестественно тонкий голосок. Снова говорит Ворошилов:

– Конечно, он выполнял задания врагов народа. Но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела.

Опять пауза. И опять отвечает маршал:

– Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры...»²³.

Великая Отечественная война

С началом войны вопрос с кадрами разведки обострился. Поэтому Разведупр Генштаба приступил к подготовке людей различных национальностей на ускоренных курсах, в том числе на станции Сходня Октябрьской ж.д.

Обучением курсантов там занимались, в частности, Н.К. Патрахальцев и Н.М. Трусов. В НКВД создают Особую группу (впоследствии 2-й отдел, 4-е управление), формируют Войска

Особой группы, преобразованные в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, затем в Отдельный отряд особого назначения НКВД – НКГБ СССР.

Из Военной академии им. М. В. Фрунзе многие слушатели и преподаватели отзываются на фронт в военную разведку (например, в в/ч 9903 Западного фронта) и в указанные выше подразделения НКВД. Иван Винаров в первые же дни войны принят туда на «оперативную работу», потом были ОМСБОН и ОООН, где он, кроме всего прочего, возглавлял интернациональный полк (июнь 1941 – март 1944 г.). «Ванко» занимался также подготовкой людей для работы в тылу врага, сам несколько раз побывал за линией фронта. Среди его подопечных были «подводники» и «парашютисты», болгарские коммунисты которых после обучения десантировали в Болгарию в августе 1941 г. Специальное задание он выполнял некоторое время в Турции (август – октябрь 1941 г.), куда прибыла и группа болгар: Янко Комитов, Тодор Фотакиев, Атанас Мискетов, Георгий Павлов и Иван Крекманов. Когда Винарова отозвали в Москву, они поступили в распоряжение другого разведчика. Судьба двоих из них (Комитова и Фотакиева) сложилась весьма непросто, их арестовали в Турции и выдали властям Болгарии (29.12.1941 г.), где они были отправлены в заключение²⁴, из Плевенской тюрьмы их освободило Сентябрьское восстание 1944 г.

Первые большие награждения сотрудников ГРУ и НКГБ, по итогам первых лет войны, состоялись уже в 1943 г. (январь, май, сентябрь, октябрь).

В марте 1944 г. Винаров поступает в распоряжение Отдела международной информации ЦК ВКП(б), откуда его направляют в одно из подразделений, которые возникли на месте ликвидированного Исполкома Коминтерна. «В НИИ-100 т. Винаров обучен парттехнике и шифру», «с 8/IV по 26/IV-44 г. в течение 25 часов обучался двум рецептам тайнописи... За время обучения тов. Винаров проявил себя как технически развитый и легко воспринимающий товарищ. На месте сможет пользоваться полученными рецептами»²⁵. Далее он продолжил подготовку к выполнению задания.

25.06.1944 г. группа в составе: Иван Винаров, Димитр Гилян и Радил Иванов сброшена с парашютами в районе Черни кук, Черногория, Югославия. Там они связались с югославскими и болгарскими партизанами. Задача группы – информировать ЦК и Заграничное бюро БКП о ситуации в регионе. Группа была экипирована по высшему разряду и снабжена различной радиоаппаратурой с запасными частями и вспомогательными средствами. Связь с Москвой была установлена в ночь с 11-го на 12-е августа 1944 г. и уже не прерывалась весь период деятельности группы. Посланы в Центр 59 радиogramм с 3.116 группами и получены 49 радиogramм с 2.728 группами²⁶.

08.09.1944 г. в составе 1-й софийской партизанской дивизии Винаров перешел на территорию Болгарии. Тем временем в Софии успешно прошло Сентябрьское вооруженное восстание (09.09.1944 г.). Наступили новые времена. В следующем, 1945 г., «Ванко» некоторое время провел в Москве.

Побег

Его жена, Галина Петровна Лебедева-Винарова, покинула СССР 03.02.1945 г. и вылетела в Болгарию. В самолете пассажиров, судя по всему, было только двое: она и другой бывший советский военный разведчик Христо Балиевич Янакиев. В Болгарии она обратилась в советское посольство с просьбой выдать ей советский заграничный паспорт. Посольство переслало ее обращение в Комиссию ЦК ВКП(б) по выездам за границу, созданную для отправки политэмигрантов на родину. При чем главными для Комиссии были данные, отзывы и рекомендации НКВД. Получив письмо там стали разбираться и выяснили, что она покинула Советский Союз без обязательного в таких случаях разрешения данной Комиссии (ведь на нее, как указано выше, в НКВД был компромат):

Срочно. Секретно. Экз. № 1.

5 сентября 1946 г.

КУ-3-62 938/7332.

Тов. Панюшкину А.С.

Гражданка СССР Винарова Галина Петровна обратилась в Миссию СССР в Болгарии с ходатайством о выдаче ей совзагранвида.

Винарова Г.П. 1892 г. рождения, русская. До 1945 г. она проживала в Москве (Тверской Бульвар 17). В феврале 1945 г. выехала вместе с мужем в Болгарию.

Муж гр-ки Винаровой генерал болгарской армии, бывш. полковник Красной Армии.

Прошу сообщить Ваше мнение о выдаче Винаровой Г.П. совзагранвида.

[подпись] (Беляев).

[На обороте листа резолюция:] В архив. Тов. Беляеву сообщено: в виду того, что Винарова Г.П. выехала в Болгарию без разрешения комиссии ЦК ВКП(б) по выездам за границу, считаем нецелесообразным выдавать ей совзагранвид.

16/IX.46 [подпись]

27/IX.46 [подпись]

Архив. 30/IX.46 [подпись]²⁷.

Похоже, что ее лишили не только советского заграничного паспорта, но и членства в партии. Поскольку Галина Петровна была «реабилитирована в партийном отношении 22.08.1957 г.». Выехать из СССР Галине Петровне могли помочь П.А. Судоплатов и Н.И. Эйтингон, у которых с Винаровым были очень хорошие отношения.

На родине

Винаров на родине участвовал в создании и первых боевых действиях Болгарской народной армии – БНА – в звании генерал-майора (1944–1949), был заместителем начальника Разведотдела Генштаба БНА, командиром 9-й Плевенской дивизии (1944–1946), начальником Управления военной промышленности при Военном министерстве, находился на командных постах в строительных войсках (1946–1949), был помощником министра, министром путей сообщения и строительства, начальником Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ, начальником Управления шоссейных дорог Болгарии (1949–1964) и др. Состоял членом Центральной контрольно-ревизионной комиссии БКП, был депутатом 3-го, 4-го и 5-го созывов Народного собрания Болгарии.

Осенью 1966 г. некоторые из советских разведчиков – болгар были награждены болгарскими и советскими орденами. Центральный орган ЦК БКП газета «Работническо дело» сообщила (07.12.1966 г.): «Советский посол в Софии Николай Органов вручил, по поручению Президиума Верховного Совета СССР, высокие награды болгарам – бывшим активным участникам Отечественной войны, помогавшим советским воинам в борьбе против гитлеровского фашизма.

Орденом Ленина награждены: Свобода Михайлова Анчева, Иван Цолов Винаров, Александр Костадинов Пеев (посмертно), Гиню Георгиев Стойнов (посмертно); орденом Красного Знамени: Никифор Йорданов Никифоров; орденом Отечественной войны I ст.: Иван Илиев Владков (посмертно), Йорданка Андреева Каприелова, Елисавета Михайлова Пеева, Эмил Николов Попов (посмертно); орденом Отечественной войны II ст.: Маруся Николова Владкова, Александр Переклиев Георгиев, Асен Борисов Дацев, Галина Петровна Винарова, Петко Николов Петков, Белина Герчева Попова».

За свою деятельность на различных постах он награждался советскими наградами: орденами Ленина (1966), Красного Знамени (1930), Кутузова II ст. (1945), Отечественной войны II ст. (1943), юбилейной медалью «XX лет РККА» (1938); болгарскими наградами: двумя орде-

нами «Георги Димитров» (1964, 1966), двумя орденами «Народна Република България» I ст. (1956, 1959), медалями. Имел звание Герой социалистического труда НРБ (1964).

В 1969 г. в Софии вышли воспоминания Ивана Винарова «Бойци на тихия фронт: Спо-мени на разузнавача». В период работы над ними он обсуждал прошлые события со многими из своих соратников в Болгарии, встречался с бывшими коллегами в Советском Союзе, который посещал несколько раз. Винаров называет целый ряд имен этих людей: Христо Боев, Ангел Вылчев, Марин Калбуров, Никола Йотов, Ангел Игов, Стефан Бюклиев, Христо Паков, Иван Пылов, Карел Смишек (А.М. Толлер), Иосиф Бейдо-Байер, Тодор Фотакиев, Янко Комитов, Василий Иванович Чуйков, Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров, Александр Иванович Черепанов, Леонид Константинович Бекренёв, Наталья Владимировна Звонарева, Семен Львович Ермаш, Василий Тимофеевич Сухоруков, Ян Христианович Биркенфельд, Наум Исаакович Эйтингон, Павел Анатольевич Судоплатов, и др. На русском языке его воспоминания «Бойцы тихого фронта» вышли в сокращенном виде (М., 1971). В полном виде в СССР – России они, насколько я знаю, не публиковались.

Иван Цолович Винаров скончался 25.07.1969 г.

Редактор его мемуаров Стефан Желев, который бывал вместе с «Ванко» в СССР, рассказывал: «Иван Винаров пользовался особым доверием и уважением советских людей, они высоко ценили его деятельность, особенно – люди из разведки»²⁸.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф.502. Оп.1. Д.8. Л.19, 21, 23.

² Октябрь и болгарские интернационалисты. М.; София, 1973. С.107.

³ Интернационалистът Ванко // Български воин. София, 1983. № 1. С.25.

⁴ Коминтернът и България, март 1919 – септември 1944 г. София, 2005. Т.1. С.274, 282.

⁵ За свободу. Варшава, 1924, 26 августа.

⁶ Коминтернът и България, март 1919 – септември 1944 г. София, 2005. Т.1. С.341.

⁷ РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.38. Л.52.

⁸ Непобеденият. София, 1985. С.348, 352.

⁹ РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.330. Л.38.

¹⁰ Глинджев И. и др. Железни хора // Народна младеж. София, 1966. 15–18 августа.

¹¹ В първите редици. София, 1979. С. 157–158.

¹² РГАСПИ. Ф.495. Оп.255. Д.1450.

¹³ РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.1318.

¹⁴ РГАСПИ. Ф.495. Оп.25. Д.1350. Л.55.

¹⁵ Йотов Н. За жизнерадостните виенски «търговци» и за дълга // Поглед. София, 1973. № 45. С.10.

¹⁶ РГВА. Ф.37837. Оп.3. Д.48. Л.1.

¹⁷ РГВА. Ф.37837. Оп.16. Д.54. Л.166.

¹⁸ РГВА. Ф.37837. Оп.6. Д.348. Л.284.

¹⁹ Perspektywy. Warszawa, 1976, N 49. S.39–40; N 50. S.39–40.

²⁰ РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.950. Л.70, 70об.

²¹ РГВА. Ф.37837. Оп.6. Д.161. Л.271.

²² Там же. Л.272.

²³ Старинов И.Г. Записки диверсанта. М., 1997. С.133.

²⁴ Патриот. София, 1981. № 3. С.21.

²⁵ РГАСПИ. Ф.495. Оп.195. Д.38. Л.25, 29.

²⁶ В борба с фашизма. София, 1966. С. 230–231.

²⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.57. Л.121.

²⁸ Желев С. Завещание на разузнавача // Поглед. София, 1969. 11 августа. № 32.

Лев Борович: соратник Радека и куратор Зорге

«Густые каштановые волосы, ярко синие глаза и немного загадочная улыбка». Таким он остался в памяти людей знавших его. Впрочем, улыбка Льва Александровича видна и на некоторых из тех черно-белых фотографий, которые сохранились до нашего времени.

Имя Л. А. Боровича, как наставника и связного Рихарда Зорге, было обнародовано у нас в стране в 1964 году. Писатель Василий Ардаматский, например, упомянул его в одной из первых статей о Зорге в газете «Красная Звезда» (16 сентября): «...рядом с ним находятся замечательные учителя: тт. Берзин, Борович и другие славные разведчики революции, уже имеющие опыт работы». Потом были другие упоминания, небольшие заметки в книгах о Зорге, немногочисленные статьи. Много о жизни и деятельности Льва Алесандровича, весьма надеюсь, нам ещё предстоит узнать, когда будут открыты соответствующие архивные фонды.

Лев Александрович Розенталь родился 10 декабря 1896 года в городе Лодзь в Польше, входившей в то время в состав Российской империи. Его отец, купец 2-й гильдии Александр Розенталь, владел небольшой текстильной фабрикой. Поначалу жизнь юного Левы складывалась вполне благополучно. Он поступил в местную гимназию и к 1914 году успел окончить шесть классов. Однако начавшаяся Первая мировая война полностью перевернула его жизнь, как и многих других людей. Вместе с тысячами беженцев из западных районов России его семья эвакуировалась вглубь страны, в Баку. Здесь он с отличием закончил в 1917 году электротехническое отделение местного Политехнического училища, получив специальность электромеханика. Здесь же, в Баку, в октябре 1916 года он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, однако на первых порах примкнул не к большевикам, а к меньшевикам. С ними он порвал в мае 1917-го.

Л.А.Борович, С.Г.Фирин (второй слева) с женой, Б.Б.Бортновский. Париж, 1922 г.

В сентябре 1918 года Розенталь добровольцем ушел в Красную Армию. Служил в Москве – помощником для поручений 1-го караульного батальона, в Харькове – сначала красноармейцем, затем командиром отделения 2-го крепостного полка укрепленного района. В мае 1919 года в Киеве вступил в партию большевиков. Тогда же он принял фамилию Борович. Летом

и осенью сражался против Деникина в составе Группы войск Харьковского укрепленного района, был контужен и направлен на учебу в Москву на Военно-инженерные курсы комсостава.

По окончании курсов, как выходец из Польши, Лев Борович был откомандирован весной 1920-го в распоряжение Региструпра штаба Западного фронта, ведущего боевые действия против поляков. Там он встретился с руководителем Управления Артуром Карловичем Сташевским, более известным тогда под фамилией Верховский, и с членом РВС фронта, уполномоченным Региструпра РВС Республики по разведке в Польше Иосифом Станиславовичем Уншлихтом, который еще в Лодзи хорошо знал его отца. По его рекомендации Борович был принят на работу в разведку.

Незадолго до этого, в конце января 1920 года, И. Уншлихт и А. Верховский представили комиссару Полевого штаба РВСР Д. И. Курскому отчет о работе Агентурного отдела Региструпра, где писали: «Общее число высланных агентов достигает 8; резиденции разбиты по следующим участкам: 1 резидент – Варшава с наблюдением на станциях в Молодечно, Седлец, Ивангород и Кельцы. 1 резидент исключительно на Варшаву. 2 резидента – Вильно, узловые станции – Кошечары, Свенцяны, Молодечно, Барановичи, Лида и Гродно. 3 – Ново-Свенцяны. 1 – Минск, район Молодечно, Лида, Барановичи, Борисов, Бобруйск и Вильно» и жаловались, что «постановка работы в широком масштабе тормозится», в частности, «отсутствием достаточного количества работников»¹. Так что Борович прибыл на Западный фронт ещё и по этой причине.

Первым руководителем новичка стал опытный чекист и разведчик, заместитель начальника фронтового Региструпра Бронислав Бортновский. «В следующей беседе, – давал показания на следствии Борович, – он сообщил о том, что меня будут обучать разведработе. Я ходил некоторое время на пункт, где меня обучал бывший полковник царской разведки основным установкам разведки. После окончания учебы меня... направили в Гомель в качестве нелегального запасного работника». В Гомеле (май – июль), а затем в Минске (июль – сентябрь 1920), Борович руководил разведпунктами, где встречал и провожал людей через линию фронта. «Переброска производилась очень просто. В прифронтовом районе в тылу у поляков действовали партизанские отряды, имевшие связь с нами. Партизаны одиночками, а иногда даже группами в 2–3 человека, переходили на нашу сторону, и я, как резидент Разведупра должен был их снабжать деньгами, документами и направлять дальше... Я переправил за период времени работы в Гомеле, с мая по июль 1920 года, примерно 10 человек – 4-х одиночек и остальные группами по 2–3 человека. Из СССР было переправлено в Польшу человека 3».

Соратник Боровича по военной разведке, сотрудник её в 1920–1941 годах, полковник Борис Яковлевич Буков полагал, что в тех условиях «скоротечности военных и политических событий», которые «требовали от Советского командования исключительно быстрой осведомленности... т. Алекс проявил себя столь прекрасным организатором и непосредственным исполнителем разведки». Затем, в сентябре – ноябре, Борович служит в Отдельной бригаде особого назначения при РВС Западного фронта (Спартаковской бригаде). После планировавшегося захвата Польши она должна была двинуться дальше на Запад, в Германию.

Однако поход на Варшаву окончился неудачей, в том числе и из-за недостатков в деле молодой ещё советской разведки и контрразведки. Это касается, в частности, радиотелеграфа, роль которого «была очень велика, и принесенная польза войскам неоспорима». Однако уже после гражданской войны выяснилось, «что раскрытие шифров было детской игрой для польских специалистов», поскольку «в Красной Армии в тот период ещё применялись кодовые таблицы, сохранившиеся со времени империалистической войны», имевшиеся, конечно, и у поляков. Кроме того, «о смене ключей противник любезно предупреждался по радио, все радиостанции любезно сообщали о своих переходах и местах стоянок»².

В начале ноября бригада была расформирована, костяк руководства разведки Западного фронта отозван в Москву. Здесь многие командиры были направлены на учебную базу военной

разведки. База находилась вдали от шумных дорог и многолюдных поселений. Занятия длились по 10–12 часов в день, не считая самоподготовки. Особого прилежания требовали специальные дисциплины, такие, как легализация в чужой стране, вживание в чужой быт, в чужие привычки. После прохождения краткосрочных курсов все эти люди, тесно спаянные между собой совместной работой, были направлены за границу – создавать разведывательную сеть молодого Советского государства за рубежом. Начались годы напряженной работы, связанной с постоянным риском.

12 января 1921 года Лев Борович поступил в распоряжение Разведупра Штаба РККА, получил оперативный псевдоним «Алекс», выехал в Берлин как военнопленный румынский солдат, возвращающийся на родину через Штеттин, и прибыл в столицу Германии в феврале.

Первая его командировка продолжалась более 4 лет. Это было время, когда берлинский центр Разведупра фактически превратился во второй по значению, после Московского, центр советской разведки. Отсюда протянулись нити нелегальной агентурной сети, не только в страны Центральной, Восточной и Западной Европы, но также и на Ближний Восток, в Индию, Америку. Руководителем берлинского центра с января 1921-го был уже известный нам Артур Сташевский (теперь «Степанов»), официально работавший секретарем торгпредства РСФСР.

«Чем кончится панская затея». Советский плакат. 1920 год

Первоначальной задачей Боровича было выявление немецкой агентуры в Польше и дезинформация польской разведки. Но в Берлине «Алекс» проработал недолго. Уже в мае его перевели помощником резидента Юзефа Красного в Вену, откуда в то время велось руководство разведывательной деятельностью на Балканах. Там он работал совместно с Мечиславом Логановским, Юрием Мазелем, Зосей Залесской, Феликсом Гурским, Альфредом Тылтынем, Бертольдом Ильком, Михаилом Уманским, братьями Брониславом и Сигизмундом Яновскими, Карлом Небенфюром, Яковом Локкером и др.

Во время первой командировки Борович познакомился и подружился с видным деятелем мирового большевизма Карлом Радеком и благодаря этому знакомству оказался в самом центре как планов Коминтерна по развязыванию мировой революции в Германии и странах Восточной Европы, так и, с другой стороны, деятельности руководства СССР по налаживанию и развитию нелегального сотрудничества Красной Армии с рейхсвером. Борович сопровождал Радека во время секретных переговоров с начальником штаба рейхсвера генералом фон Хессе в апреле 1922 года.

С лета 1923 года Борович на основе межгосударственных соглашений осуществлял контакты разведки РККА с абвером. Именно тогда он познакомился со знаменитым полковником абвера Оскаром Нидермайером, который с германской стороны являлся главным координатором нелегального военного сотрудничества двух стран.

Борович стоял у истоков военно-технической разведки, усилиями которой в странах Западной Европы приобреталось или похищалось так необходимое Советской России оборудование и материалы, разведка также помогала заключению выгодных для РСФСР – СССР торговых сделок. Лев Александрович принимал участие в создании нелегальной организации, которая позднее получила название – мобилизационная сеть коммерческих предприятий Разведупра штаба РККА за рубежом. Знакомые ему братья Эренлиб (Яновские) основали в Берлине в 1922-м одно из первых предприятий этой сети – акционерное общество «Востваг», имевшее впоследствии филиалы во многих странах мира. Мобсеть в основном помогала в легализации разведчиков и финансовом их обеспечении.

Одновременно Борович являлся техническим секретарем делегации Коминтерна и ЦК РКП(б) в Дрездене и руководителем ее нелегальной техники во время так называемого «Германского Октября» осенью 1923 года – неудавшейся попытки большевистского восстания в Германии. Несколько ранее, в декабре 1922 года, он же сопровождал советскую делегацию в составе К. Б. Радека, С. А. Лозовского и Ф. А. Ротштейна на международный конгресс мира в Гааге, организованный профсоюзами (где присутствовал на закрытых совещаниях советской делегации с западными рабочими лидерами), а в начале 1923 года – Карла Радека на съезд компартии Норвегии в Осло. Работая в берлинской и венской резидентурах, Борович познакомился с печально известными позднее перебежчиками – Вальтером Кривицким и Игнатием Порецким (Рейссом).

Резидентом в Чехословакии, вместо С. В. Жбиковского, Лев Борович был назначен в мае 1924-го, а спустя месяц в Праге разразился шпионский скандал. Полиция арестовала 11 человек, которых обвинили в том, что они занимались военной разведкой в пользу СССР. Руководитель этой организации Владимир Горвиц-Самойлов, избежавший ареста, как сообщалось, был связан с агентурой не только в самой ЧСР, но и в Польше, Румынии, Венгрии и Югославии. Возможно, именно с этим связано его недолгое руководство разведкой в этой стране. В сентябре того же года он направлен помощником резидента в Польшу, но и оттуда вскоре был отозван.

Лев Александрович вернулся в СССР в феврале 1925 года и приступил к работе во 2-м (агентурном) отделе Разведывательного управления штаба РККА, где сначала был завсектором, затем – начальником 1-й части и помощником начальника отдела. В июле 1927 года окончил разведупровские Курсы усовершенствования комсостава по разведке. Относительно спокойная жизнь длилась свыше полутора лет. Осенью 1927-го Борович вновь выезжает в долгосрочную командировку за рубеж, резидентом в Вену. Работает в тех же странах – Австрии, Германии, и на Балканах (октябрь 1927 – март 1930). Помимо работы по Германии и Польше его задачей являлся сбор сведений о чехословацкой армии, положении в Румынии и Юго-Восточной Европе. Я.К.Берзин ходатайствовал о награждении Льва Александровича подарком в связи с 10-летием РККА (09.06.1928) в составе группы «зарубежников-агентурщиков», которые «имеют многолетний агентурный стаж по работе на Польшу, Балканы и другие страны».³

Борович был одним из первых, кто обратил внимание на опасность, которую представляет собой гитлеровский нацизм. Его донесения, по оценке ветеранов военной разведки, отличались глубиной анализа, широтой обзора. Вот некоторые выдержки из них: «Фашизм вбирает в себя наиболее низменные, деклассированные отбросы общества, именно их он подсаживает на пьедестал «героев дня». Характерно, все сборища отличаются преднамеренной наглостью, шум, крики, мы-де хозяева положения, надежда нарождающегося национал-социализма».

«Все нахрапистее расталкивает свое окружение Гитлер, он не скрывает, что метит в вожди... Гитлер буквально демонизирует собравшихся, часто срывается на театральный крик, видя, что это нравится обывателям. Тема выступлений одна: «Только национал-социализм принесет вам процветание, все остальное сгнило. Вступайте в наше движение, голосуйте за нас! «И так почти ежедневно, нередко по два-три раза в день».

Подполковник в отставке Наталья Владимировна Звонарева, работавшая личным секретарем начальника Разведупра Берзина, вспоминала, что некоторые донесения Боровича докладывались высоким армейским и государственным руководителям не в обзорах, а отдельно. Выезжая по спецзаданию за рубеж, Звонарева видела, какой сумасшедший ажиотаж развернулся вокруг книги Гитлера «Майн кампф». Ее навязывали, ее всучивали всем и каждому как «священную книгу» национал-социализма. «А первую оценку человеконенавистнической исповеди Гитлера, – вспоминала она, – нашла я перед отъездом в своеобразной рецензии, присланной Боровичем, в строках-разоблачениях, в строках-предупреждениях представал автор воюющим политиком, бойцом».

Уже упомянутый нами полковник Буков высоко оценивал Боровича как профессионала: «Тов. Алекс, наряду с профессиональной зрелостью и отличным знанием иностранных языков, обладал ясным умом и разносторонним образованием... Он умел ценить людей и ладить с ними и был притягательной силой для большого круга товарищей. Его отношение к начальству, к подчиненным и к самому себе раньше всего определялись интересами дела. Он умел по отдельным мелочам правильно оценивать обстановку, в которой приходилось действовать, безошибочно отличать врагов от друзей Советского Союза. На служебных совещаниях он отличался ясностью мысли, точностью в определении положения и полинной самокритичностью. Не случайно поэтому, что, несмотря на долгие годы работы за рубежом в нелегальных условиях, т. Алекс сумел избежать провалов, хотя работал в странах, обладающих сильными контрразведками».

Вторая командировка Боровича закончилась в марте 1930 года. К этому времени заместитель председателя РВС Уншлихт перешел на ту же должность в ВСНХ СССР. Это было вызвано тем, что на рубеже 1930-х годов резко повысилась вероятность военного столкновения Советского Союза с ведущими странами Запада, в первую очередь с Англией, и все наиболее технически грамотные руководящие кадры были брошены на срочное развитие советской военной промышленности. Вслед за бывшим начальником переходит в ВСНХ и Борович, зачисленный в июле в резерв РККА. Вначале он работает порученцем при Уншлихте в Президиуме ВСНХ, а затем заместителем начальника фосфатного управления Всехимпрома. Тогда же в ВСНХ были направлены ещё два сотрудника Разведупра – Георгий Иванович Килачицкий (август) и Макс Германович Максимов (октябрь).

Однако работа в народном хозяйстве мало соответствовала наклонностям Льва Александровича. Поэтому он с удовольствием откликнулся на предложение Радека, назначенного руководителем Бюро международной информации ЦК ВКП(б), и заняв в июне 1932 года должность ответственного секретаря Бюро стал фактически его ближайшим помощником. С апреля 1934 года он, по совместительству, работает сотрудником технического секретариата Оргбюро ЦК. И всё это время продолжает оставаться в распоряжении Разведупра РККА. Надо заметить, что Карл Радек, фактически явившийся, еще в 30-е годы, одним из основателей модной теперь

геополитики, находился в курсе всех тайных интриг и хитросплетений мировой политики, во многом определяя решения Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД по международным вопросам.

В августе 1935 года Борович возвращается на работу в военную разведку, где начальником уже был не Ян Карлович Берзин, а Семен Петрович Урицкий. В Управлении он получил должность заместителя начальника 2-го (восточного) отдела Разведывательного управления РККА, то есть знаменитого Федора Карина, только что перешедшего в военную разведку из Иностранного отдела НКВД вместе со своим начальником Артуром Артузовым.

В центре интересов Льва Боровича находились Китай и Япония. В 1930-е годы военно-политическая обстановка в этом регионе резко обострилась, и Советский Союз был главным препятствием на пути милитаристской Японии и гитлеровской Германии к мировому господству. В случае заключения союза между ними нашей стране угрожала война на два фронта. Чтобы выбрать правильный курс в сложившейся ситуации, советское правительство остро нуждалось в достоверной информации о германо-японских отношениях. Тогда же Лев Александрович начал готовиться к новой командировке в Китай.

Во время аттестации высшего состава осенью 1935 года, Борович получил звание дивизионного комиссара, присвоенное ему приказом наркома обороны СССР от 23 ноября 1935-го. Вот как описывает его в этот период жизни советская разведчица Раиса Мамаева: «Повернувшись на какой-то шум, я увидела нового для меня человека. Он стоял ко мне спиной. Отлично сложенный, по-юношески подтянутый, с гордо посаженной головой, волосы каштанового оттенка были ровно пострижены над крепким и упрямым затылком. Я с интересом подумала, какое может быть лицо у этого человека. «Кто это, новенький?» – спросила я у соседа. «Да что ты, какой новенький! Это Алекс». Словно почувствовав, что о нем говорят, – дьявольская интуиция и нервная восприимчивость жили в этом человеке, – Алекс повернулся. На меня глянули очень заинтересованные, слегка насмешливые, грустные и еще какие-то очень сложные глаза. Потом мы встречались много раз, так как вместе работали. Он поразительно проникал в людей, с которыми его сталкивала судьба. Узнавал их. И уж если верил в них, то верил безоговорочно. Преданно. И защищал их самозабвенно...».

«Именно меня он выбрал для работы ответственной и опасной. Поверил в меня и начал работать над очень сырым, неподготовленным работником. С ним я прошла большую и трудную школу. Это была подлинная школа «Старика». Алекс был ее порождением и ее продолжением».

В апреле 1936 года Борович выезжает в свою последнюю заграничную командировку, на этот раз резидентом в Шанхай. Вместе с ним в Китай отправилась и его молодая жена Лидия Ефимовна Дорохова, которая в это время ждала ребёнка. Они познакомились в Ленинграде в августе 1935-го и через полгода поженились.

Документы любящий супруг получил на фамилию Лидова, а его жена стала Лидией Ефимовной Лидовой. Основной задачей «Алекса» была связь с японской резидентурой, возглавляемой Рихардом Зорге. Отдавая должное разнообразным способностям Зорге, начальство в Москве было уверено, что тот ещё не обрёл достаточного опыта самостоятельной работы. Поэтому Второй (Восточный) отдел Управления, курировавший резидентуру «Рамзая», решил, что необходимы частые встречи Зорге с квалифицированными наставниками из Центра. Борис Гудзь, работавший в Восточном отделе с 1936 по 1937 год, пишет в своих воспоминаниях: «Алекс был в курсе принципиальных установок в руководстве разведки по операции, обладал большим опытом в разведывательной работе и поэтому мог бы совместно с Зорге обсуждать те или иные неотложные проблемы и принимать те или иные решения. Он имел полномочия... корректировать работу Зорге в рамках поставленных перед ним задач. На него была возложена не просто живая связь как бы транзитного характера, но и роль ответственного руководителя, рекомендации которого имели силу указаний Центра»⁴.

Борович хорошо знал Рихарда Зорге еще по Германии начала 1920-х годов, а в начале 1933 года, работая в Бюро международной информации, во время подготовки разведчика к поездке в Токио обсуждал с ним различные внешнеполитические проблемы. В своих «тюремных записках» в главе «Посещение Москвы в 1933 году» Зорге пишет об этом: «Радек из ЦК партии с согласия Берзина подключился к моей подготовке. При этом в ЦК я встретился с моим старым приятелем Алексом. Радек, Алекс и я в течение долгого времени обсуждали общие политические и экономические проблемы Японии и Восточной Азии ... Ни Радек, ни Алекс не навязывали мне своих указаний, они только излагали свои соображения». В главе «Моя поездка в Москву в 1935 году» Зорге вновь упоминает Боровича: «Я встретился с новым начальником IV Управления Урицким и работавшим у него в подчинении Алексом».

Работа в Шанхае была очень напряженной. Частые разъезды, встречи, обработка информации требовали много сил и времени. Пожалуй, наиболее важным результатом деятельности советской разведки в этот период было полученное от Зорге сообщение о подписании пакта между Японией и Германией. Через «Рамзая» советскому правительству еще до формального подписания стало известно о содержании «Антикоминтерновского пакта» и секретного приложения к нему. Центр дал указание Зорге: «Изыщите возможность немедленного личного контакта с «Алексом». Желаем успеха».

В августе или сентябре 1936 года состоялась их встреча в Пекине, в парке знаменитого Храма Неба. Зорге молниеносно передал Алексу микроплёнку с документами. Вот как происходила «моменталка» в описании жены Алекса Лидии Ефимовны: «Оставив меня на ближайшей скамье около парка, Алекс ушел и спустя некоторое время вернулся. По дороге на встречу и после нее Алекс был серьезен, собран и замкнут. (Выезжая на встречи, Алекс почти всегда вел машину сам). Перейдя площадь, пошли к Храму Неба и, только спустя некоторое время после осмотра его достопримечательностей и огромной позолоченной фигуры Будды – Алекс успокоился и сев в машину мы поехали в город. Только через многие годы из печати я узнала, что в парке Алекс встречался с Р. Зорге, который передал ему микроплёнки с отчетом об «Антикоминтерновском пакте».

По поводу той же встречи предшественник Льва Александровича на посту резидента Яков Бронин писал: «Единственный и последний раз, когда Рамзай после 1935 года имел возможность «отвести душу» со своим человеком, была его встреча в августе 1936 года в Пекине с представителем ГРУ Алексом, которого он знал ещё в Москве. Алекс потом рассказывал в письме, что Рамзай, этот «волевой человек», «чуть не послезился при прощании со мной»⁵.

Вернувшись в Шанхай, Алекс продолжал встречаться с другими разведчиками из группы Зорге, а также агентами китайской резидентуры, которой он руководил. Эти встречи происходили и в Тяньцзине, и в прибрежном городе Циндао, в горном пансионате «Ляошань», где отдыхали служащие советской колонии в Шанхае.

Ближайшими соратниками Боровича по работе в китайской резидентуре были руководитель отделения ТАСС в Шанхае Андрей Скорпилев, заместитель заведующего отделением Раиса Мамаева, корреспондент ТАСС Владимир Аболтин, помощник резидента Залман Литвин и другие. Нелегальным резидентом в Шанхае в то время был инженер-полковник Христо Боев (Федор Русев), который появился в городе летом 1936-го как представитель крупной американской фирмы с документами на имя Юлиуса Бергмана. Нет нужды говорить, насколько важна была их деятельность для советской разведки.

10 декабря 1936 года, в домашних условиях, отметили 40-летие Льва Александровича. Пришли сотрудники консульства, ТАСС, других советских представительств. А спустя шесть дней у него родилась дочь. «Вернувшись домой, – вспоминала Лидия Ефимовна, – я к своей радости и удивлению увидела в квартире детскую коляску и другие необходимые детские вещи. Меня эта его забота очень тронула. Он очень любил дочку. Днем Алекс работал, а вечерами были «встречи», после которых он возвращался поздно. Дочка уже спала, а я его дожидалась.

Было не спокойно на душе. Доходили «слухи» о жизни в Москве, о работе, о товарищах». В марте 1937-го в Советский Союз были отозваны «по болезни» Р. М. Мамаева и «по политическим соображениям» А. И. Скорпилев. 30 июня того же года бригадный комиссар Андрей Иванович Скорпилев умер. А техник-интендант 2 ранга Раиса Моисеевна Мамаева была уволена из РККА 31 января 1938-го в связи с арестом органами НКВД.

В то время следователи госбезопасности раскручивали так называемое «дело ПОВ» («Польской организации войсковой»). Арестовывали поляков, служивших в РККА и НКВД, и получали от них признание в работе на вражескую разведку. Фамилия Боровича как члена ПОВ появилась в показаниях арестованных в середине июня, но ещё в начале мая он был уволен в запас РККА «по ходатайству начальника Разведывательного Управления комкора т. Урицкого от 29.4.37 № 37260» (Приказ НКО СССР по личному составу № 00106 от 5 мая 1937 г.).

Вскоре «помощник заведующего отделением ТАСС в Шанхае Лев Лидов» получил срочный вызов в Москву. 20 июня он с женой и маленькой дочкой, отплыл на пароходе «Север» во Владивосток. 7 июля Борович прибыл в свою квартиру в доме 8 по Столешникову переулку. Через четыре дня он явился для доклада к начальнику Управления. Об этом дне 11 июля 1937 года рассказала много лет спустя секретарь начальника Разведупра Н. В. Звонарёва: «Однажды начальник Управления С. П. Урицкий вызвал меня к себе и сказал, что сейчас приедет Алекс, его будут брать, чтобы я с ним поговорила. Я вышла от него совершенно удручённая и сказала своей помощнице Фире Беленькой: «Сейчас придут за Алексом, но я не могу этого вынести, ты знаешь его меньше, поговори с ним». А в дверях столкнулась с Алексом. «Ты не знаешь, зачем меня вызывали», – спросил он. Я еле-еле выдавила из себя, что не знаю, и ушла. Когда вернулась через час, то Алекса уже не было». Не понятно, правда, почему Наталья Владимировна упоминает Урицкого, который был снят с должности начальника Разведупра ещё в июне и заменён вернувшимся из Испании Берзиным, но факт остаётся фактом: одним из вариантов ареста был вызов подчинённых на доклад к начальству.

19 июля на заседании партбюро Разведупра РККА Я. К. Берзин сообщил об аресте ряда руководящих работников Управления, которых «собрание постановило исключить из рядов партии», в их числе и дивизионного комиссара Л.А. Розенталя-Боровича. На заседании, помимо Берзина, присутствовали: секретарь партбюро Г. Л. Туманян, его заместитель В. С. Яковлев, А. Ю. Валин, О. А. Стигга, П. О. Колосов, К. К. Звонарев. Кроме Туманяна и Яковлева, всех остальных вскоре постигла та же участь.

На первый допрос Боровича вызвали 13 июля и предъявили обвинение в шпионаже в пользу Польши. В качестве доказательства фигурировали показания А. К. Сташевского, Б. Б. Бортновского и С. В. Жбиковского, уже арестованных к тому времени его соратников по Нелегальной военной организации Западного фронта. Следователь – помощник начальника 3-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД майор госбезопасности Ильицкий, счёл компрометирующими фактами польское происхождение Льва Александровича, проживание его родителей за границей, а также явно не пролетарское происхождение подследственного. Подобные факты считались тогда крайне подозрительными, а показания сослуживцев дополняли картину «измены Родине». Однако Ильицкий решил не останавливаться на выявлении существовавшего лишь в его воображении сотрудничества подозреваемого с польской разведкой (с 1920 г.) и счёл нужным получить от Боровича показания о работе с немцами (с 1928 г.). Алекс действительно неоднократно встречался с германскими военными в 1923–1924 и в 1928 гг., в том числе и с деятелем немецкой разведки О. Нидермайером. Однако, как уже отмечалось выше, контакты с ними осуществлялись в рамках секретного военного сотрудничества двух стран, но следователем это расценивалось как шпионаж Боровича в пользу Германии. Через месяц Ильицкий написал обвинительное заключение, которое утвердил заместитель прокурора СССР Рогинский. Спустя неделю, 25 августа, состоялось закрытое заседание

Военной коллегии Верховного суда «без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, в порядке закона от 1 декабря 1934 г.».

Председательствовал на «процессе», продолжавшемся двадцать минут, корвоенюрист Плавнек. Он огласил приговор по ст.58 п.1б и ст.17 п.58-8 УК РСФСР: высшая мера наказания, конфискация имущества и лишение воинского звания. Окончательный и не подлежащий обжалованию приговор приведен в исполнение немедленно.

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 17 ноября 1956 года Борович Лев Александрович был реабилитирован и 4 мая 1957 года восстановлен в рядах партии, так как «в процессе дополнительной проверки дела по обвинению БОРОВИЧА Л.А. установлены новые, ранее не известные суду обстоятельства, которые свидетельствуют о его необоснованном осуждении».

Имя Л. А. Боровича останется в истории, наряду с именами многих других советских разведчиков, патриотов и защитников Отечества.

Помимо названных ниже источников в статье использованы воспоминания жены Льва Александровича Лидии Ефимовны Богатыревой, его соратников по военной разведке и фрагменты следственного дела (июль – август 1937 г.). Все эти материалы предоставлены автору дочерью Льва Александровича Боровича – Светланой Львовной.

Примечания

¹ РГВА. Ф.6. Оп.10. Д.17. Л.68–69.

² Файвуш Я. Предисловие // Стежинский М. Радиотелеграф как средство разведки. М., 1929. С.3.

³ РГВА. Ф.37837. Оп.1. Д.998. Л.30.

⁴ Горбунов Е.А. Дело Алекса лежит на дне «Аквариума» // Общая газета. М., 1997. № 2.

⁵ Дело Рихарда Зорге. М., 2000. С.189.

Коммунист-эсер-коммунист: Григорий Семёнов как зеркало большевистской политики

Многими чудными делами славились революционные годы. Но даже на фоне происшедших тогда совершенно невероятных событий трудно было представить себе, что помощником начальника агентурного отдела военной разведки станет эсеровский боевик, и не просто какой-нибудь рядовой террорист, а руководитель эсеровского террора против руководства большевистской партии, организатор покушения на Ленина, собственноручно вручивший заряженный пистолет Фанни Каплан! Человека, совершившего столь крутой поворот в своей жизни, которому простили даже Ленина звали Григорий Иванович Семёнов.

Он родился в городе Юрьеве, ныне Тарту, 29 ноября 1891 года, пятым – самым младшим ребёнком в семье акцизного чиновника Ивана Семёнова. В 1849 году глава семьи проходил по делу Петрашевского, но, в числе многих, отделался лёгким испугом. В большой семье бывшего «разночинца» царили революционные настроения, несмотря на то, что ненавистный Семенову режим позволил ему получить чин коллежского советника, занять выгодную вакансию и дать неплохое образование всем детям. Тем не менее, трое сыновей и две дочери Ивана Семенова воспитывались в духе радикализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.